

СТАНИСЛАВ ФЕДОТОВ

ВОЛНЫ РУССКОГО ОКЕАНА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Annotation

В 1867 году Россия утратила Аляску, чуть раньше — Калифорнию и легендарный Форт-Росс, а о Гавайях, чей король просился в российское подданство, никто и не вспоминал. И все это были действия (или бездействия) конкретных лиц, которые, наверное, даже не подозревали о том, что творят иной мир, нежели тот, который мог бы быть. А какие действия тех же (или иных) лиц могли создать условия, при которых северная часть Тихого океана стала бы внутренним Русским океаном, а его берега — русскими берегами?

- [Станислав Федотов](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
-

Станислав Федотов

ВОЛНЫ РУССКОГО ОКЕАНА

Знак информационной продукции 12+

© Федотов С. П., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

Novae occasiones^[1]

Глава 1

Январь 1781 года

20 января, сразу после Богоявления, Григорий Иванович Шелихов заехал к своему компаньону, Ивану Илларионовичу Голикову, поздравить с именинами.

Голиков встретил друга сердешного с распростертыми объятиями, даже не дал скинуть песцовую шубу с собольим воротником:

– Григорий Иваныч, дорогуша, наконец-то! А то приехал в наш стольный город и глаз не кажешь, ничего не расскажешь!

– Почитай, два года дома не был, сам понимаешь — соскучился, дочку впервой увидал... Теперь все расскажу, Иван Ларионыч, с тем и пришел. А пока прими наши семейные поздравления с днем ангела и скромный подарок. От меня и Наташи! — Шелихов вынул из подмышки что-то плоское угловатое, завернутое в кусок узорчатого китайского шелка.

– Что это? — спросил именинник, принимая подарок. — Ух ты-ы, тяжел, однако!

– А ты разверни, глянь, покуда я разболокаюсь.

– Прошка, прими шубу гостя, — рявкнул хозяин, и тут же возникший словно из ниоткуда кудрявый парнишка в белой рубахе и полосатых плисовых портках подхватил сброшенную Шелиховым зимнюю одежду.

Голиков тем временем сдернул с подарка обертку, повернул его к свету и остолбенел: из богатой рамы красного дерева с резными узорами на него смотрела величавая женщина в императорской короне. Точно такой портрет он видел в приемной губернатора, но тот был большой и написан красками, а этот — много меньше и собран из разноцветных дорогих камней, потому и тяжелый.

– Мать честная! — наконец вымолвил Иван Илларионович. — Вот это подарок так подарок! Парсуна самой царицы-матушки!

На глаза сорокапятилетнего купца первой гильдии, который, казалось, отродясь не плакал, навернулись слезы.

— Ну что ты, что ты... — обнял его Шелихов. — Вот уж не думал, не гадал, что так близко к сердцу примешь.

— Да как же не принять, Григорий Иваныч! Ведь благодаря заботе ейной, — Иван Илларионович склонил седую голову перед портретом, — я в нотариусы вышел, а теперь и до городского головы поднялся. — И Голиков благоговейно приложился толстыми губами к портрету государыни.

— Ну, насколько мне известно, в нотариусы ты попал еще при царице Елизавете, согласно Указу Правительствующего Сената, а до курского городского головы поднялся своим умом и усердием...

Разговаривая, они прошли в небольшую гостиную. По пути хозяин что-то шепнул вездесущему Прошке, и в соседней столовой зале засуетились, забренчали посудой. Иркутский домик Ивана Илларионовича был невелик, служил лишь для наездов по делам в этот далекий от родного Курска город, но в нем имелось все необходимое для проживания и приема небольшого количества гостей или посетителей — гостиная, столовая, кабинет, спальня, ну и, естественно, кухня, прихожая, веранда да широкий двор с хозяйственными постройками и просторной конюшней, в которой хрумкала сеном и овсом любимая тройка Голикова. Владея винными откупам в обеих столицах и Тобольске, а теперь еще и занимаясь, вместе со своим бывшим (правда, давненько бывшим, еще в Курске) приказчиком Шелиховым, пушным промыслом на островах Восточного океана, Иван Илларионович всюду выезжал по делам на своих серых в яблоках — двух кобылках и жеребце. Домик и хозяйство обихаживали экономка Агафья, кухарка Лукерья, конюх Фома да «казачок» Прошка. Все местные, все наемные, все усердно-безупречные. По крайней мере, при хозяине.

Семья Ивана Илларионовича, жена и трое детей, постоянно жила в Курске; Шелихов же, будучи сам из Рыльска, полностью уйдя в промысел морского зверя, поселился в Иркутске основательно, с юной женой, внучкой купца-старовера Никифора Трапезникова. Тринадцатилетняя красавица Наташа Кошелева с первого взгляда влюбилась в статного молодого приказчика иркутских предпринимателей Лебедевых. Да и сам Григорий оказался не промах: быстро понял, как завоевать доверие миллионщика Трапезникова — легко, не церемонясь, положил на себя крест двоеперстием^[2]. Но не

только это «подкупило» старого людознатца Никифора — разглядел он в Шелихове недюжинный ум и хозяйственную хватку и, кроме немалого приданого за любимой внучкой, отписал зятю хороший куш из наследства.

– А чего ж подъехал один, без Натальи Алексевны? — с легким упреком спросил Иван Илларионович.

– Да Анечка малость приболела, а ты же знаешь, как она над дочкой трясется. Так что — не обессудь, дорогой мой заединщик.

– Ну ничё, ничё, Бог даст — все образуется, еще увидимся, почеломкаемся.

– А ты взавтре пожалуй к нам, на мои именины, вот и увидите. Да и Анечку тож. Ей же годок через неделю.

– Уже годок! — Иван Илларионович взмахнул руками столь энергично, что прощитая сединой окладистая борода плеснулась волной. — От, времечко-журавель! Летит!

– Ну какой журавель? — усмехнулся Шелихов. — Журавель по весне в одну сторону летит, осенью — в другую. А время — лишь к старости тянет.

– Иван Ларионыч, Григорий Иваныч, прошу к столу. — В дверях столовой залы появилась экономка Агафья, статная краснощекая молодуха в капоте, отделанном кружевами и цветными лентами, с кикой на черных как смоль волосах.

Компаньоны прошли за накрытый на два прибора стол, уставленный блюдами с закусками, штофами с настойками и наливками и прочей мелочью — хрустальными плошками с хреном и горчицей, мороженой клюквой и брусникой, с грибками — солеными да маринованными, с орляком^[3] тушеным да колбóй^[4] квашеной. Посреди главенствовала плетеная хлебница с крупно нарезанными ломтями недавно испеченного, духмяного ситного хлеба.

– Агафья, садись с нами, — пригласил Иван Илларионович. — Укрась наш суровый мужеский обед своими женскими прелестями.

– Уж вы скажете, Иван Ларионыч, — засмуцалась экономка, однако живенько принесла еще один прибор и устроилась на противоположной от хозяина стороне стола.

Голиков разлил всем кедровой настойки, Шелихов поднял свою чарку и встал:

– Сегодня день пророка Иоанна Предтечи, а значит, и день ангела нашего уважаемого хозяина. Я пью твое здоровье, Иван Ларионович, потому как ты в скором времени явишься предтечей нового великого дела.

– Это какого ж дела? — взволновался Голиков. — Чтой-то я не ведаю...

– Выпьем, закусим, и я все обскажу.

Выпили, хорошо закусили, выпили еще по одной, и Григорий Иванович принялся рассказывать.

Начал с того, что уже несколько лет в компании с якутским купцом Лебедевым-Ласточкиным промышлял морского зверя на Курильских и Алеутских островах, да вот недавно разошелся с ним.

– Это какой же Лебедев-Ласточкин? — перебил Иван Илларионович. — Лебедевых знаю, а Ласточкин... — Он хитро прищурил глаз. — Уж не тот ли, что вдову каку-то порешил да и убег с-под суда?

– Вдову задушила ее племянница, Ласточкина там и рядом не стояло, — немного раздражаясь, сказал Григорий Иванович. — Это же давно известно.

– Ну, не знаю, не знаю, — покачал головой хозяин. — Все едино нехорошо пахнет, а купец с этаким душком — компанейщик ненадежный. Да ты и сам так думаешь, не то с чего бы с ним разошелся.

Оказывается, знал, хитрован, что к чему, все знал.

Шелихов налил себе зеленой пихтовой настойки, выпил, ухнул и закусил соленым груздочком.

– Разошелся я с ним, Иван Ларионыч, с того, что тебя соблазнил на общую компанию. Вот мы с тобой два кораблика снарядили — каков прибыток за два года? Без малого полмилльёна чистыми. С Ласточкиным такого не было, потому как много времени теряли, возвращаясь в Охотск на зимовку. А я перезимовал на Лисьих островах и выиграл. Да, померли от скорбута^[5] и лихоманки десятка полтора людишек, так они знали, на что шли. Сколь промышленных живота лишается и в море — от крушений, и на берегу — от хворобы и дикарей! Не счесть! А идут и идут — не остановишь! Потому как поживу чувят. Пожива — она ить навроде как дух кровяной для голодного волка! — Шелихов, как бычок, наклонил крутолобую

голову, глянул из-под густых бровей, словно примеряясь, на компаньона. Тот терпеливо ждал, жуя кусок пирога с осетровой вязигой. — И компании промысловые плодятся, аки мухи на убоине, — продолжил Григорий Иванович, — и морского зверя бьют подчистую, не думая о дне завтрашнем. А чего им думать? Нынче добудут, сколь смогут, а до завтра еще дожить надобно: они ж, компании энти скороспелые, столь же споро и распадаются. Вот и надумал я, Иван Ларионыч, что надо нам с тобой, по-перву, новую компанию сварганить с уговором лет на десять, а то и на пятнадцать, чтоб промышленные знали, что без работы не останутся; дале, по-втору, в местах промысловых ставить зимники, а то и поселения, с избами-огородами, пашнями да стадами, чтоб жить семьями, с детишками, а не набегу устраивать... — Шелихов завелся, глаза его засверкали, пальцы на руках непроизвольно сжимались и разжимались, словно он мял глину, из которой лепил свои мечтания. — Церкви наши православные к небу поднимать, школы открывать — и не токмо лишь для русских, а и для местных. Направлять их в нашу сторону, чтоб земля русская имя прирастала... Ну и промысел вести аккуратно, оставляя приплод зверя на вырост и не пущая чужих на свои места. Хозяевами следовало быть, а не разбойниками!

— Хозяевами — это нам по нутру, — ухмыльнулся Голиков. — Как, Агафья, я — ладный хозяин?

Сидевшая тише мыши экономка встрепенулась, зарделась пуще прежнего.

— Вы, Иван Ларионыч, муштина ладный да складный, — пропела сладким голосом. — На такого хозяина молиться надобно.

— Слыхал? — подмигнул Голиков. — Давай, Иваныч, выпьем за умных женок, то бишь за баб, кои нашей жизнью управляют. Не будь их, разлюбезных, и дела наши шли бы кратню хужей, а не то и вобще бы не состоялись.

— Выпью охотно, особливо за главную нашу управительницу, за матушку-царицу.

Встали, чокнулись, выпили. Дружно взялись за пироги.

Шелихов, надкусив «носик» пирожка, заглянул внутрь, понюхал:

— О-о, никак с медвежатинкой. Люблю, грешным делом, диким мясом полакомиться. — Подлил масла топленого в «носик» и,

задержав прикус, снова глянул исподлобья. — Так что скажешь, Иван Ларионыч?

— Знаю я, почто ты с Ласточкиным расплевался и ко мне прибежал. — Голиков откинулся на спинку стула и огладил бороду. — Секретную царскую экспедицию в Японию обихаживали вместе, а медаль золотую он один получил. Так ведь дело было?

— Так, — неожиданно легко согласился Шелихов. — Но разошлись мы не из-за медали. Пашка не захотел в Америку иттить, а мне на Курилах, знаешь ли, тесно. Мечтания у меня, Иван Ларионыч, — поставить, докуда дотянусь, на американском берегу фактории, стать хозяином, как Ост-Индская компания, и торговать — с Китаем, Японией, с другими южными странами, а там, глядишь, и с Европой. Чтобы корабли мои все моря-океаны бороздили! Чтобы звания «российский купец» и «российский промышленник» во всех землях уважением пользовались! Вот так!

Григорий Иванович снова, не спрашивая, налил себе пихтовой и выпил, а Иван Илларионович снова пропустил.

— Значит, «мне», «меня». «мои» — твои главные мечтания, — молвил он и глянул компаньону глаза в глаза. — А при чем тут Иван Голиков? Али хошь на чужом горбу в рай въехать?

— Так ты ж покудова молчишь. — Шелихов кинул в рот горстку клюквы мороженой и прищурился. — Скажешь «добро», и «мои» мечтания станут «наши».

— Агафья, — сказал хозяин, — тащи горячее. Что там у тебя?

— А пельмешки с дичинкой, — подхватила экономка. — Лукерья уж должна сварить. — Выметнулась на кухню и загремела там чем-то металлическим, завывоваривала кому-то.

Шелихов посмотрел ей вслед, опять налил себе пихтовой — уж больно духмяна, живым лесом пахнет. Иван Илларионович присоединился. Чокнулись, выпили, грибками закусили.

— Взять все промыслы в одни руки, стать хозяевами — замануха ладная, — задумчиво произнес Голиков. — Да только кто ж это допустит? Известно ж, тот же Лебедев-Ласточкин сунулся с таким прожектом туда-сюда и получил по сусалам. С чего ты взял, что нам позволят?

— Ласточкин дурочку сваял — себя выпячивал, — спокойно ответил Шелихов. — И на Америку не замахивался.

– А ты, что ль, по-иному мыслишь?

– По-иному. Мы с тобой начнем, и все мелкие компашки-однодневки будем под себя подбирать постепенно.

– А ежели не захотят?

– Будем уговаривать. А не захотят после того — вышибем с промыслов! Я сам пойду в Америку и вот этой рукой... — Шелихов сжал немалый кулак и собрался грохнуть по столу, но тут из кухни выплыла Агафья, неся на вытянутых руках, прикрытых вышитым рушником, большое глубокое блюдо с горой исходящих дурманящим паром пельменей, — и кулак промысловика разжался сам собой.

– Н-да-а, — покрутил головой Иван Илларионович. — Однако мне ндравится. Только у меня условие: племяша моего Мишку берем в учредители.

– Чтобы, в случае чего, числом меня задавить? — усмехнулся Шелихов.

– Не в обиду тебе, Иваныч, ты — мужик хваткий: палец тебе дашь — руку откусишь. А так — кака-никака гарантия...

– Да я не супротив Михал Сергеича, пуцай будет. В плавание его с собой возьму. Ты-то не больно любишь по морям шастать. Ну что, тогда по рукам?

Голиков, не торопясь, разлил по чаркам перцовую медовуху, пригубил, почмокал, зажмурившись — вот зараза: пьется, как песня льется, и голова потом ясна, а ноги не держат...

– Ну не тяни, решай, Ларионыч!

– Мой пай наибольший?

– Твой — наибольший, мой — наименьший. По рукам?

– А-а, и лады! По рукам!

Так родилась Северо-Восточная американская компания, которой суждено было начать великое дело созидания Русской Америки. Ее основатели и помыслить не могли, что в этот момент с их легкой руки началось образование нового мира.

Глава 2

Ноябрь 1787 года

На чтение государственных бумаг императрица отводила два часа после завтрака и успевала за это время просмотреть всю кипу писем, прошений, докладных записок, которую каждый день подготавливал секретарь. Но сегодня кипа была отодвинута в сторону, а государыня увлеклась чтением. Перед ней лежала стопа листов, исписанных кудрявым почерком; Екатерина Алексеевна тратила на просмотр страницы не более минуты, после чего лист ложился в другую, постепенно растущую стопку. Когда в кабинет вошел статс-секретарь Безбородко, стопки уже сравнялись по толщине.

– Как почивала, матушка государыня? — Александр Андреевич благоговейно принял для поцелуя руку, протянутую императрицей небрежно, без отрыва от чтения.

– Спала, как мертвая, без задних ног, — откликнулась монархиня.

Все годы пребывания в России немецкая принцесса София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская очень старалась быть русской и весьма в этом преуспела, однако так и не смогла избавиться от акцента и не научилась правильно пользоваться русскими пословицами. Но это отнюдь не мешало ей не только пребывать на русском троне, но и в политических спорах с Европой и Турцией представлять истинно русской государыней. Да и во внутренних делах — тоже. Граф Безбородко, будучи гофмейстером императорского двора, то бишь человеком, ведавшим всем и вся, прекрасно знал слабости царицы и снисходительно к ним относился. Иногда деликатно поправлял, иногда подсказывал, но никогда не позволял себе даже скрытой усмешки над ее ошибками. И не потому, что боялся за свое положение, — императрица была женщиной веселой и смешливой и в узком кругу допускала подобные вольности, — просто граф искренне ее любил и глубоко уважал.

Вот и сейчас, наедине, он счел возможным поправить:

– Либо то, либо другое, Ваше Величество. Вместе — так не говорят.

– Ладно, Александр Андреевич, учту. Скажи лучше: ты знаешь такого сибирского зверопромышленника — Шелихова Григория?

– Слышал, — осторожно ответствовал гофмейстер. — А что тебя интересует, матушка государыня?

– Да вот читаю... Генерал-губернатор иркутский Якобий прислал «Записку» этого самого Шелихова. Как же она называется? — Екатерина выдернула из-под стопы лист и прочла с выражением: — «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 годы из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Так вот, сей купец не токмо пишет о промысле морского зверя, но и ратует за колонизацию открытых земель, присоединение их к нашей империи. Описывает климат, географию, население тех мест, сообщает об закладке постоянных поселений, крепостей, об опытах земледелия и скотоводства, о дружбе с какими-то конягами, о торговле... Представляешь, граф, он там уже школу открыл для детей этих диких американцев и учит их русскому языку. Каков молодец! «Записку» его надо издать книгой, чтобы все знали, какие в России патриоты водятся. А самого купца вызвать в столицу и наградить достойно.

– С тем я и пришел, Ваше Величество, — оживился граф. — Григорий Шелихов и его компаньон Иван Голиков находятся в столице и просят высочайшей аудиенции для представления своего проекта об устройстве американских колоний. Проект поддерживают иркутский генерал-губернатор и Берг-коллегия.

Чрезвычайно удивленная императрица уставилась на гофмейстера:

– Так-так-та-ак... Весьма, весьма любопытственная информация, граф. Не сочти за труд объяснить сей ангажемент?

– Не было ангажемента, матушка, — тут же стушевался Безбородко. — Полное самодействие купцов.

– Удивлюсь, если они уже не ждут в приемной, — язвительно сказала императрица, в упор глядя на гофмейстера. — Али не так?

– Поражен твоей проницательностью, государыня, — развел руками тот. — Истинно так.

– Во-от, — смеясь, погрозила пальцем Екатерина. — От меня ничего не скроешь. Ладно, зови. Приму вне очереди. Хотя... погоди, — остановила она двинувшегося к дверям статс-секретаря и взяла другой

лист. — Якобий пишет, что купцы на обследование Алеутских островов потратили двести пятьдесят тысяч рублей и надо бы их вернуть из казны...

— Точно так, Ваше Величество, — поклонился Безбородко. — Коммерц-коллегия с этим согласна.

— Еще чего! — возмутилась императрица. — Светлейший князь Григорий Александрович города в Тавриде ставит, корабли Черноморского флота строит, на носу новая война с Турцией, и Швеция также ведет себя подозрительно — всюду деньги нужны, в казне днем с огнем шаром покати, а им — двести тыщ! Нет, нет и нет! Да, еще... Из «Записки» я поняла, что господин Шелихов жаждет монополию основать для своей компании, якобы с ней порядка больше будет. Так вот, граф, заруби им на носу: частные монополии противны моим правилам, пускай компании частные конкурируют промежду собой, а монополия может быть лишь государственной.

— Как я понял, матушка, ты им в аудиенции отказываешь?

— Да, пожалуй... сегодня я их не приму, пускай ждут решения. А за их заслуги вручить каждому по именной медали и по шпаге, украшенной бриллиантами. Передай это графу Воронцову. И чтоб создали комиссию специальную, дабы обсудить возможности плавания и коммерции в Тихом океане и Америке, и заключение оной комиссии передать мне. Без промедления!

Комиссия в составе президента Коммерц-коллегии графа Александра Романовича Воронцова, действительного тайного советника Петра Александровича Соймонова и сенатора графа Христофора Сергеевича Миниха заседала долго — целый день, с перерывами на чаепития, на обед и послеобеденный отдых. И не потому, что кто-то из них сомневался в пользе для государства шелиховского предприятия, — в этом вельможи были единодушны, — нет, обсуждали они, как бы поделикатней изложить свое заключение, дабы государыня прониклась важностью далеко идущих последствий прожекта и не отвергла его.

— Надо же! Двести тыщ для великого дела жалко! — сокрушенно восклицал время от времени граф Воронцов. А единожды добавил: — А на Мамону золотой дождь льется. Тоже мне, Даная мужеского полу^[6].

– Осторожно, граф, — предостерег Соймонов. — Стены у нас ушастые.

– Вот за твой язык, Александр Романыч, тебя и держат от двора подале, — добавил Миних. — Глядишь, отправят в деревню куковать.

– Дался вам мой язык! — досадливо махнул рукой Воронцов. — О государыне у меня и мыслишки худой нету, а Мамона... что Мамона!.. Нынче есть, завтра — фьють!.. — Граф провел раскрытой ладонью по лицу, будто снимал паутину. — Давайте, господа, заключение составлять, а там — будь что будет. В конце-то концов должна государыня понять, что компания вернет просимые деньги с лихвой и прибылью для казны. А нам интересы Отечества блюсти — это ли не честь?!

Комиссия поддержала действия Шелихова и Голикова по освоению Алеутских островов и побережья Аляски, признала справедливыми затраты их компании и рекомендовала выдать купцам из казны двести тысяч рублей на двадцать пять лет в виде беспроцентной ссуды: «Такое со стороны казны знатное пособие подаст способ совершить ими начатое, возратить им употребленные капиталы, а при том, сверх распространения державы Вашего Величества, казна получит от сбора пошлин и десятин приращение доходов, а частные люди приумножение торговли и промыслов»^[7].

Прожект Шелихова предполагал распространение русской колонизации в Америке на юг до сорокового градуса, до Испанской Калифорнии, комиссия же считала нужным ограничить продвижение пятьдесят пятым градусом, от которого сподвижник Беринга, командир бота «Святой Павел» капитан-командор Чириков начал свое исследование американского Северо-Запада: «Сие обстоятельство может служить опровержением всех притязаний других держав на земли к северу, от сказанного градуса широты находящиеся, кои по праву первого открытия бесспорно принадлежат владению Вашего Величества. Такое в пределах ограничивание, на самой строгой справедливости основанное, будет правилом умеренности и для других держав, к таковым заведениям на американском берегу приступающих, ежели не похотят подвергнуть себя следствиям неприятным».

Императрица была крайне недовольна выводами комиссии и, повторив статс-секретарю и гофмейстеру Безбородко прежние слова

об отсутствии в казне денег и неприятии частной монополии, собственноручно начертала на докладе: «Что оне учредили хорошо, то говорят оне, никто тамо на место не освидетельствовал их заверение... Многое распространение в Тихое море не принесет твердых польз. Торговать дело иное, завладеть дело другое».

– Облом, Иван Ларионыч, — сказал Шелихов, когда они вернулись в гостиницу после вручения медалей и шпаг. — Самим придется управляться с конкурентами.

Конкурентов было немало, но главным среди них противником был недавний друг и компанейщик Павел Семенович Лебедев-Ласточкин, которого следовало низвергнуть в первую очередь. Его промысловые отряды уже успели перейти с Курил на Алеуты и дальше — на матёрую Аляску. Крепостей не ставили, старались блюсти указание императрицы в отношении аборигенов: «Курильцев оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих там народов к тому не принуждать, но стараться дружелюбным обхождением и ласковостью для чаемой пользы в промыслах и торговле продолжать заведенное уже с ними знакомство». Указание, правда, было дано Сенату, однако через него — и промышленникам, и, надо понимать, не токмо про курильцев.

– Не впервой, Гришаня, управимся. А у государыни-матушки, по сему видать, советники-то умишка невеликого: недотумкали, что свято место пусто не бывает...

– Вот-вот... Я за те годы, что в Америке промышлял, насмотрелся на охочих до «святых мест». С Лаперузом знаменитым встречался, который, говорят, потом пропал в южных морях. Хитрова-ан француз! Вроде бы проход прямой искал из Тихого океана в Атлантический, а сам в устья рек заглядывал. Ну какой может быть проход меж океанами по рекам, а?

– А что, не может? — простодушно спросил Иван Илларионович.

Шелихов только рукой махнул:

– Не морской ты человек, Ларионыч.

– А чего ж он тады искал?

– Разведкой занимался. Меня выспрашивал о гаванях удобных, о местах, бобром изобильных, да в дела наши норовил свой длинный

нос засунуть...

– Ну?!

– Дуги гну! Не на того напал! Ну да ладно, Лаперуз был да сплыл, а нам, Иван Ларионыч, об своем надобно умишко раскидывать. Моими наездами в Америку с конкурентами не совладать — там постоянный приказчик нужен, чтобы всё в одном кулаке зажал, и кулак тот чтоб железным был!

Голиков горестно головой покрутил:

– Да где ж его, такого-то, найтить? А ежели и найдем, так ить воровать будет.

– Ну, кто у власти, — все воруют, — усмехнулся Шелихов. — На Руси спокон веку так заведено. Тут ведь главное не то, что ворует, а то — как ворует и как при том с порученным делом управляется. Ловкий вор ловок во всем и, глядишь, пользы более приносит, чем вреда! А тот, кто лишь в свой карман тянет, — просто глуп и стоит того, чтоб его плетью драли да ноздри рвали. Но... но есть у меня, Ларионыч, на примете человек, который нам подходит по всем статьям. В воровстве не замечен, а дела торгово-промышленные ведет ловко — и в столицах, и в Сибири. Вот прикупил недавно два заводика в Иркутске...

– И кто же этот ловкач?

– Купец каргопольский Баранов, почетный член Вольного экономического общества...

– И за каким, спрашивается, хреном столь успешному купцу иттить в приказчики, да еще и ехать в даль кромешную? — усомнился Иван Илларионович.

– Дак он и не хочет. Пока не хочет... — хохотнул Григорий Иванович. И тут же посерьезнел, глянул с острым и даже хищным прищуром: — Только сдастся мне, что компания его вскорости прогорит, и Александр Андреич свет Баранов примет мое предложение.

– А ежели не прогорит?

– Поможем.

– Ну ты и гусь, Григорий! — Голиков и сам горазд на всякие хитроумные уловки, но такие подножки были ему как-то не по душе. А Шелихов на его укоризну лишь ухмыльнулся. — Позволь, позволь, а

как же Евстратий Иванович? Его куда? Ты ж сам его два года как от Панова переманил?

– Деларов не пропадет. Вернется на свою шхуну. Семь лет водил «Святого Алексея» и еще поводит. Слабоват он для обуздания конкурентов. Слабоват! Там ведь и в людей стрелять приходится, и приказы жестокие отдавать.

– А Баранов сможет?

– Он — сможет!

Глава 3

Июль 1795 года

– Григорий Иваныч, тут к вам курьер с презентом от господина Демидова. — Голос лакея Тимошки подрагивал, и сам он из боязни едва не приседал: у хозяина в разгаре праздник — дочка старшая, четырнадцатилетняя Аня, шутка ли, дворянкою стала, обвенчана с сыном председателя губернского суда, подполковником лейб-гвардии Измайловского полка в отставке Николаем Петровичем Резановым, — а тут какой-то курьер с презентом, можно и по шее ни за что ни про что схлопотать.

– От Демидова? Николая Никитича? Веди его сюда! — Шелихов обнял за плечи сидящего рядом красавца лейб-гвардейца. — Вишь, Николай Петрович, какие люди нам презенты шлют? Действительный камергер двора Ея Величества уважение оказывает!

Говоря, Григорий Иванович обвел быстрым взглядом гостиную залу, заставленную столами с яствами и напитками — и то и другое весьма энергически поглощалось гостями, среди которых были главы всех именитых иркутских семейств; задержался на молодом великоустюжском купце Михайле Булдакове, который любезничал с дочкой Авдотьей (подумал: вот еще один жених; жаль, наследника нет, сын Мишатка во младенчестве помер, но теперь надежда заимелась, что девки не подкачают); улыбнулся свату Петру Гавриловичу Резанову, а заодно и сидящей рядом с ним своей супруге, верной Натальюшке (как-никак два десятка лет рядом, бок о бок, и не только в постели, а и во всех походах и делах, первая русская женщина в Америке, основательница первой школы для алеутов, сама же их и учила...); успел ободряюще подмигнуть новобрачной, дитятку любимому, рожденному на диком Командорском острове в первую зимовку по пути в Америку, и снова обернулся ликом к Николаю Петровичу.

– Подумаешь, камергер! — слегка заплетающимся языком отвечал зять. — Я, Григорий Иваныч, в его годы отвечал за безопасность

государыни в путешествии в Тавриду и вполне мог стать ее *другом сердешным*... — Последние слова Резанов произнес почти шепотом, с придыханием и в избытке почтительности уронил слезу на бархатный камзол тестя.

— Ну и дурак, что не стал, — неожиданно рубанул Шелихов. — С твоим-то умом мог бы большие пользы принести матушке-государыне.

— Но тогда бы я не встретил Анечку, солнышко мое... — Николай Петрович подхватил за локоток легкую ручку сидящей рядом раскрасневшейся юной жены, другой рукой взялся за пальчики и начал их по порядку целовать. Анна Григорьевна восторженно глянула на отца и приложилась губами к затылку мужа.

— Как знать! — пробормотал в спину зятю Шелихов. — Прислал же тебя Зубов ревизовать нашу компанию... Ну да ладно, вон курьер явился, потом договорим.

А что, собственно, договаривать? Мог, конечно, Резанов стать продолжателем дел светлейшего князя Потемкина, но ему-то, Шелихову, что с того? Хотя... с другой стороны, ревизия Николая Петровича показала, что он поддерживает американские проекты Шелихова и готов по ним высказать в столице свое мнение... однако будет ли от того польза? Как бы случаем не навредить Северо-Восточной компании, которая, несмотря на запрет монополии, потихоньку-полегоньку подбирает под себя мелких промышленников, год от года становясь богаче и сильнее.

Шелихов поднялся из-за стола навстречу молодому черноволосому человеку в запыленном мундире фельдкурьера. Кожаную дорожную шляпу тот держал под мышкой, а на вытянутых руках его лежал объемистый сверток.

— От самого Николая Никитича Демидова? — на всякий случай поинтересовался Григорий Иванович.

— Так точно! — гаркнул фельдкурьер.

— А тебя как звать-величать? — спросил хозяин, принимая сверток.

— Поручик Гаврила Харитонов, сударь.

Шелихов обернулся к столу.

— Николай Петрович, окажи честь посланцу, поручику Харитонову, налей чарку кедровой, и кто-нибудь усадите нежданного гостя за угощение. — Проговорил, а сам тем временем развернул

обертку — кашемировый цветастый платок, из-под которого вынырнул резной ларец красного дерева. — Ух, ты-ы, лепота! — Открыл. В ларце лежала огромная шишка с пучком листьев, жестких даже на вид. В нос ударил одуряюще-сладкий запах. — Однако ананас!..

Григорию Ивановичу вдруг стало нехорошо: лицо поручика расплылось в пятно, голова закружилась, затягивая в это кружение фигуры гостей и все убранство пиршественного стола; Шелихов пошатнулся, уронил презент и обвис на руках подскочивших слуг. Он не видел и не слышал, как после слов про чарку для поручика зять поднялся во весь свой лейб-гвардейский рост, с недоумением всматриваясь в фельдкурьера и медленно произнося: «Ты — поручик Гаврила Харитонов? А ведь врешь, сукин сын!» Как, заметив дурноту тестя, Резанов рявкнул, указывая на фельдкурьера: «Взять мерзавца!», а тот вдруг выхватил какую-то штуку, напоминающую кавалерийский пистолет, только с несколькими стволами, и выстрелил в воздух. Как, видя это, все испуганно отхлынули от поручика, а тот усмехнулся, сказал что-то вроде «Well, I'm done»^[8] и спокойно вышел из залы. Удаляющийся перетоп копыт оповестил о том, что курьер отбыл восвояси, но это вряд ли кто заметил: все были заняты обеспамятевшим хозяином.

Григорий Иванович умер на следующий день, 31 июля, в день святого Георгия Победоносца. Ученый лекарь признал отравление неизвестным ядом. Оказалось, Резанов лично знал поручика Харитонова, а посланец оказался подменшцем. Его, кстати, не поймали — как сквозь землю провалился мерзавец, — и кто и зачем обрек на смерть знаменитого промысловика, осталось неразгаданной тайной. Правда, фраза, сказанная «поручиком» по-аглицки, вызвала предположение Резанова, что заказали убийство конкуренты Григория Ивановича из Компании Гудзонова залива, с коими случались на Аляске весьма и весьма крутобренные стычки (что греха таить — доходило и до перестрелок, после коих британцам волей-неволей приходилось убираться), однако сказанное к делу не пришьешь — могло и послышаться. А уж винить в злонамерении Николая Никитича Демидова, богатейшего промышленника, хозяина уральских заводов, покровителя искусств, камер-юнкера и прочая, и прочая, никто бы и помыслить не посмел, да и знали все об особом его

благорасположении к смелому и предприимчивому сибирскому предпринимателю.

«Все в руках Божьих», — говорили промеж собой купцы-промышленники, неприкрыто дивясь, как был сбит на взлете столь могучий орел, и, наверное, потому Господь все милостивый дал умирающему силы и время, чтобы поведать наследникам, может быть, самое важное слово.

Впав в беспамятство на свадьбе, Григорий Иванович очнулся через полсуток, увидел возле постели склоненную в молитве жену, Наталью Алексеевну, дочерей, а чуть поодаль — новоявленного зятя и молодого купца приближенного, Михайлу Булдакова.

— Натальюшка... — позвал слабым голосом.

Наталья Алексеевна радостно вскрикнула и припала с поцелуями к его большой, обычно крепкой, а сейчас вялой, расслабленной руке.

Зашевелились, оживляясь, и все остальные.

— Умираю я, Натальюшка...

— Нет, нет! Ты будешь жить, сокол мой ясный, — захлебываясь слезами, говорила верная подруга, мать его любимых детей, надежная помощница. — Ты встанешь, мы с тобой еще сплаваем...

— Помолчи, — остановил муж. — Времени моего мало осталось. Надо бы исповедаться да причаститься... Пошлите за отцом Иннокентием. Наиглавнейший грех камнем на груди лежит — может, Бог его снимет... — Григорий Иванович не стал уточнять свой грех при детях, а тот был, и верно, велик: отражая на Кадьяке нападение аборигенов, он со своими людьми безжалостно убил около тысячи человек и столько же взял в заложники. Это при указе-то государыни ласково обращаться с местными! Передохнул, подождал, скажут ли чего наперсники — те промолчали. После чего добавил: — А я пока с зятьями перетолкую.

— С зятьями? — встрепенулась непонимающе Наталья Алексеевна.

— Да, матушка, с зятьями. Ты давай не медли, Авдотьюшку за Михайлу выдавай — будет тебе надёжа и опора. Николай, Михайла, — позвал умирающий слабым голосом, но они услышали, подошли. — Полюбил я вас, полюбите и вы семью нашу. Поклянитесь, что ни в беде, ни в радости не оставите мою Наталью с детьми...

Григорий Иванович даже приподнялся на локте, всматриваясь в лица молодых людей.

Резанов и Булдаков переглянулись и, кивнув, твердо сказали:

– Клянусь!

Каждый вроде за себя, а вышло — вместе, складно и ладно.

Шелихов опустился на подушки, поманил пальцем поклявшихся — те склонились над ним и слышали горячий шепот:

– Управлять компанией будет Наталья. Ей, матушке, все до тонкостей ведомо. И вас благодарностью не обойдет.

Шелихов не случайно дважды назвал жену «матушкой». Так Наталью Алексеевну называли все служащие компании — твердой рукой она управляла делами в отсутствие мужа, но и, когда нужно, ласковой была, как родная матушка.

– Гильдия ее не признает, Григорий Иваныч, — мотнул головой Михайла Булдаков. — И Коммерц-коллегия не утвердит.

– Сам знаю. А вы поспособствуйте, чтоб признали и утвердили.

Время Шелихова заканчивалось, он начал задыхаться. Явившийся наконец отец Иннокентий едва успел его исповедовать, снял тяжкий грех, освободил душу перед уходом в мир иной, а вот обряд елеосвящения проводил уже над телом бездыханным, что усопшему, в общем-то, было ни к чему.

Глава 4

Декабрь 1796 года

Внезапный насильственный уход Григория Шелихова не подорвал позиции компании, но сложности проявились довольно скоро.

Все приказчики признали «матушку» Наталью Алексеевну полноправной хозяйкой, к такому же решению пришел Иркутский городской магистрат, но купцы, как и предполагал Михайла Булдаков, заартачились. Кто-то не желал «видеть бабу» в своих рядах, кто-то недолюбливал семью Шелиховых, а кто-то рассчитывал и поживиться, участвуя в ожидаемом развале богатой компании. Однако тучи над Натальей Алексеевной сгустились не с этих сторон. К тому времени в городе сложилась партия сторонников слияния компаний в крупный союз во главе с миллионщиками Николаем и Петром Мыльниковыми. Голиков испугался, что Иркутская коммерческая компания, объединявшая промысловые предприятия Мыльниковых, Ларионовых, Мичуриных, Дудоровских, проглотит Северо-Восточную «с косточками», потому поспешил изъять из американской свою долю и метнуться под крыло более сильных. Попросту говоря, предал своих товарищей. И тогда Наталья Алексеевна собрала семейный совет, пригласив обоих зятьев, заметно укрепивших свое положение. Николай Петрович Резанов получил ключ камергера, пользовался при дворе нового императора заметным влиянием, а купец первой гильдии Михайла Матвеевич Булдаков приобрел в промышленной среде немалый вес и авторитет. Он-то и подсказал вдове Шелихова беспрюирышный ход:

– Тебе, матушка, надобно к Мыльниковым прислониться. Предложить объединить капиталы их Иркутской и твоей Северо-Восточной. Не все, конечно, а в определенной пропорции. Самой дела не сдавать, но добровольно уйти на вторую линию. Николай Прокопьевич как старшой любит поперёд всех красоваться — и пусть! Будь похитрее, потрафь его самолюбию, поклонись отцу родному, и тогда нам никакие конкуренты не страшны. Поняла, что к чему? —

Наталья Алексеевна кивнула: как, мол, не понять, всю жизнь в одном казане да на одном костре варимся. — А у тебя, Николай, — обратился Михайла к свояку, — задача особая. Ты теперь при дворе, и тебе надобно устав для новой объединенной компании загодя составить да указ императорский, утверждающий эту компанию, подписать.

— Но ведь государыня отказала Грише и Ивану Ларионычу, — напомнила Наталья Алексеевна.

— Так то государыня, — возразил Николай Петрович, до того молча внимавший словам свояка. — А государь наш исправляет ошибки матушки, вот и надобно представить ее отказ как происки, допустим, «князя тьмы». Его Павел Петрович так ненавидит, что готов все им содеянное изничтожить.

— Это какого же «князя тьмы»? — удивилась Наталья Алексеевна.

— Светлейшего Григория Александрыча Потемкина, — вздохнул Резанов. — Редкостного государственного ума был человек, да вот не уважил наследника, а тот зело памятлив.

— Зачем же подставлять хорошего человека? — рассердилась Шелихова.

— Не подстава это, матушка, а хитрый ход, — возразил Булдаков. — Покойному светлейшему мы ничем не повредим, а для Григорияиванычева дела польза может быть преогромнейшая. То ж его золотое мечтание — основать Русскую Америку.

— Да-а. — Глаза Натальи Алексеевны затуманились слезой: любимый муж не уходил из ее памяти. — Что ж, так и поступим.

— Еще добавлю, матушка, — заторопился Резанов. — Как сговоритесь с Мыльниковым, тебе самой следует в Санкт-Петербург поехать, с письмом о заслугах Григория Иваныча, к царю аудиенцию выпросить. Я в этом поспособствую, и письмецо мы с Михайлой составим со всеми атрибутциями.

Наталья Алексеевна не просто последовала умному совету Булдакова, она выбрала самое удачное время для визита к старшему Мыльникову — в день именин его среднего сына Якова — и, зная, что отец впервые отправляет своего любимца на промысел, преподнесла виновнику события в дар двадцать тысяч рублей «на обзаведение».

Дар был оценен по высшему разряду. Николай Прокопьевич, оглаживая роскошную черную бороду без единого седого волоса,

пригласил гостью в кабинет на рюмочку ликеру.

– Так в чем нужда твоя, разлюбезная Наталья Алексевна? — без предисловий и обиняков вроде бы ласково спросил хозяин, усадив Шелихову на диванчик возле низкого столика и грузно опустившись рядом.

Она ласковости не поверила, но виду не подала.

Слуга принес на серебряном подносе две рюмки золотистого напитка и ароматный кофий в китайских чашечках с блюдцами и маленькими позолоченными ложечками. В серебряной сахарнице горкой возвышался мелко колотый сахар.

Хозяин поднял хрустальную рюмку, приглашая. Чокнулись, пригубили сладко-жгучей жидкости, глотнули, запивая, крепко заваренного кофия.

Мыльников вопрошающе глянул из-под кустистых бровей — светлые глаза были как обтаявшие льдинки. Наталья внутренне поежилась, но — делать нечего, надо решаться.

– На поклон я пришла, батюшка, — потупилась Шелихова, вполне естественно залившись краской смущения, отчего недоверчивый купец даже крикнул и невольно расслабился.

Выслушав предложение наследницы немалого капитала, помолчал, покачивая лохматой головой, видимо, прокручивая мысленно возможные последствия, потом вновь приглашающе поднял рюмку:

– Твое здоровье, соблазнительница! — И высверкнул голубоватыми огнями из-под нависших бровей. Похоже, одобрительно.

Однако заметил:

– А кто даст привилегию, что объединенная компания получит одобрение в столице?

– Мой зять Николай Резанов близок ко двору и берет на себя эту задачу.

– А-а, этот лейб-гвардеец? Сын нашего председателя гражданской палаты?

– Он, Николай Прокопьевич, не токмо сын председателя суда и лейб-гвардеец, — чуть заметно усмехнулась Наталья Алексевна. — Николай Петрович заведовал канцелярией статс-секретаря императрицы, и Божией милостью государь наш новый к нему

благоволит. Зятя мои ныне бумаги скрупулезные составляют, дабы дело компанейское все рогатки без сучка-задоринки прошло.

— А в народе слушок ходит, — осклабился Мыльников, — будто зятек твой Резанов Григория Иваныча и порешил, чтобы капитал евойный хапнуть...

— Клевета! — неожиданно сурово перебила Шелихова. — Николай при свидетелях отказывался от доли в наследстве, что ему Григорий Иванович отписал, и лишь по моей великой просьбе согласился. Среди нас, купцов, таких честных и порядочных с фонарем поискать и то вряд ли сыщешь. А уж какая от него польза в столице, ты сам вскорости увидишь и поймешь. Конечно, ежели твое согласие будет на объединение.

— Лады, матушка, — открыто засмеялся Мыльников. — Так тебя, кажись, кличут в вашей компании. А то, что за своих горой стоишь, мне — по сердцу.

Глава 5

Весна 1797 года

Союз Северо-Восточной американской, Курильской, Северной и Иркутской коммерческой компаний основатели назвали «Американской Голикова, Шелихова и Мыльниковой компанией»; с этим новым проектом Резанов и вышел на Коммерц-коллегию. А еще он привез в Петербург Наталью Алексеевну с подробной запиской о заслугах семьи Шелиховых перед государством Российским. Записку эту также представили в коллегию, ее увидел граф Николай Петрович Румянцев, недавно назначенный одним из директоров Вспомогательного для дворянства банка и, моментально уяснив важность новой компании для благополучия вверенного ему финансового учреждения, использовал все свои возможности, чтобы устроить Резанову и Шелиховой аудиенцию у императора. А возможности у него имелись весьма основательные, поскольку граф был в дружеском расположении Павла Петровича уже многие-многие годы.

Император принял и обласкал вдову знаменитого первопроходца и промышленника, именным указом даровал ей и всему шелиховскому потомству дворянство, а вот дать объединенной компании монопольные права на колонизацию Америки поостерегся. Последовал вкрадчивому совету своего лейб-оператора Джеймса Уилли, который во время аудиенции совершал массажные манипуляции на спине монарха.

– Ваше Величество, — говорил молодой медик, разминая мышцы государевых плеч, прикрытых белой рубашкой тонкого полотна, — я дерзну вам напомнить, что Аляска фактически — часть Канады, а Канада принадлежит Великобритании. Россия вступила в антифранцузскую коалицию, в которой главную роль играют ваша и Британская империи. Так нужны ли трения между великими державами из-за какой-то промысловой компании?

Говорил по-английски, чтобы не поняли те, кому это знать необязательно, но для слуха императора его произношение показалось каким-то странным, искаженным, вернее даже очень упрощенным. Обычно медикус говорил по-русски, конечно, с ужасным акцентом, но от своего родного он отказался, заявив при поступлении на службу, что хочет овладеть языком его новой родины в совершенстве и потому просит говорить с ним только по-русски. Это всех устроило, в том числе и семью императора, но сейчас, услышав его речь, Павел Петрович весьма удивился: образованный англичанин, ну, ладно, пусть шотландец, учился в Эдинбургском университете, а говорит... как-то простовато... то ли по-крестьянски, то ли по-бродяжьи... Весьма и весьма странно... Однако это можно будет выяснить потом, главное — суть!

— С компанией вашей разберемся позже... при случае... — сказал император аудиентам. — А теперь ступайте. С Богом!

Резанов английский знал и, выйдя от государя, хотел было перевести слова лейб-оператора матушке, с усмешкой оговорив, что тот забывает родной язык, однако Наталья Алексеевна оборвала зятя на полуслове:

— Я, Николаша, все поняла. И даже лучшей, чем ты. Медикус говорил на языке американских трапперов^[9], а я с ними на Аляске насобачилась — и дралась, и обнималась. Откуда тут взялся траппер, не моего ума дело, — меня тревожит судьба нашего прожекта. За дворянство мы, конечно, их величеству благодарствуем, однако он про случай сказал — так ты этот случай не упusti. Ни в коем разе!

Случай представился, когда от фельдмаршала Суворова, командующего русским экспедиционным корпусом в Северной Италии, в столицу примчался курьер с триумфальным известием о разгроме французских войск на реке Треббии. В этом сражении генералы Макдональд и Моро потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен половину своей объединенной армии, почти 23 тысячи солдат.

Итальянский поход Суворова обходился российской казне в копеечку. Поэтому сердце императора терзали два противоположных чувства — гордость за блестящие победы русского оружия и тревога от докладов государственного казначея, временами тянущая к тихой панике. На этот раз в пространной реляции полководца император узрел упрек в недостаточном снабжении корпуса и разразился столь

яростными, с пеной на губах, выпадами по адресу Австрии, с превеликой леностью выполняющей свои обязательства, и Англии, втянувшей Россию в ненужную русским бойню, что некоторые придворные сочли всплеск негодования монарха эпилептическим припадком. Граф Румянцев, отставленный от службы вследствие придворных интриг, уже собирался отбыть за границу, но, прослышав про этот казус и неплохо зная характер Павла Петровича, сразу понял, что император готов досадить Англии, а вкупе с нехваткой денег, вполне может одобрить американскую компанию Шелихова. Граф немедленно послал за Резановым и вместе с ним помчался к адмиралу Кушелёву, которого в предыдущем году сменил (правда, ненадолго) на посту директора департамента водных коммуникаций и с той поры с ним приятельствовал. Благо и повод имелся подходящий: адмирала следовало поздравить с назначением на пост вице-президента Адмиралтейств-коллегии, тем более что без помощи Адмиралтейства заниматься колонизацией новых земель будет тяжело даже большой компании.

— Вот не знаем только, как подступить к государю с прожектом, — посетовал Николай Петрович, представив Резанова и рассказав Кушелёву о лелеемых планах и давнем отказе императора в поддержке компании. — Правда, то был не совсем отказ: отложили до иного случая, — но всем ведомо, что Его Величество не любит возвращаться назад. А мне, как ты знаешь, с недавних пор путь к государю закрыт. Так не подскажешь ли, как быть, любезный Григорий Григорьевич? Ты же с ним уже много лет в отношениях более чем дружеских. Любимец, можно сказать...

Они сидели в библиотеке, пили кофе с ямайским ромом, до которого адмирал был большой охотник, покуривали. Седовласый и уже лысеющий, несмотря на свои сорок пять лет, Григорий Григорьевич сгорбился в креслах, опустив плечи, и задумчиво посасывал пенковую трубку, пуская из ноздрей крупного носа голубоватые струйки дыма. Пауза затянулась, но граф и камергер терпеливо ждали, дымя ароматными сигариллами.

— Сегодня, — заговорил, наконец, адмирал, вынув трубку изо рта и почесывая мундштуком переносицу, — лично вручая указ о назначении, государь пригласил меня завтра к обеду. Он весьма озабочен оскудением денежной кладовой, и я попробую замолвить

словечко о вашем прожекте под тем румбом, что американская компания значительно увеличит поступления в казну. Так?

– Истинно так, Григорий Григорьевич! — воскликнул граф. — Постарайся, замолви, а там и сам станешь первым акционером новой компании. Да и императорская фамилия будет весьма желанна в качестве акционеров с привилегиями.

Слова нужные были сказаны, только так уж на Руси повелось: от слова до дела семь верст киселя хлебать. Вот и с компанией получилось то же.

Глава 6

Июнь 1799 года

Павел Петрович с детства поверил в нумерологию. Это случилось, когда у него появился новый наставник, толстый и жизнерадостный Никита Иванович Панин, сменивший «сухаря» Федора Дмитриевича Бехтеева. Федор Дмитриевич был приставлен к четырехлетнему великому князю с заданием от императрицы Елизаветы Петровны «внушить воспитаннику», что он — будущий мужчина и государь. Бехтеев оказался учителем занятым: через игру в солдатики он быстро обучил царственного мальчугана читать и писать по-русски и по-французски, а также арифметике. Живой и сообразительный ученик мог часами разыгрывать сражения костяных гренадеров и мушкетеров на большой карте Российской империи, в свободном углу которой учитель сделал каллиграфическую надпись: «Здесь видишь, государь, наследство, что славные твои деды победами распространяли». Федор Дмитриевич обожал воинские уставы, приказания, дисциплину, внушал ученику, что без таковых знаний настоящего царя из него не получится, и, надо сказать, весьма в этом преуспел. Однако матушка императрица, побывав на одном занятии, выразила неудовольствие «муштрой ребенка» и заменила учителя.

Никита Иванович, уже тринадцать лет подвизавшийся на дипломатическом поприще, принял бразды воспитания царевича как знак высочайшего прощенья и благоволения, ибо два последних года, после отставки канцлера Бестужева-Рюмина и восхождения на этот пост графа Воронцова (к слову, заклятого врага семейства Паниных), Ее Величество неоднократно выказывала недовольство симпатией своего посла в Стокгольме к устройству шведской конституционной монархии. Панин не задавался вопросом, что послужило причиной смены монаршего гнева на милость, по крайней мере не пытался это выяснять, — его увлекла редкостная возможность вырастить из юного Павла либерального императора, тем более что, будучи послом, Никита Иванович стал членом масонской ложи и со всем пылом

пожилого неопита устремился проповедовать царевичу идеалы «братства вольных каменщиков».

Первым делом он познакомил воспитанника с началами нумерологии — учения, весьма популярного среди масонов, — и сделал это изящно и убедительно даже для шестилетнего малыша. Сложив, в соответствии с правилами, числа его дня рождения, Никита Иванович получил «1» и с удовольствием рассказал мальчику о чертах характера, которые присущи человеку, чье число «единица». Разумеется, не обо всех, а лишь о тех, которые должны помочь в воспитании «настоящего мужчины и государя».

Великий князь с восторгом воспринял девиз «единицы» «Отвага», обрадовался, что он, по словам воспитателя, человек мужественный, храбрый, решительный, что, когда вырастет, победит «бесконечную тьму», потому что займет высочайшее положение. Уверовав в предсказание, царевич внимательнейше прислушивался к советам Панина; он то и дело поверял свои поступки законами нумерологии или соотносил будущие действия с подходящими числами. Приняв трон, Павел Петрович свою коронацию назначил на 5 апреля 1797 года, потому что по нумерологии эта дата соответствовала числу «6», а девиз «шестерки» — «Служение людям», ей присущи чувство долга и привязанность к семье, любовь к гармонии, гуманизм и подвижничество; она призвана делать добро для друзей и общества. Император уверовал, что эти качества полностью отвечают его человеческой природе и историческим замыслам, и все последующие реформы были так или иначе связаны с ними. Никита Иванович мог быть доволен: его идея воплотилась в деяниях самодержца.

Вот и подготовка указа о создании Российско-американской компании и само его подписание теснейшим образом переплелись с нумерологией.

Возрожденный прожект появился на этот раз как нельзя кстати; император ухватился за него, что называется, двумя руками и тут же распорядился подготовить указ и все необходимые к нему приложения точно к 8 июля, ибо, как он мгновенно просчитал, на этот день выпадает число «5». А число «5», как он прекрасно помнил, хоть и предполагает возможные риски, ведя туда, куда другие не осмеливаются ступить, однако опора «пятерки» на закон и порядок в конечном счете обеспечивает рост благосостояния. В случае

Российско-американской компании это благосостояние обещало выражаться доходами с большими нулями.

Джеймс Уилли, ставший к этому времени лейб-медиком императорской семьи, а значит доверенным лицом самого государя, пытался разубедить Павла Петровича, помимо прежних аргументов напирая на то, что русские купцы разгильдяи и транжиры, воры и мошенники, что государство в лице его августейшего правителя ни в коем случае не должно им покровительствовать, поскольку может потерять авторитет в глазах Европы, а это, несомненно, скажется на чувствительном здоровье Его Величества и сократит дни его царствования... Последнее утверждение Уилли заставило государя насторожиться, ибо намекало на предсказание монаха Авеля о краткосрочном правлении Павла Петровича, более того — о лишении его жизни через удушение. При дворе, и не только, было хорошо известно о точнейшем сроке кончины матушки императора Екатерины Великой, указанном монахом (тогда еще не Авелем, а Адамом), но никто не мог и не должен был знать, о чем поведал доморощенный пророк при личной встрече с государем.

Вспомнив про Авеля, император немедленно приказал доставить его в столицу — решил спросить провидца о судьбе и роли в государстве новоучреждаемого предприятия: уж больно велик получался замах.

Высокий, сухолицый монах в черной рясе, с посохом в руке, вошел в кабинет и степенно склонил голову в черном клобуке, длинная рыжеватая борода распласталась на груди.

Павел Петрович живо встал из-за стола, заваленного бумагами, быстрым шагом подошел и заглянул снизу в темные, будто проваленные глаза.

– Владыко отче, благослови меня и весь дом мой, дабы твое благословение было нам во благо.

– Благословен Господь Бог всегда и во веки веков. — Авель перекрестил императора, затем повернулся и обнес широким крестом весь кабинет.

– Проходи, отче. — Павел Петрович усадил монаха в обитое вишневым бархатом кресло у отдельно стоящего чайного стола и позвонил в серебряный колокольчик. — Чай, сливки и печенье, — приказал вынырнувшему из-за тяжелой малиновой портьеры лакею

(тот мгновенно исчез) и добавил, обращаясь к гостю: — Откушаем чаю, отче, побеседуем, а там и обеда время наступит.

Император уселся в кресло напротив Авеля и вперил в него пронизывающий взгляд, от которого у придворных начинали дрожать колени и невольно склонялись головы. Однако монах, глядя встречно, спокойно выдержал испытание.

– Для чего я снова тебе понадобился, государь? — Низкий хрипловатый голос провидца словно растекся по сияющей лаком поверхности стола, не выходя за ее пределы.

Слуга в сопровождении лакея внес серебряный поднос, на котором красовались пузатый серебряный чайник, серебряный же высокий сливочный кувшинчик, чашки с блюдцами китайского фарфора, а к ним серебряные ложечки, хрустальные вазочки с сахаром и печеньем, небольшие плоские тарелочки с вареньями, проворно расставил все на столе под присмотром лакея, налил в чашки ароматный, дышащий паром чай, и они оба исчезли за портьерой.

Павел Петрович за все время процедуры не проронил ни слова и, лишь когда щелкнул замок двери, спросил, четко разделяя слова:

– Сказывал ли ты, отче, кому-либо о том, что поведал мне в прошлую встречу? К примеру, о сроке моего правления?

Авель перекрестился и ответил степенно, без тени сомнения:

– Господь Бог рече ко мне, сказывая, что будет отчине нашей и всему миру, а после наказывая: «Не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным Моим». Яко же мог я, раб Божий, нарушить Его слово указное?

Он снова перекрестился, следом перекрестился и император.

Помолчали, занятые усладой чаепития. Павел Петрович ломал в нервных пальцах, кроша на стол, тонкую вафельную плитку; монах намазал такую же плитку малиновым вареньем, аккуратно откусил и запил маленьким глотком чая.

Заговорил император.

– Твое предсказание, отче, я записал в назидание потомкам моим, наказал вскрыть письмо через сто лет после кончины моей. Предсказанного не боюсь, ибо от судьбы не уйдешь.

– Однако же все в руках Божиих, и судьба человека смердящего тако же, аки судьба вознесенного на вершины. Деяние к деянию, доброе к доброму складывают судьбу. Деяния человека ничтожного

судьбу мало изменят, ибо сами ничтожны, деяния же великого во благо государства могут изменить судьбу государства...

– А судьба самого великого тоже изменится?

– Сказано же: все в руках Божиих, — посуровел Авель. — Какое решит Господь, тако и будет. Значение жизни человека великого зависит токмо от его деяний.

– Я тоже так думаю, — кивнул император. — Потому и призвал тебя, отче, для совета и провидения.

Он встал, жестом оставив монаха в кресле, и прошелся по кабинету, задумчиво оглядывая его убранство.

– Здесь меня задушат? — спросил тоном, не требующим ответа, однако Авель, следивший за его движениями, проронил:

– То нам не ведомо.

– Впрочем, неважно. — Император словно встряхнул себя изнутри. — Предупрежден — значит, вооружен. Займемся деяниями во благо государства Российского, возможно, для изменения его судьбы. — Вернулся на свое место, налил свежего чаю (слуга, скользнув быстрой тенью, успел сменить остывший чайник) и обратил некрасивое, но вдохновленное идеей лицо к провидцу. — Я пригласил тебя, отче, по делу, может быть, ничтожному, однако мне за ним видится нечто, неизмеримо более значительное.

Павел Петрович поведал провидцу прожект колонизации Русской Америки, не умолчал и о предупреждении лейб-лекаря Уилли.

Авель неожиданно усмехнулся:

– Об Англии, государь, Господь рече мне, рабу Божию, что страну сию следовало наречь Наглией, ибо с превеликою наглостию лезет она во все щели, дабы интересы свои соблюсти. Опасайся, государь, также обещаний ея прельстительных и даров искушающих, ибо то есть дары данайцев... Что же прожекта касательно... — Провидец помолчал, отпил чаю без прикуски и молвил тихо, но весьма внушительно: — Прожект сей возымеет силу, судьбу империи меняющую, ежели на землях тех заморских заря вольности воссияет, разум человеческий освободится для замыслов и деяний великих, а деяния эти на землю российскую возвернутся силою могучей, судьбы меняющей. Токмо препона есть, кою ты, государь, волею своею разрешить можешь...

Монах замолк и уставился в пространство, словно стараясь провидеть, какое именно препятствие встанет перед прожектом, сулящим процветание всему государству Российскому.

Павел Петрович ждал, боясь чем-либо нечаянным нарушить процесс ясновидения.

Пауза затянулась.

Внезапно Авель вздрогнул и заговорил снова, но как-то механически и совершенно иными словами, без церковной витиеватости:

– Людей русских в Америке мало, образованных можно по пальцам перечесть — некому пока что ее развивать и вперед двигать. Надо отменить крепостное право, дать волю всем желающим туда поехать, помогать им в переезде, поощрять там науки и ремесла — плоды их вернутся на землю российскую, и тогда судьба России будет совсем иной.

Император едва не раскрыл рот от изумления — не столько от смысла речений провидца, сколько от языка, словно говорил не монах, а другой, много более образованный человек. Наверное, в него вселился кто-то из будущего, — страхась неведомого, подумал он. — И что на это можно ответить?

– Крепостное право я бы хоть завтра отменил, — Павел Петрович обтер ладонями лицо — будто умылся, — да только, думаю, срок жизни моей стал бы еще короче: слишком много при дворе противников. Ну и кроме того: позволю всем желающим уехать — Россия вмиг обезлюдует.

Авель снова вздрогнул — очнулся, взглянул на императора испуганно-безумными глазами:

– Почто обезлюдует?!

– Так все в вольную Америку сбегут!

Взор монаха прояснился:

– Все не сбегут. Кто-то не схочет, кто-то не сможет...

– Все равно — рискованно давать волю, не готов мой народ к ней. Но я постараюсь, отче, вложить в указ многие привилегии, которые поспешествуют развитию компании, а с нею — всей колонии. А то, об чем говоришь ты, отче, пуцай мои наследники претворяют, судьбу Отечества меняют.

«Польза и выгоды, проистекающие для Империи нашей от промыслов и торговли, производимых верноподданными нашими по Северо-Восточному морю и в тамошнем крае Америке, — говорилось в указе императора Правительствующему Сенату, — обратили на себя наше монаршее внимание и уважение. Почему принимая в непосредственное покровительство наше составившуюся по предмету оных промыслов и торговли компанию, повелеваем ей именоваться: под высочайшим нашим покровительством Российская Американская компания; и соизволяем, чтоб в подкрепление предприятий сей компании возможные со стороны военных начальников пособия нашими сухопутными и морскими силами по требованиям ее чинимы были на ее содержании. К руководству же и вящю облегчение и одобрение сей компании составлены для нее правила и содержание всемилостивейше даруемых от нас ей до сего времени на двадцать лет привилегий...»

Основными правилами и привилегиями стали отвергнутые Екатериной II монопольное право промыслов, торговли, поселений, а также торговые связи с другими государствами.

Параграф третий привилегий давал Компании право пользоваться не только всем, что имелось в благоприобретенных землях, но и тем, что будет открыто и отыскано впредь, лишь бы не было на то других претендентов. Привилегии давали право рубить лес, давали льготы по найму людей, по продаже свинца и пороха, но главное — даровали исключительные возможности на всяческие приобретения, промыслы и открытия новых стран. Территориями до пятьдесят пятого градуса северной широты Компания могла пользоваться по праву принадлежности их России, а те, что южнее, — открывать, исследовать, использовать по своему усмотрению, при условии что эти территории не заняты другими государствами.

По указу Павла I Компанию возглавил камергер Николай Петрович Резанов.

Прочитав высочайший Указ, Джеймс Уилли скажет военному губернатору Санкт-Петербурга графу Петру Алексеевичу фон дер Палену странные слова:

– Now I lost, but not yet evening. I don't have a gold snuff boxes, but may come down and the butt of the gun^[10].

Граф неожиданно вспомнит о них после страшной мартовской ночи, когда гвардейские офицеры убили императора Павла. Среди убийц был иностранец, вроде бы камердинер генерала Зубова. Одним из орудий убийства послужила золотая табакерка. Обошлись без пистолета.

Медицинское заключение о кончине самодержца, гласившее, что смерть наступила от апоплексического удара, подписал лейб-медик Уилли.

Глава 7

Ноябрь 1808 года

Проснулся байдарщик Тараканов от сильнейшей бортовой качки. Было темно, что-то трещало, ухало, выло и свистело, слышались крики, где-то явно потоками лилась вода...

Вот дьявол! Пока он дрых в своей каюте, похоже, налетела буря; шхуна последние дни шла в виду берега, до него, обрывистого, рукой подать — тут и до крушения недалече. Мысли в голове вертелись, а руки сноровисто делали привычное дело: натянули штаны, потом сапоги... Пошарил кафтан... не нашел, махнул рукой — обойдусь, зима, ли чё ли! Под ногами плескалась вода, уже выше щиколоток. Тимофей вслепую отодвинул щеколду на двери, шатаясь от качки, вышел из каюты и, найдя руками трап, так, на четырех, и полез наверх...

Шквалистый норд-вест свистел в снастях, гнул мачты, несмотря на глухо зарифленные паруса; пенистые валы били в корму, то подбрасывая ее, то прокатываясь по палубе до самого бака. По серому, мгlistому небу наперегонки бежали рваные облака.

Командир «Святого Николая» штурман Булыгин стоял на шканцах возле рулевого, следил за волнами и отдавал короткие приказы на смену галсов. Юнгу, восемнадцатилетнего Фильку Котельникова, Булыгин отправил в трюм — следить, не появится ли течь, и при необходимости поставить на помпу для откачки воды шестерых промысловиков-алеутов, которые там ютились. А матросы — девять русских промышленных и один приبلудный англичанин Джон Вильямс — распределились по-пятеро возле мачт, привязавшись короткими концами кто к фальшборту, кто к самой мачте, и, вооружившись топорами и тесаками на случай, если понадобится рубить такелаж, ждали куда судьба вынесет.

Судьба несла к берегу, который уже заметно зубатился белыми скалами. Выше, на холмах, пестрела осенними красками американская тайга, а над ней, в дальней дали, на сером фоне облаков выделялись

снежные пики — лепота, да и только, однако, случись крушение, то дай бог, чтобы местность безлюдной была. Куда как хуже, ежели населена индейцами: местные племена, по слухам, мало того, что весьма воинственны, так еще и огнестрелом снаряжены — ружья и припас им англичане-трапперы в обмен на меха и шкуры предоставляют. Вроде бы для самозащиты, а на деле — дабы не допустить на эти земли нежелательных для британцев конкурентов.

Ох, напрасно я поддался на уговоры Анюты и взял ее с собой, думал Булыгин о жене, которая с двумя прислужницами алеутками сидела сейчас в капитанской каюте. Анна Петровна была креолкой и оправдывала свое участие в экспедиции ролью толмача, поскольку знала несколько индейских языков. Нужда в толмаче и преодолела сопротивление мужа: шхуна шла в края малознаемые, с какими племенами придется столкнуться — неизвестно, а индейские языки ежели и разнятся промеж собой, то несильно, как русский от малороссийского или белорусского. В общем, зная один из них или два, объясниться можно со многими. Но Николай Исакович мучился не оттого, что подчинился молодой жене, хотя его главный помощник, староста промысловиков Тараканов, узнав об этом, укоризненно покачал головой:

– Обошлись бы, Исакыч. Я, ли чё ли, с индейцами гутарить не могу, да и по-аглицки кумекаю. А бабу в море брать на промысел, да еще и слову ейному верх оставлять — распоследнее, скажу тебе, дело.

– Да все я понимаю, Тимофей! — повинился штурман. — Но и ты войди в мое положение: мы с Анютой всего-ничего женаты, а тут уходить надо, вестимо, не на один месяц...

– Ты, Исакыч, не хуже меня знаешь, сколь суденок компанейских топнет...

– Знаю, — кивнул Булыгин. — Так ведь на все Божья воля, Тимофей. Доведется потонуть — опять же с супругой вместе будем.

– Ну, тебе видняе, — махнул рукой Тараканов и пошел в контору к другу своему Баранову, главному правителю колонии — договариваться, сколько и каких промышленных в экспедицию брать. Они, поди-ка, все наперечет.

Да, чего греха таить, сказал тогда Николай Исакович покорное Богу слово, но внутри-то гордыня шевельнулась: вот, мол, какой я рисковый, с роком готов потягаться! Однако сейчас, когда неумолимо

приближалась нешуточная угроза — разбиться о прибрежные скалы, без какой-либо надежды на помощь, — он воспринимал ее как расплату за свою глупую самонадеянность. А вот разобьются — что делать?! Следом за «Святым Николаем», где-то через месяц, из Ново-Архангельска должна была выйти шхуна «Кадьяк» под командованием Ивана Кускова, но ждать ее здесь как спасительницу безнадежно: рандеву судов (с целью последующего общего похода в Калифорнию) назначено за много миль южнее. Конечно, не дождавшись «Святого Николая», Иван Александрович встревожится и пустится на поиски, но вот когда это случится и найдет ли...

Не успел Булыгин додумать свою до сердечной дрожи растерянную мысль, как особенно мощный порыв ветра встряхнул шхуну от киля до клотика; с оглушительным треском переломился фок-рей, его обломки повисли на снастях; колесо штурвала вырвалось из рук рулевого, закрутилось то в одну, то в другую сторону, самого рулевого сбросило со шканцев; шхуна рыскнула носом туда-сюда и развернулась бортом к волне. Налетевший вал шутя смыл с мостика капитана и накренил судно столь круто, что Тимофей Тараканов, как раз поднявшийся из трюма на палубу, не удержался на ногах и кубарем покатился к фальшборту. Кто знает, где бы он очутился в следующие мгновения, не оказался поблизости Джон Вильямс, буквально повисший на своей привязи к мачте. Англичанин ловко перекинул приготовленный для рубки снастей топор в левую руку, а освободившейся правой ухватил судового старосту за шиворот и, напрягая силы — в Тимофее было не меньше пяти пудов, — подтянул его к себе:

– Кеер behave, boatswain! Тержись!

Новая волна положила шхуну на другой борт, Вильямса и Тараканова кинуло на грот-мачту, и они вцепились в ее обвязку. Еще четыре матроса облепили мачту со всех сторон, ухватившись кто за что. У фока была такая же картина.

Пенистый вал перекатился поперек палубы. Серая вода с шумом стекла через штормовые портики.

– Тэнкью, — отфыркавшись, кивнул Тараканов Вильямсу и добавил, ни к кому конкретно не обращаясь: — Терпим крушение, ли чё ли?

– К берегу несет... а тама — скалы... как уж Бог даст... — вразнобой откликнулись матросы.

– Понял. — Тимофей оглянулся через плечо налево и увидел, что берег — вот он, к небу поднимается, стало быть, крушение неизбежно. Повернул голову в сторону мостика — там никого не было, ни капитана, ни рулевого, штурвальное колесо крутилось как попало.

Вот сукин сын, подумал староста про штурмана, бросил судно и за бабой своей побег. Впрочем, может, оно и правильно: шхуна, ясное дело, обречена, надо спасать самое дорогое. Да вот спасет ли? Ему почему-то совсем не пришло в голову, что капитана могло смыть за борт вместе с рулевым.

Тимофей снова глянул на берег. Да, пожалуй, счет до крушения идет уже на минуты — и что тут прикажешь делать?..

А ежели все ж таки попытаться?..

И-эх, была не была! Уловив момент, когда палуба более или менее выровнялась, он оттолкнулся от мачты и, оскальзываясь на мокрых досках, рванулся к мостику. Услышал за спиной стук еще чьих-то сапог, но оглядываться не стал — только проблеснуло в голове: вот и ладно, вдвоем скорейше управимся.

Несмотря на грузность, Тимофей птицей вспорхнул на мостик и когтисто вцепился в штурвал. Тут же кто-то толкнул его в правый бок — потеснись! — боковым зрением он увидел, что это — Вильямс. В четыре руки, хотя и с трудом, они остановили «болтанку» штурвала.

– Фордевинд?^[11] — перекрывая свист и гул ветра, прокричал Тараканов.

– Ноу, онли бакштаг!^[12] — мотнул головой англичанин, и Тимофей сразу согласился. Он увидел в береговой обрывистой стене широкий прогал и понял, что там речное устье. Если в него попасть, то можно обойтись наименьшими потерями, а чтобы попасть при зарифленных парусах, надо идти именно бакштагом, подставляя под ветер корпус шхуны.

То налегая всем телом, то повисая на ручках штурвала, вдвоем они сумели овладеть им и развернуть судно на нужный румб. Сразу стало легче: бортовая качка уменьшилась, ветер погнал шхуну к устью, которое прямо на глазах расширялось по мере приближения к нему. Но перед ним море кипело бурунами. Сулой!^[13]

– Господи, спаси и помилуй! — Тараканов широко перекрестился, и в тот же миг неведь откуда взявшаяся огромная волна подхватила судно на свой гребень, стремительно понесла к береговой каменистой отмели и со всего размаху шваркнула на торчащие из нее скальные зубья.

Скрежет и треск ломающегося дерева заглушили свист ветра и грохот прибоя. Волна схлынула обратно в океан, оставив на камнях изуродованный кораблик.

До устья реки он так и не добрался.

Глава 8

Время то же. Взгляд назад

Экспедиция на «Святом Николае» за морским бобром, то бишь каланом, была для Тимофея Тараканова третьей по счету.

Первая состоялась пять лет назад с опытным байдарщиком Афанасием Швецовым и американским шкипером О'Кейном на его корабле. Главный правитель Баранов выделил им двадцать байдарок и сорок алеутов-кадьякцев из Карлука и наказал «не токмо промыслять морского зверя, а и продовольствием для русских поселений по возможности разжиться». Голодали в том году промысловики страшно. Скучно родящие огороды померзли, хлеба и вовсе не было. Поэтому хоть и не полным спасением, но солидной поддержкой стали мука и овощи, привезенные Таракановым и Швецовым с далекого юга. А дошли они аж до Сан-Диего и Сан-Кентина, что в испанских владениях в Нижней Калифорнии, и оказались там первыми русскими. Ну и мехов добыли изрядно, несмотря на протесты редких по берегам испанских миссий. Что протесты? Слова! Ни солдат у испанцев, ни оружия, чтобы прогнать незваных промысловиков.

— Земелька беззащитна, однако избыльна-а-а. Родяща поболее, чем наша курская, а про твою Вологду вобще молчу! — рассказывал по возвращении Тимофей за дружеским чаем главному правителю. Встретились они на Ситке, в Ново-Архангельске, который Баранов с ополчением, при поддержке моряков-кругосветников с шлюпа «Нева», весной 1804 года отвоевал обратно у колошей^[14]. — Не поверишь — лозу воткнешь, через год-другой виноград собирай. Индейцы кругом любомиры, гишпанцы, которы не начальники, зело приветливы. Надо, Ляксандр Андреич, русское поселение там закладывать. Будет у тя своя житница. Хоть и за тридевять земель, а все ж таки ближе, нежели Сибирь, да и многожды богаче.

Баранов сидел, насупясь, обеими руками опершись о лавку и чуть покачиваясь взад-вперед, — будто бы прыгнуть готовился прямо из-за стола (уж не в Калифорнию ли?) — слушал, не перебивая, услышанное

обмозговывал. Небольшого росточка, но широкий в плечах, он и в вицмундире (который за восемнадцать лет службы в Америке довольно поистрепался), казался крепким деревенским мужиком. Впрочем, чего там казался — он и был каргопольским мужиком, своим умом и хваткой выбившимся в известные купцы, настолько известные, что Шелихов, первым начавший освоение дотоле неведомой земли, несколько лет добивался согласия Александра Андреевича занять пост главного правителя Американской Северо-Восточной компании. И — добился-таки: в 1790 году взялся Баранов за это нелегкое дело.

В те годы много русских купцов-промышленников ринулись в Америку за мягкой рухлядью — в основном шкурами калана, морского бобра, которого было видимо-невидимо на американском побережье и островах. Уж больно высокую прибыль давала продажа мехов в Европу и Китай, такую высокую, что чуть ли не половину поступлений в российскую казну составляли доходы от этой торговли. Конечно, брали не только морского, но и наземного зверя — песца, соболя, куницу, белку, но главной добычей был калан. Не останавливали промышленников ни гибель их суденышек в холодном угрюмом океане, ни голод и болезни от нехватки провизии, ни нападения, вплоть до поголовного смертоубийства, аборигенов — алеутов, эскимосов и индейцев, не желавших мириться с жадными, наглыми и жестокими пришельцами.

Компания Шелихова и Голикова была самой крупной в этой части Америки, а с другой ее стороны, в Канаде, хозяйничали английские Северо-Западная и Компания Гудзонова залива. Понятное дело, конкуренты, ловкие и коварные, и рано или поздно, полагал Баранов, с ними придется схватиться, и дай бог, чтоб не насмерть. Хотя... Вполне вероятно, уже поздно: из-за недалёковидности императрицы потеряно почти десять лет, и английские трапперы расплодились, как лемминги^[15]. Мелким русским компаниям с ними справиться было невозможно. К счастью, это поняли и сами промышленники. Теперь есть Российско-американская компания, которую все называют кратко — РАК, а с ней появилась надежда пойти по-иному пути истории Крайнего Востока России, да, пожалуй, и всей империи.

Время от времени перед каждым встает выбор, словно развилка на незнакомой дороге: выбирай, мол, путник — куда свернешь, такую и судьбу обретешь. Только, в отличие от обычной дороги, по которой

всегда можно вернуться и пойти в другую сторону, на исторической или жизненной — это невозможно. Что выбрал, то выбрал; надо прежде думать, куда направишься. А выбрать нужный путь чаще всего помогает именно надежда.

Великий государь Павел Петрович оказался прозорливей своей венценосной матушки и, понадеявшись на быстрый результат, подписал указ об основании Компании и даруемых ей на 20 лет привилегиях. Дал согласие на свободную продажу акций^[16], однако воспрепятствовал самому главному — свободному выезду в колонию всем желающим и тоже миновал важнейшую развилку, не свернув на незнаемый путь. Конечно, это сильно ограничило возможности РАК по охвату и освоению новых земель: людей катастрофически не хватало, а вскоре стало не хватать и денег, хотя и сам Павел, и сын его Александр от щедрот своих время от времени ссужали Компании немалые суммы. Однако, судя по трудностям, постоянно переживаемым поселенцами, до Русской Америки эти ссуды приходили изрядно похудевшими.

Вот и сейчас, слушая Тараканова, Баранов думал о том, где взять людей и деньги на заманчивое предложение, и сожалел, что и новый император, Александр Павлович, боится того же, чего побоялся его покойный отец. Соберется, мол, в Америке голытьба и шваль беглая, та, что мнит себя свободной и независимой, и отделится от России по примеру Соединенных Штатов. Они там, наверху, и представить не могут, что крепостной мужик Тимофей Тараканов думает не о том, чтобы рвануть куда подальше, в те же Штаты, где он, с его умом и хватистостью, стал бы не последним человеком, а совсем наоборот — думает Тимофей о том, как бы пользу принести Отечеству. Потому-то он, каргопольский промышленник Александр Баранов, удостоенный за свои труды потомственного дворянства, и дружит с крепостным, по сути рабом, на которого, тем не менее, можно положиться с большей уверенностью, чем на иного свободного, а тем паче дворянина.

— Тяжкие времена у нас, Тараканыч, — вздохнув, сказал Александр Андреевич, выслушав до конца историю экспедиции. — Шибко голодные времена! Однако сказка твоя весьма пригодиться может. Тебе уже, наверно, ведомо, что прибыл к нам сам главный директор Компании, господин камергер Николай Петрович Резанов. Прознав про наше бедственное с продовольствием положение, он на свои деньги купил у американского купца Джона Вульфа шхуну вместе

с полным трюмом провизии. Провизию передал для поселенцев, а на шхуне — назвал ее «Юнона» — собирается отправиться в Калифорнию. Так сказать, на разведку. Он тоже полагает, что надо двигаться на юг.

— Видать, толковый, — одобрительно отозвался Тараканов, прикусив сахару и отхлебнув с блюдца горячего чаю. — А на верфи, я вижу, еще чегой-то заложили?

— Да шхунку наподобье «Юноны». — Баранов тоже взялся за чашку, налил из самовара свежачку. — Господин Резанов уже и окрестил ее — «Авось», чисто по-русски. Тоже в свой поход берет. Капитаны у него есть — лейтенанты Хвостов и Давыдов, а команды придется мне набирать. Не хочешь с ним пойти?

— Не-а, — мотнул головой Тимофей. — Он пуцай провизией занимается, а я хочу байдарщиком пойтить. У Афанасия поднатаскался — надо и себя показать.

— И то верно, — кивнул Баранов. — О'Кейн сказывал, что его сродственник должен подойти, капитан Кимболл, тоже готов с нами по морскому зверю сотрудничать — вот с ним и пойдешь. Еще раз юга прощупаешь на предмет заселения. Как говорится, семь раз отмерь...

Так сложилась вторая экспедиция Тараканова в Калифорнию. В конечном счете снова добрались до Сан-Кентина, но начали промысел с залива Румянцева, что верст на шестьдесят севернее Сан-Франциско. Эти берега еще не были обследованы русскими; Тимофей Никитич знал только, что власть испанцев на них не распространяется. В Сан-Франциско — другое дело, там располагалась резиденция губернатора Верхней Калифорнии дона Хосе Арильяги (это к нему направился камергер Резанов, чтобы договориться о взаимовыгодной торговле), однако партовщики заглянули и в эту обширную бухту. Испанцы, заметив незваных гостей, обстреляли их из крепостных пушек, и алеуты-охотники, бросив байдарки, бежали через заросшую лесом низменную долину между Сан-Франциско и заливом Румянцева. К счастью, губернатор не придал значения мимолетному браконьерству, и переговоры Резанова прошли успешно: «Юнона» и «Авось» вернулись в Ново-Архангельск, до отказа нагруженные провизией, а сорокадвухлетний камергер еще и обручился с пятнадцатилетней дочерью коменданта Сан-Франциско Кончитой Аруэлью. Камергер — фигура при императорском дворе заметная, отец Кончиты был рад

породниться со столь знатным вельможей и готов немедленно сыграть свадьбу, но Резанов — православный, Кончита — католичка, на венчание требовалось разрешение самого Папы римского, и камергер отбыл за этим разрешением. Кончита рвалась отправиться вместе с женихом, однако родители решительно воспротивились, посчитав такое поведение дочери неприличным, и она подчинилась.

– Знаешь, Александр Андреевич, я даже рад, что она сдалась на уговоры родителей, хотя девица во всех отношениях весьма решительная, — говорил глава Компании своему подчиненному, правителю колонии. — У меня есть время хорошенько подумать. Слов нет, Кончита хороша, я ее искренне люблю, она меня — тоже, но брак этот все-таки дело более политическое, нежели сердечное. Я Анечку забыть не могу, — и глаза мужественного и стойкого человека, каковым он не единожды показывал себя^[17], наполнились слезами.

Анечку, свою юную жену Анну Григорьевну Шелихову, с которой прожил всего семь лет, Николай Петрович потерял сразу после рождения второго ребенка и уже пятый год был вдовцом. Малолетние сын и дочь воспитывались в имении его родителей, так что никаких препятствий к новому семейному счастью не имелось, но, как говорится, сердцу не прикажешь.

Александр Андреевич посочувствовал горю начальника, однако добавил:

– Сколько ж можно убиваться? Деткам мать нужна, а у невесты вашей, судя по всему, очень доброе сердце.

Николай Петрович покивал согласно, вздохнул напоследок и перешел к делам насущным. Так уж он был устроен: служение Компании, а значит Отечеству, считал для себя честью великой, а честь ставил выше жизни.

Впрочем, таковым он и Баранова почитал и писал о нем директорам Компании в обширном письме-отчете: «...о г. Баранове скажу вам, что потеря сего человека для здешнего края есть потеря не для компании, но для всего Отечества, и поверьте мне, что с лишением г. Баранова лишитесь вы великих способов к производству в действо тех обширных планов, к которым столь верный путь проложили труды его. Имя почтенного старика сего известно в Соединенных Штатах Америки, но, к сожалению, не дошло оно в той мере до его соотчичей,

и, получая похвалы от других народов, пьет он между тем от своих горькую чашу...»

В этом нет ни капли преувеличения: планы Баранова были действительно обширны.

Прочитав в отчете Тараканова о заливе Румянцева: «Залив тот более протчих на тех берегах поныне мест обнадеживает промысловыми выгодами...», — Александр Андреевич третью экспедицию направил на юг уже с целью основания русского поселения на границе с испанской Калифорнией. Общее руководство ею он поручил своему заместителю, коммерции советнику Ивану Александровичу Кускову, с 1790 года шедшему с ним рука об руку, управляющему поселением в заливе Якутат. Команде, выходящей на месяц раньше Кускова на «Святом Николае», вменялось не столько заниматься промыслом, сколько «учинить описание всего берега Нового Альбиона, начиная от пролива Жуан де Фука... к гишпанскому Санкт-Франциско, с обстоятельным исследованием известных портов и неизвестных бухт, проливов и островов с якорными местами». А Тараканову — отдельно! — вменялось выяснять, имеют ли индейцы «склонность к миролюбивой мене и торговле и есть ли у тех интересные морские или земляные звери, или особые какие продукты». Кроме того, он должен был «примечать грунты земель, песков и разноцветных камней, брать по небольшой частице, привязывать ярлычки с показанием места и количества в каком открывается, особливо же близ пролива Жуан де Фука и устья реки Колумбии». Иными словами, досконально выявлять пользу, которую могут принести России новообнаруженные земли, ибо Кускову главный правитель поручил именно покупку у индейцев наибольшей по возможности территории.

И еще строго-настрого всем наказывал вести себя скромно, никоим образом не озлобляя ни индейцев, ни испанцев, но оружие держать наготове, применяя его только в случае крайней опасности для своих людей.

Глава 9

Время то же. Продолжение

Первый день на неведомом берегу прошел для экипажа и пассажиров «Святого Николая» спокойно, если не считать адского труда по разгрузке безнадежно потерянного судна. Скальные зубья пропоролы днище и левый борт в нескольких местах, сломав шпангоут и вытолкнув фок-мачту. Удивительно было, что люди все, в том числе и капитан с рулевым Прохором Жилияковым, остались целы и невредимы — так только, немного помяты. Булыгин и Жилияков добрались до берега вплавь.

А разгрузка шхуны казалась адской из-за того, что прибой мотал ее корпус туда-сюда; не было никакой возможности остановить эту сбивающую с ног качку, и приноровиться к ней тоже не получалось.

Булыгин не принимал участия в муравьиных хлопотах подчиненных, в стороне от всех он обнимал неостановимо рыдающую жену (она решила, что муж погиб) и выглядел растерянным и подавленным.

— Ну, ты чё скис, Исакыч? — подошел к нему Тараканов. — Давай занаряжай, ли чё ли: кому куда, кому чё делать.

— Не трогай ты меня пока, Тимофей, — замученно глянул Булыгин из-за плеча жены. — Бери все в свои руки. Я — на море, а ты — на земле будь командиром.

— Говорил я тебе, — начал было укорять Тараканов, но встретился с капитаном глазами, осекся и махнул рукой: — Ладно. Токо ты уж не мешайся.

Первым делом староста-байдарщик поставил охорон с ружьями — зорко следить вокруг, не появится ли ворог, вперворядь индейцы — они страсть как любят пограбить. Для охорона, само собой, лучше других годились алеуты-охотники — у них глаза куда как остры да приметливы. Остальных Тимофей направил разбирать спасенные грузы: что взять с собой, что оставить в укрытии. Просто сидеть на берегу и ждать неведомо чего было негоже; идти на юг, то бишь

карабкаться по скалам и обрываю краем моря — упаси Боже! Да и докуда идти? До залива Румянцева верст восемьсот, ежели не боле, в такую даль ни сил, ни обуви не хватит, а впереди еще и зима. Зимовать на берегу под промозглыми ветрами — тоже не приведи Господь! Остается одна путь-дорога — вверх по реке, и одна надежда, что удастся мирно договориться с индейцами, задобрить их дарами, да и перезимовать в соседстве с ними.

С великой жалостью оглядывал он берега, где на камнях тут и там лежали котики и сивучи. Непуганые человеком, они с любопытством следили за суетливым копошением двуногих. Верно, и каланов тут полно, но когда и зачем заниматься ими? Вот ежели выживем и вернемся...

На ночь разбили палатки. Кто-то предложил запалить костры — благо сушняка на берегу полным-полно. Однако, подумав, командир отказался: костровой огонь будет освещать стоянку, а индейцы останутся в темноте — им оттуда стрелять куда как удобно. Лучше караулить, не выдавая себя, а тревогу поднять одним выстрелом.

За день Тимофей так устряпался, что, казалось, вот-вот упадет и не встанет. Однако обошел посты и уговорил алеутов покараулить до полуночи — все равно сменить их было некем, а после назначил в охранение себя, Булыгина и Фильку Котельникова.

У Булыгина то ли дворянская спесь разыграла, то ли перед женой ощутил неудобство, но, услышав про дежурство, штурман взъершился:

– Я же просил меня не трогать!

Очень не хотелось Тимофею приказывать: он понимал, что дворянин на крепостном всегда может отыгаться запросто и жестоко, однако ему теперь отвечать за порядок в экспедиции, а значит — за жизнь людей. Но это возможно лишь при том, что никому не будет поблажек. Потому и ответил Булыгину сурово:

– Ты сам захотел, чтоб я покомандовал. Вот и командую. Люди все, кроме тебя, выдохлись в труде непомерном, а без караула нельзя. Забыл, ли чё ли, как колоши наши отряды вырезали?

Булыгин покраснел, оглянулся на жену, притихшую в глубине палатки, и неожиданно смущенно пробормотал:

– Хорошо, Тимофей Никитич, разбудишь меня, когда на пост идти.

Разговор этот не остался тайной, и в дальнейшем повиновение старосте стало безоговорочным. Даже матросы, для которых байдарщик со своими промышленными были всего-то пассажирами, признали его власть.

А Тараканов долго не мог уснуть — ворочался, думал. Для него подчинение штурмана явилось неожиданной победой. Не над ним, а над собой, над извечной приниженностью раба перед баринном, и он впервые почувствовал себя свободным человеком. Хотя бы ненадолго, потому как знал, что до настоящей свободы так же далеко, как вон до той звезды, что заглядывала в палатку с густо-синего небосклона. Но и это «ненадолго» грело душу надеждой.

Вообще-то, с хозяином, курским помещиком Никанором Ивановичем Переверзевым, Тимофею повезло. Будучи мальчишкой, он выучился у местного священника грамоте и счету и попал в дворовые. Взяли его для пригляда за малолетними барчуками: Никанор Иванович здраво рассудил, что любознательный Тимошка будет хорошим примером для его отпрысков. Вместе с ними Тимофей учился у приглашенных учителей, и учился успешно. Освоил азы алгебры и тригонометрии, постиг историю и географию (особенно любил карты), бегло говорил по-немецки и немного по-английски. Никанор Иванович хотел, чтобы его дети разумели в механике и физике, и пригласил на одно лето из Петербурга знаменитого Ивана Петровича Кулибина. Тимофей, не будь дурак, рассудил, что ему пригодится и это, и за три месяца овладел токарным и слесарным ремеслом, научился изготавливать ярко-светящийся фонарь (весьма полезное изобретение учителя) и — уж самое необычное — мастерить и запускать воздушных змеев.

В общем, к двадцати годам Тимофей стал столь образованным, что, когда курский купец Голиков по-добрсоседски предложил Переверзеву поучаствовать в делах компании, которую он и Шелихов основали в Америке, и направить в нее своего представителя, палец помещика указал на Тараканова.

— Пятнадцать лет прослужишь в Америке верой и правдой — получишь вольную. Для себя и своей родовой, — молвил Никанор Иванович. — Слово даю при свидетелях.

Так Тимофей стал служащим сначала Северо-Восточной, а затем Российско-американской компании. Главный правитель Баранов

быстро приметил в нем «способность к деятельному начальству и расторопности» и начал поручать ему сперва несложные, а потом и более важные дела, вплоть до начальствования в небольших походах против немирных аборигенов. Тараканов во все вникал, все впитывал, присматривался к местным обычаям, с кадьями общался не свысока, подобно многим пришельцам, не угрозами, а уважительно, при случае одаривая чем-нибудь, и Баранов постепенно проникся дружеским расположением к честному, прямодушному и надежному помощнику. На этой заморской окраине империи каждый толковый человек был на вес золота, а таких, как Тараканов, можно было пересчитать по пальцам одной руки: Николай Мухин, Иван Кусков, Филипп Кашеваров, Ефим Расторгуев...

Так, по крайней мере, говаривал за традиционным дружеским чаепитием Александр Андреевич.

Надежный помощник, вздохнул Тимофей, разглядывая в щель палатки подмигивающую звезду, которая заметно переместилась книзу. До смены караула оставалось четыре часа. Был помощник, а должен стать командиром-надёжей. Иначе не выбраться.

С тем и заснул.

Индейцы появились вечером второго дня, когда у потерпевших крушение все уже было готово к походу вверх по реке. Лишние вещи из корабельного имущества, а также два трехфунтовых фальконета с запасом ядер и картузов с порохом уложили в глубокую яму, выстелив ее парусом, а затем закрыв землей и приметными камнями. Шесть байдарок загрузили провизией и теплыми вещами, а в личные заплечные мешки каждый положил трехдневную норму продуктов (на всякий случай) и кое-какие предметы крайней необходимости — миски, кружки, ложки, гребешки... Все, в том числе и женщины, оделись по-походному, на пояса прицепили ножи, за пояса заткнули топоры; мужчины проверили ружья и снаряжение к ним — порох и кремни, пули и дробь, у каждого — полный подсумок. Подарки для индейцев — бусы, зеркальца, топорики, расписные табакерки — в отдельном коробе надежно закрепили на одной из байдарок.

И только-только закончили укладку, индейцы — словно сидели в укрытии и ждали этого момента — объявились на опушке леса. Голые по пояс (ниже висели какие-то ремки, прикрывавшие срам),

расписанные полосами краски под цвета осенних деревьев, в шапках с перьями, они вдруг поднялись над низкорослыми кустами, потрясая над головой своим оружием — кто луком со стрелами, кто копьем, кто боевым топором, — и что-то завопили на языке, который Тараканову был совершенно незнаком.

– Глянь-ко, Никитыч, у одного, кажись, ружжо, — сказал кто-то за спиной Тараканова дребезжащим тенорком. Тимофей глянул мельком — тенорок принадлежал партовщику Касьяну Зырянову, коренастому жилистому зырянину с большими руками, которые сейчас сжимали единственный в отряде штуцер (остальные ружья были гладкоствольные). — Хранцузский мушкетон, — добавил Касьян, не только обладавший острым зрением, но и хорошо разбиравшийся в оружии (недаром штуцер был доверен именно ему). — Откуль они их берут?

– Покупают у добрых людей. У таких, как мы, за те же меха и шкуры... — усмехнулся судовой староста, в то же время усиленно размышляя, что делать. Начинать с войны не хотелось, хотя весь вид индейцев, продолжавших воинственное представление, говорил о неизбежной схватке. Таких одним выстрелом не испугать, да и с огнестрелом они уже знакомы.

– Петровна, — обратился он к Булыгиной, стоявшей с мужем чуть позади, — попробуй, ли чё ли, поспрошать, чего от нас хотят, и скажи, что мы пришли с миром.

Анна Петровна, молодая красавица-креолка, как и все, одетая по походному, сделала было шаг вперед, но муж остановил ее, обратившись к Тараканову с нескрываемым сарказмом:

– Ты что это, командир, никак женщину подставить хочешь? А говорил: сам по-индейски кумекаешь.

– Петровне ничё не грозит: индейцы, Исакыч, в баб не стреляют. А по-индейски она лучшей меня говорит. Так что не бойсь. А вы, — Тимофей Никитич зыркнул взглядом по остальным, — сготовьте ружья, но без моей команды не стрелять. И — разойтись, не стоять кучно.

Булыгина выступила вперед на три шага, показала индейцам открытые руки — мол, имеет добрые намерения — и прокричала что-то несколько раз — наверное, на всех наречиях, какие знала.

Индейцы столпились, живо обсуждая услышанное, потом вдруг рассыпались и скрылись в кустарнике.

– Чёй-то они? — недоуменно продребезжал Касьян.

– Ложись! — рывкнул Тимофей, падая на одно колено и вскидывая к плечу ружье.

Из кустов свистнули стрелы, и несколько вскриков подтвердили, что для кого-то его приказ запоздал.

– Пали!

Ответные ружейные выстрелы хоть и вслепую, но тоже достигли цели: подброшенные ударами пуль, над кустами взметнулись и тут же опали две раскрашенные фигуры. Послышались крики, листва бурно зашевелилась, но и быстро успокоилась. Только шум прибое в ушах равномерно нарастал и удалялся. Все произошло так стремительно, что Анна Петровна не успела даже руки опустить — так и стояла с поднятыми. Стрелы ее миновали, наверное, у индейцев действительно не принято стрелять в безоружную женщину.

Хотя... кто знает!

Видимо, осознав, что стычка закончилась, Анна Петровна бессильно уронила руки и повернулась навстречу встававшим с земли товарищам. Булыгин и Тараканов бросились к ней. Муж обнял — она отстранилась, а байдарщика смерила презрительным взглядом, отвернулась и пошла к остальным.

Мужчины остались один на один. Выражение лица у штурмана было такое, словно он собирался сплюнуть, однако сдержался и побрел за женой.

На душе у Тараканова скребли кошки, захотелось тут же отказаться от командирства, но он взял себя в руки, осмотрел свое воинство — люди под его суровым взглядом подтянулись, стараясь держаться побоевитей, — и подошел к хлопотавшим возле подстреленных. Одному алеуту смертельная стрела попала в горло, еще один промышленный и один матрос были легко ранены. Слава богу, не в ноги, смогут идти, подумал командир. Оставаться на месте до их выздоровления нельзя, а нести на себе было бы слишком тяжело. Однако выступать в этот день уже не суждено: надо рыть могилу и все такое прочее.

Убитый алеут был православным, но хоронить его пришлось в тот же вечер, потому что ждать третьего дня не представлялось

возможным. Закопали, поставили деревянный крест, заодно неподалеку и большой поклонный — в память о крушении «Святого Николая». Под поклонный крест положили заготовленную еще в Ново-Архангельске железную литую пластину с текстом: «Сию землю открыл и привел под высочайшую руку Императора Российского шкипер Николай Булыгин. Год от Р.Х. 1808». После чего помолились и справили поминки. Тараканов приказал к утру всем быть готовыми. Кто-то не поленился снова поставить палатки, кто-то пристроился у костров — их запалили промышленные и матросы на особицу. Беда общая, а сугрево врозь, с неожиданной горечью подумал Тимофей Никитич.

Про охрану не забыли, но все устали, да еще выпили рому на поминках, и вышло так, что после полуночи задремали и сторожа. Слава богу, что недовольный собой командир никак не мог уснуть в палатке и выполз из нее подышать свежим воздухом. Он увидел стремительную тень, мелькнувшую в слабом свете почти затухшего костра — так быстро не мог двигаться никто из его команды, — и выстрелил из пистолета в ту сторону, куда она исчезла.

И — пошла потеха!

Тут и там загремели выстрелы — это проснувшиеся промышленные схватились за ружья, благо у всех они всегда заряжены, — зазвенела сталь: томагавки индейцев схлестнулись с тесаками и ножами матросов. Воинственные крики и стоны раненых смешались в беспорядочный шум.

Выстрелив, Тараканов отбросил пистолет (некогда перезаряжать!), вытянул из палатки свое ружье и, присев, лихорадочно стал выискивать цель. В общей суматохе это было совсем непросто: света от тлеющих костров решительно не хватало, нападавшие и защищавшиеся мгновенно, словно в дикой пляске, менялись местами, и казалось, что пуля непременно попадет в своего. Краем глаза Тимофей Никитич уловил бросок в свою сторону украшенной перьями фигуры с поднятым томагавком, мгновенно развернулся и нажал на курок. Тяжелая свинцовая пуля, обычно отбрасывавшая человека, на этот раз не остановила стремительно налетающее громадное тело противника — индеец только дернулся и всей тяжестью обрушился на Тараканова. Шею Тимофея от перелома спасло лишь то, что он успел

упасть плашмя на землю. Тем не менее тяжеленный удар на мгновение оглушил его, в рот набилась земля, и нечем стало дышать...

Очнулся он от тряски: кто-то, держа за плечи, встряхивал его, в то время как чьи-то пальцы сжимали щеки, заставляя раскрыть рот и выплюнуть землю.

Тараканов закашлялся и сел, ошалело оглядываясь вокруг. Радетели его отступили к столпившимся неподалеку товарищам.

Светало. На востоке над лесом порозовели облака. Заслоня их, темными глыбами стояли партовщики и матросы, молчали.

– Все живы? — откашлявшись, спросил Тимофей Никитич.

– Живы-то живы, — отозвался Парфен Кулаков, молодой промышленный из алеутов. Родившись уже среди русских, он учился в школе у валаамских монахов, присланных просвещать диких аборигенов, и хорошо знал язык.

– Раненых много?

– Всем досталось, но тяжелых нет, Бог миловал.

Это штурман, определил по голосу Тараканов и встал. Руки-ноги были целы, вот — главное. А в голове гудит — пройдет.

– А чё такие кислые? Индейцев мало положили?

– Скоко-то положили, оне с собой унесли, — продребезжал Касьян Зырянов. — Ты, вона, жожака ихнего угрохал...

– Угрохал, ну и лады, чего ж вы...

– Байдары наши они увели, — не дал ему договорить Булыгин. — Мы остались без припасов. Еды на три-четыре дня, и — все!

В его словах Тимофей Никитич уловил отчаяние и страх. Это плохо, очень плохо! Пока не поднялась паника, надо решать, что делать. А — что?! С *этими* индейцами уже не подружиться, а есть ли поблизости другие? Но и с ними, другими, если они есть, как подружиться, не имея ничего для подношения? Остаться тут, срубить острожек и зимовать, ни на что не надеясь? Острожек срубить — без вопросов, а как и чем кормиться? Конечно, в лесу и олени, и лоси, на худой конец полно морского зверя (мясо его воняет рыбой, но терпеть можно), да и рыбу можно наловчиться ловить, однако и тут подстерегает страшный ворог — скорбут! Сколько от него людей перемерло — счету нет! А индейцы знают, как с ним сладить, значит, выход один — идти на поклон к индейцам, но опять же — с чем к ним идти?

Все эти мысли промелькнули в голове Тараканова за то короткое время, которое ушло у него на огляд томившихся в ожидании товарищей.

– Без грузóв на байдарках нам податься некуда, потому байдары надобно вернуть! — решительно сказал он и порадовался, услышав одобрительный гомон. — Пойдем в погоню. Но — сторожко. Словим случáй и отобьем!

Из отложенных припасов каждому стрелку добавили огневых зарядов и двинулись вверх по течению реки — где по берегу, по отмелям, где вброд по мелководью. Тараканов с алеутами шел впереди — вели разведку; для связи с остальными он взял Филю Котельникова и то и дело отправлял его с указаниями, как лучше идти. Юнга старался изо всех сил — ему нравилось быть при командире и передавать его приказы. По счастью, речных притоков не было — все больше ручьи, и Тараканов молил Бога, чтобы так и продолжалось: не то встретится какая-нибудь более-менее полноводная речушка, и ломай тогда голову, свернули похитители в нее или нет.

Однако Бог, по всей видимости, занимался другими делами и прослушал мольбу Тимофея Никитича, потому что часу в третьем после полудня на противоположном берегу открылось устье то ли протоки, то ли притока, и командир задумался. По следам выходило, что индейцы продолжали идти по левому берегу, но байдары вполне могли свернуть в приток (или протоку?). Хотя... если аборигены идут к месту своего постоянного проживания, то зачем им отделяться от добычи или опять же добычу отсылать в сторону? Обмозговав положение и посоветовавшись с алеутами, немного лучше знавшими индейцев, Тараканов все же остановился на том, что их добыча, то бишь российское добро, никуда «на сторону» не уплыла, и следует двигаться вперед. Но тут как-то быстро сгустились сумерки и пришлось устраиваться на ночлег — без палаток и костров, чтобы не привлечь внимание противника. Поели всухомятку, запили водичкой из реки, и на боковую.

На другой день на береговом возвышении наткнулись на почерневший от непогоды столб с жестяной табличкой, на которой штурман с помощью Джона Вильямса с трудом разобрал английский текст. Табличка гласила, что некий Дэвид Томпсон, служащий Северо-

Западной меховой компании, обследовал эту реку, назвал ее Квилеут-ривер по имени аборигенов-индейцев и объявил торговлю на их территории привилегией компании.

– Опредил нас британец, — сказал Николай Исакович. — Теперь понятно, почему индейцы так враждебно к нам относятся. Их англичане настропалили.

– То нам неведомо, можа, они тако же и англичан шуганули, — раздумчиво заметил Тараканов. — В любом случáе, теперича известно, как их звать-величать. — Он похлопал по столбу мозолистой ладонью — тот пошатнулся. — А столбец этот, видать, давненько ставили, пора бы ему в костерок. Эй, ребятушки, ну-тко, поднатужьтесь, ли чё ли.

Столб свалили, порубили на дрова для костра.

– Тиз не ест правильно, — заметил Джон Вильямс. — Тиз из бриич, нарушение.

– Зря ты так, Тимофей Никитич, — осудил и Булыгин. — Они и наши знаки тако же изничтожат.

– Изничтожат, — согласился Тараканов. — Покудова не зложим постоянную факторию, так и будем изничтожать. Мы — их знаки, они — наши. Еще не раз и подеремся!

– Никитыч, — из кустов выломился запыхавшийся Парфен Кулаков, он в этот день был старшим в дозоре, — там, впереди, индейцы промеж собой бьются.

– Как бьются?!

– Вусмерть!

– Вусмерть напиваются, а бьются насмерть! — поправил Булыгин. — Как эти-то дерутся, чем?

– Копьями, топорами своими.

– Томагавками, — подсказал Тараканов.

– Ну-дыть, гавками, нычить, — никак упомнить не могу.

– Промеж собой?! — не поверил Булыгин.

– Так они ж разные! Разного роду!

– С чего это ты решил? — удивился Тараканов.

– Так раскраска у них разная. У индейцев кажное племя по-своему красится, — пояснил Парфен. — «Наши» — желтые с красным, а энти, другие, — синие с зеленым.

– Что делать будем? — обратился к Тараканову Булыгин.

Вся команда воззрилась на командира.

Что делать, что делать?! Кабы знал он — что! Однако взялся за гуж...

— Парфен, — позвал Тимофей успевшего отойти к товарищам разведчика, — а из-за чего у них драка — вы не разобрались?

Парфен ненадолго задумался, потом, решившись, тряхнул кудлатой головой:

— Сдается мне, Никитыч, «наши»... ну, которые байдары угнали... напали на тех, других...

— Понял, — перебил его Тараканов и обратился к команде. — Давайте подмогнем тем, кто послабже, заедино с ворами посчитаемся. Глядишь, и друзей обретем. А? Согласны, ли чё ли?

Возражений не было. Приготовили ружья, заряды к ним, и Парфен повел отряд к месту сражения.

Бой уже, можно сказать, закончился: оставшиеся в живых, залитые кровью шестеро индейцев, разрисованных синей и зеленой краской, держали последнюю оборону, прижавшись спинами к скале, выставив копья и томагавки. Среди них выделялся могучий воин; голова его была повязана сине-зеленой лентой, из-под которой торчали три больших пера тех же цветов, а спину покрывала медвежья шкура, ее когтистые лапы лежали на плечах воина. Раскраску лица и голой груди смазывали кровавые потеки.

«Сине-зеленых» окружали не менее двадцати индейцев желто-красной раскраски, уже знакомой русским по схватке на берегу океана. Они воинственно улюлюкали, пританцовывали и быстро перемещались с места на место, заставляя оборонявшихся обращать внимание то в одну, то в другую сторону.

— Рассредоточивают силы, — громким шепотом сказал Булыгин. — Вот-вот набросятся.

Тараканов оглядел своих, все ли готовы.

— Значится, так, — тоже шепотом сказал он, — по моей команде стреляем, и чтоб ни одна пуля мимо не прошла! И зараз идем в атаку. Драться на смерть, без пощады! Нам терять нечего! Ежели победим, выживем! Поняли, товарищи?

Все вышло, как задумано. Залп из двух десятков ружей скошил больше половины «желто-красных». Оставшиеся не успели опомниться, как были атакованы с двух сторон. Прижатые к скале

«сине-зеленые» мгновенно перешли от обороны к нападению и своими копьями и томагавками действовали куда решительнее, нежели неожиданные спасители, выскочившие из кустов с тесаками и ружьями, приклады которых годились в виде дубин.

Через несколько минут все было кончено. Никто из «желто-красных» не спасся бегством, да они и не пытались убежать, сражаясь до конца и не прося пощады.

Байдары, однако, не нашлись: видимо, квилеуты (а «желто-красные» оказались именно квилеутами) отправили их по какому-то из притоков.

Глава 10

Время то же

Индейская деревня состояла из трех-четырёх десятков вигвамов, напоминающих четырехугольные юрты, покрытые корьём и шкурами. Похожие Тимофей видел в киргизской степи на пути к Иркутску. Вигвамы окружали холм, на вершине которого стоял столб, поддерживавший чучело огромного бурого медведя, стоящего на задних лапах. Клыкастая пасть медведя была распахнута в беззвучном реве и своим ужасным видом вызывала у впервые увидевшего ее невольную дрожь во всем теле.

Команду Тараканова привели в деревню спасенные индейцы. Их племя называлось «мака» — так сказал сын вождя, тот самый могучий воин в медвежьей шкуре. Его и звали Маковаян, что и означало «Медвежья Шкура».

Объяснились пришлые с аборигенами довольно легко — тут весьма пригодилась Булыгина с ее знанием многих индейских наречий. Узнав, что она из племени тлинкитов, Маковаян почтительно выразил уважение народа мака этому сильному свободному народу и после всячески подчеркивал свое внимание к Анне Петровне. Что, как заметил Тимофей Никитич, вызывало резкое раздражение Николая.

Появление чужих людей привлекло всеобщее внимание: аборигены собрались у реки большой толпой — не меньше полусотни полуголых раскрашенных мужчин в кожаных штанах и густо оперенных шапках. В руках у многих были топорики, копья и луки. Вперемешку с ними толпились женщины в длинных кожаных балахонах, украшенных разноцветными ленточками и кистями, и ребятишки, некоторые совсем голышом, несмотря на то что было уже довольно холодно.

Своих израненных соплеменников индейцы сразу же увели в большой вигвам у подножия холма. Остальные окружили чужаков и стояли плотной стенкой, правда, ни единым движением не выказывая враждебности, — только оживленно переговариваясь между собой.

Тараканову жуть как хотелось узнать, о чем они говорят, но Анна Петровна с расстроено-сердитым видом объяснялась с мужем, и он не стал вступать в их семейный разбор.

Пришлые постояли, переминаясь с ноги на ногу, а потом усталость взяла свое, и они начали садиться прямо на землю. Первым со словами «Ой, ноженьки не держат!» опустился Филя Котельников, за ним — матрос Прохор Жиляков, а там и все остальные. На ногах остались Бульгины и Тараканов. Тимофею Никитичу в рукопашной ловкий квилеут поранил колено, и оно сейчас нестерпимо ныло, однако командиру, как он считал, не пристало себя ронять.

Мака не отличались высоким ростом (сын вождя был, очевидно, исключением), поэтому Тараканов поверх голов увидел, как из большого вигвама вышли спасенные индейцы, а впереди них, рядом с Маковаяном, шел широкоплечий, чуть пониже ростом, человек. В отличие от остальных, он был полностью одет — в штаны и куртку, обвешанные ленточками кожи, — и не босиком, а в обуви, похожей на мягкие сапоги. Большие разноцветные перья украшали его шапку и спускались на плечи. На груди висело несколько ожерелий из клыков — судя по размерам, медвежьих и волчьих. Шаман или даже сам вождь, подумал Тимофей Никитич и внутренне подтянулся.

– Встаньте, робяты. Власть идет.

Команда, недовольно ворча, поднялась.

Индейцы расступились, открывая идущим широкий проход. Те приближались торжественно и неторопливо.

По левую руку от Маковаяна мелкими шажками двигался низкорослый, почти карлик, индеец, одетый... — Тараканов, не поверив, даже мазнул по глазам рукавом кафтана — в английский военный сюртук, полы которого доходили ему до щиколоток.

– Они знать инглишмэнс, — сказал за спиной Тараканова Джон Вильямс.

– Можя, знать, а можя — убивать, — пробормотал Тимофей Никитич.

Они оказались лицом к лицу — трое на трое: вождь (Тимофей в этом был уже уверен), его сын и этот... в сюртуке — с одной стороны, Бульгины и Тараканов — с другой.

Вождь что-то сказал «сюртуку». Тот кивнул и произнес на ломаном английском:

– Вы есть кто?

Вообще-то, пока после битвы шли к деревне, Тараканов с помощью Анны Петровны коротко поведал Маковаяну, кто они и как очутились в дебрях Орегона, но, видимо, по индейским правилам, то же следовало рассказать и вождю.

– Ну, Исакыч, ты, ли чё ли, будешь ответственать? — Тимофей испытующе посмотрел в глаза штурмана.

Минута была серьезная, можно сказать решающая: от нее зависело будущее команды. Он не ожидал от Николая Исаковича чего-то дельного — уж больно вялым был тот все дни после крушения. Правда, в схватке с квилеутами штурман показал себя неплохим бойцом, — тем не менее байдарщик был уверен, что он откажется, и спросил просто так, из уважения. Но Булыгин вдруг вскинул голову, как норовистый конь, и ответил твердо, разделяя слова:

– Да, позволь уж, Тимофей Никитич, мне.

Тараканов внутренне неприятно удивился столь неожиданной решимости, но виду не подал, по-мужицки поклонился барину и отодвинулся в сторону и чуть назад, уступая законное место командира.

Если бы он знал, что его уважительность и последовавшие за тем действия Булыгина изменят не только судьбу команды «Святого Николая», но и в значительной степени саму историю этих мест, он бы не поверил.

Впрочем, не поверил бы и Булыгин, тем более что и сам не понимал причины, подтолкнувшей его к решительному шагу, — то ли ясно ощутимая, угнетающая душу отчужденность молодой жены, возникшая после его отказа от принадлежащего ему по праву поста начальника, то ли уязвленное самолюбие образованного дворянина, вынужденно подчинившегося крепостному мужику. Во всяком случае, за прошедшие после крушения дни он успел внушить себе, что Тараканов коварно воспользовался его минутной слабостью. И теперь, вернув свое законное право, Николай Исакович шагнул вперед, потянув за собой жену, и сказал по-английски:

– Мы — русские моряки. Наш корабль потерпел крушение. Нам нужна помощь. Мы ищем друзей.

Тут же последовал вопрос:

– Кто ваш вождь?

— Я — капитан корабля, я — вождь. Меня звать Николай. А это — моя жена Анна. Она может быть переводчиком. — Булыгин взял жену за руку, пожал: — Скажи что-нибудь. Переведи мои слова.

Анна Петровна в разговоре с Маковаяном уже освоилась с языком мака и довольно бойко что-то сказала. Старый вождь кивнул и жестом отправил своего толмача в задние ряды, что тот исполнил с явно обиженным видом.

— Мой сын рассказал, как вы помогли ему в битве с коварно напавшими квилеутами. Мы будем вашими друзьями, — сказал старик. — Мое имя Ютрамаки. — Он ударил правым кулаком себя в грудь, а затем поднял вверх открытую ладонь — видимо, в знак миролюбия — и продолжил: — Я приглашаю русского вождя в свой вигвам для дружеской беседы. Остальные его люди со всем дружелюбием будут приняты в жилищах моего народа.

— Я с великим почтением и благодарностью принимаю твое приглашение, — слегка поклонился Булыгин, — и прошу разрешить сопровождать меня моему помощнику Тимофею, — он показал на Тараканова, — и моему переводчику.

Сын вождя наклонился к уху отца и что-то сказал, старик кивнул.

— Ты можешь взять с собой кого пожелаешь. Жду тебя перед заходом солнца. — Вождь величаво удалился в сопровождении свиты.

— Ну, кажется, договорились, — сказал Николай Исакович Тараканову и не удержался от усмешки: — Выходит, и я что-то могу.

— Могешь, Исакыч. — Голос Тимофея был спокоен, однако Булыгину почудилась ответная усмешка, и он царапнул помощника колючим взглядом. Но тот добавил: — Токо держись сторожко — не попасть бы из огня да в полымя.

Николай Исакович, обернувшись, громко сообщил команде, кучковавшейся в нескольких шагах позади:

— Нас принимают как друзей. Ведите себя прилично и скромно.

Команда зашевелилась, загомонила.

— Мотри-ка, — сказал Прохор Жилияков Фильке Котельникову, — сколь квилеуты их людишек побили, а им хоть бы хны.

— Им ндрав не позволят хныкать перед чужими, — возразил Парфен Кулаков. — Их скво поплачут от глаз подале.

Тем временем индейцы потянули новых друзей к своим хижинам.

– Лучшей было б вместиах держаться, — озаботился Тараканов. — Мы знаем, ли чё ли, чё они от нас за дружбу потребуют.

– Чего бы ни потребовали — отдадим все, что имеем, — откликнулся Булыгин.

– Так у нас, окромя ружей, ничё и нету.

– Значит, отдадим ружья.

– Ты рехнулся, Исакыч! Баранов настрого запретил давать индейцам огнестрел.

– Послушай, ты, мужик! Я — начальник, и я решаю, что делать, — прошипел Булыгин и оглянулся на команду. — Ты что, хочешь, чтобы мы от холода и голода Богу душу отдали?

– Ничё такое я не хочу, — угрюмо сказал Тараканов. — А токо без ружей мы не друзьями, а пленными будем. А то и рабами. Небось слышал, что индейцы пленных рабами делают? А чё с Петровной твоей будет? Отдаст ее вождь кому-нито в жены таку красулю. Вона Маковаян глаз на нее положил...

Анна Петровна в испуге прижалась к мужу — тот погладил ее по плечу.

– Никому тебя не отдам. Жизнь положу, а не отдам. Но сердцем чую: все будет хорошо. Мы им очень нужны.

– Мне б тако чують, — проворчал Тимофей. — Спору нет, ты ставлен начальником, Исакыч, но я повидал поболе твоего и вот что скажу. Коли уж собрался ружья отдавать, то за половину из них мы можем землицы купить, и немало, да и обустроиться тут. Факторию, ли чё ли, поставить. В устье реки — самое то, — закончил он в раздумье.

«Дружеская беседа» проходила в просторном вигваме Ютрамаки, похожем на шатер, где все стены были увешаны шкурами различных животных. На большие медвежьи за длинным столом уселись: с одной стороны — Ютрамаки и Маковаян, с другой — гости. Русских друзей потчевали горячим, ароматным и сладким травяным напитком со вкусом смородины и жаренным на углях оленьим мясом — с овощами и зеленью. Гости тоже не остались в долгу — выставили две бутылки рома. Однако вождь сам не пил и сыну запретил. Принял ром просто как подарок.

Прислуживали две женщины — пожилая и юная, которая то и дело бросала на Тимофея любопытствующие взгляды, от которых по его спине ползли мурашки. В свои 34 года Тараканов не стремился под

венец, запретил себе даже думать об этом, пока не получит обещанную хозяином вольную, поскольку по российскому закону жена крепостного сама становилась крепостной, а он не желал этого ни одной свободной женщине. Мужик он видный, можно даже сказать красивый, вниманием противоположного пола не обижен, но жениться — упаси Бог! А тут раскосая красавица одним взглядом, как крючком, зацепила сердце и повела куда-то в обволакивающую мглу. Тимофей Никитич даже головой тряхнул, чтобы избавиться от наваждения и слушать, что говорит штурман. Не то по неопытности брякнет что-нибудь, чего потом не расхлебать.

А Булыгин рассказывал, что с ними произошло, сделав упор на том, что преследовавшие их индейцы-квилеуты украли все байдарки, в которых было много подарков, приготовленных для друзей на этой земле. Ютрамаки слушал повествование с невозмутимым видом, но при упоминании подарков оживился и, оставив плошку с напитком, что-то сказал сыну. Тот встал, приложил правую руку к груди и вышел.

— Продолжай, — сказал вождь Булыгину.

Тимофей Никитич ожидал, что штурман, закончив, будет просить убежища на зиму, что, по его мнению, было вполне разумно: за пару зимних месяцев они бы огляделись, прикинули полезность этой земли, а потом уж поторговались с хозяевами насчет покупки. Однако Николай Исакович, видимо, не забыв слова Тимофея про факторию, сразу взял быка за рога.

— Кто хозяин этой реки и берега моря возле ее устья? — спросил он.

Ютрамаки, прищурясь, взглянул на него и ответил не сразу. Снова взялся за плошку — старшая индеанка наполнила ее свежим напитком, — отхлебнул, устремив взгляд черных глаз в пространство перед собой. Потом заговорил медленно, предварительно обдумывая каждое слово:

— Хозяева мы, мака, но квилеуты пользуются тем, что у нас мало воинов, и устраивают набеги на нижнюю часть реки... Им помогли англичане. Очень плохие люди. Они дали квилеутам ганы, огнестрельные трубки, и научили из них стрелять, чтобы квилеуты убивали всех чужих... Англичане убили несколько мака, но мы убили столько же англичан. Скальп за скальп — так учит Великий Дух... Хотя мы не любим воевать. Я слышал, что вы, русские, торгуете с

племенами, живущими на полночь от нас и теперь хотите торговать с нами. А я хочу вернуть нашу землю... Если вы мне дадите ваши ганы и поможете против квилеутов и англичан, я продам вам часть земли на берегу, и вы построите факторию, чтобы торговать.

— Ты угадал мои желания, Ютрамаки, — важно произнес Булыгин, уловив момент, когда старый индеец замолчал, прикладываясь к площадке. — Ты — мудрый вождь. Я помогу тебе своими воинами и дам огнестрельные трубки. Мы их называем «ружья». — Анна, старательно все переводившая, слово «ружья» произнесла по-русски. Ютрамаки кивнул: мол, понял. — Две штуки дам. За это ты позволишь нам перезимовать в твоём стойбище и выбрать землю для фактории.

Вождь снова кивнул, видимо, соглашаясь. И тут Булыгина осенило. Тимофей Никитич заметил, как у него заблестели глаза, и он даже нетерпеливо подался вперед, как бы желая перебить речь вождя.

— Остерегись, Исакыч, — вполголоса сказал Тараканов, но Булыгин отмахнулся.

— Но ты, Ютрамаки, не только мудрый — ты можешь стать великим вождем. Когда-то давным-давно далеко отсюда на полдень много-много лет существовал союз ваших народов, который назывался по главному племени империей майя...

Николай Исакович передохнул, и вождь, внимательно слушавший перевод, воспользовался паузой:

— Я знаю народ майя, его земля за землей мешиков.

Ого, подумал Тараканов, который помнил про империю майя из уроков в имени Переверзева, а Ютрамаки-то вовсе и не дикарь: похоже, и географию своих соплеменников знает.

— С моей помощью, — заявил Булыгин, — Ютрамаки Великий должен стать отцом-повелителем всех племен и народов на этой земле, на земле Орегона...

— Понесло тя, ли чё ли? Сдурел, однако! — сокрушенно мотнул головой Тараканов. — Вдругорядь на камни сядешь, капитан.

Штурмана, и верно, «понесло». По какому-то наитию, сам не зная почему, он вдруг расписал, как Ютрамаки — конечно, с помощью русских, — объединит племена, создаст свою империю и не подпустит к морю англичан и других белых грабителей. Говорил горячо, жестикулируя, и чем дальше, тем больше походил на мальчишку, которому вдруг позволили поведать свою заветную мечту. И

Тараканов, слушавший вначале с большим недоверием, неожиданно начал проникаться этой невероятной возможностью, и его сердце стало захлестывать внезапно открывшейся перспективой. Перспективой не для индейцев — что они ему, эти индейцы! — а для всей Русской Америки. Другое дело, какими силами за это братья: людей-то из России по всей Америке наперечет, а новым желающим приехать — Баранов говаривал — царь-батюшка ходу не дает...

Ютрамаки выслушал перевод с непроницаемым лицом. Когда русский вождь кончил, утирая лоб, покрывшийся от волнения потом, он долго молчал, попивая травяной «чай» из деревянной плошки и снова устремившись взглядом куда-то вдаль, может быть, в будущее. Однако и верно, мудёр мужик, думал Тимофей Никитич, с кондачка не решает. А Исакыч-то, Исакыч, ну, удивил — самую надежную дорожку выбрал: само собой, иметь дело с одним вождем куда как проще, нежели с десятком; у них ведь на каждой речке свое племя со своим языком и своим вожденком. Наконец Ютрамаки вернулся мыслями в настоящее — это стало заметно по его потускневшим глазам — и поставил плошку с остатками напитка на столик.

— Чтобы собрать воедино наших братьев из разных племен, — задумчиво сказал он, — понадобится много лет и много сил. Мне не успеть — я слишком стар, и Великий Дух скоро призовет меня в свой вигвам... Мой старший сын, Маковаян, доблестный воин. Получил просветление на священной горе Такома. Вот он может стать Великим вождем Ютрамаки, если мака выберут его после моего ухода к Великому Духу. Маковаяна знают и уважают многие окрестные племена — и сиксик, и пиеган, и нумину, и кутене, и ковичан, и якима... Даже квилеуты. Поэтому я и послал его за вашими украденными каноэ.

— Это будет его добыча, — переглянувшись с Таракановым, сказал Булыгин. — Там подарки друзьям, подарки вам, доблестные мака.

— А нам лишь отдайте зимнюю одежду, — вмешался Тимофей Никитич, опасаясь, что щедрый командир оставит своих людей без теплых вещей.

— Прощу простить моего помощника за проявленное неуважение. — Булыгин склонил голову и прижал руку к сердцу. — Он выполняет свой долг — заботится о наших воинах.

Ютрамаки впервые внимательно посмотрел на Тараканова, на Булыгину и неожиданно спросил штурмана:

– Твоя скво не бледнолицая?

– Нет, — покачал головой Николай Исакович. — Ее матушка из племени тлинкитов.

– Напомни, как зовут твоего помощника?

Тараканов хотел ответить сам, но Булыгин удержал его за локоть.

– Его зовут Тимофей.

– У него есть скво?

– Нет у меня скво, — сердито сказал Тимофей Никитич, оттолкнув руку Булыгина.

Ютрамаки снова впился в лицо байдарщика черными пронзительными глазами. Тот выдержал, не отвел своего взгляда и внезапно ощутил какое-то шевеление в голове — словно там проросли тонкие побеги и потянулись к старому вождю, с каждым мгновением становясь прочнее и прочнее, а навстречу им спешили столь же прочные нити от головы вождя, черные глаза которого потеплели и стали ярко-коричневыми, в них заплясали искорки. Хотя они вполне могли быть просто отражением огней светильников, развешанных по всему вигваму, однако Тимофей Никитич неожиданно возникшим непостижимым чувством воспринял их как знак чего-то чрезвычайно важного.

– Ты понравился моей дочери. — Голос вождя, казалось, остался таким же бесстрастным, как и во все время «дружеской беседы», но для Тимофея он звучал совсем иначе — громче и торжественней. — Она хочет, чтобы ты стал ее мужем.

Тараканов после перевода едва не клацнул зубами. «Так эта юная красавица — дочь, ли чё ли, старого хрыча?! И она хочет стать женой русского?! А он-то сам чего хочет? Или это... с ходу уже сватает ее за меня? — Мысли заметались, задержались, как рыба в сетке невода. — Как объяснить вождю, свободному человеку, что, выйдя замуж за раба, его дочь сама станет рабыней? Вот вздумает Никанор Иванович вернуть меня в Переверзево, и отправят нас как миленьких из Ново-Архангельска в Курск... А коли рыпнемся супротив — в железó закуют. Запросто! Тот же друг душевный Ляксандр Андреич и закует. Плакать будет, рыдать — а закует! Потому как закон, а власть закон должна исполнять, иначе какая она власть!.. Хотя... чего это я так

спужался... обещал ведь хозяин дать вольную, а он слов по ветру не пускает. Может, бумага та бесценная уже птицей летит по просторам расейским — к Якутску али Охотску... правда, когда еще до Ново-Архангельска доберется — одному Господу Богу ведомо. С другого боку, кто сейчас скажет, когда мы отсель выберемся, — уж не раней весны, это точно!.. Нужно ж, чтоб какая-нито посудина в этот край зашла, да еще и попутной оказалась... А девка-то хороша, ягодка, а не девка! Неужто я и впрямь ей приглянулся? Вот уж чудно так чудно! Что ж, она дожидаться, ли чё ли, будет, пока я вольную получу? Мало ли чего может приключиться! Вон господин Резанов обручился, за разрешением на брак поехал, да и помер по дороге, правитель как раз перед отплытием о том бумагу получил... а Кончита небось ждет-пождет...»

Булыгин кашлянул.

Тимофей очнулся, глянул на вождя, на Булыгина, на Анну и понял, что молчание его слишком затянулось. Впрочем, прямого вопроса и не было... так, косячком... мол, тебя тут кое-кто в мужья хочет... А хочу ли я? Да хочу, конечно, хочу, вот только в толк не возьму, вождю-то это зачем? Однако ж не мальчик я уже, волосья на седину потянуло, а ей, поди-ка, и пятнадцати нету.

— Ну, что же ты молчишь? — прошипел Булыгин краем рта. — Нам же союз предлагают...

Тимофей Никитич удивился:

— Ты, Исакыч, секретничаешь, ли чё ли? Они ж по-русски не кумекают.

— Не секретничаю я, — сердито и уже в полный голос сказал Булыгин. — Я бы на твоём месте долго не раздумывал. Она тебе что, не нравится?

— Да при чем тут... — разозлился было байдарщик, но уловил краем глаза суровое движение бровей вождя и осекся. Помолчал мгновение, опустив глаза и сдерживая неровное сердцебиение, потом поднял голову и снова встретился с Ютрамаки прямым взглядом. — Мне тоже нравится твоя дочь. Пуцай будет моей скво, заради вечной дружбы мака и русских людей.

Глава 11

1810 год

Тимофей Тараканов вернулся в Ново-Архангельск весной с промышленными алеутами, юной женой и восьмимесячным сыном Алексеем. Полтора года пробыл он с партовщиками на орегонском берегу. Доставил их на Ситку бриг «Лидия» под командованием шкипера-бостонца^[18] Томаса Брауна, который проходил вдоль побережья на север, к проливу Жуан-де-Фука, и случайно обнаружил на дотоле пустынном побережье новый форт. Крепость состояла из двух рубленых домов — один двухэтажный, комендантский, второй служил казармой, — окруженных частоколом с двумя башнями; построили ее, как оказалось, русские на купленной у индейцев земле, и называлась крепость-фактория Александровской, в честь российского императора Александра. Об этом Томасу Брауну поведал за обедом комендант крепости Николай Булыгин. Разговор, в котором принимал участие помощник коменданта Тараканов, велся на английском языке, русские им владели вполне сносно.

— Где вы так научились английскому языку? — поинтересовался Томас Браун, закуривая свою традиционную послеобеденную трубку.

— В нашем гарнизоне есть англичанин, Джон Вильямс, с ним мы и практикуемся, — ответил комендант.

— А жены ваши, как я вижу, языком не владеют? — кивнул шкипер вслед уходящим двум молодым красивым женщинам, креолке и индеанке, которые в молчании провели весь обед.

— Вашим — нет, — коротко ответил плечистый русобородый помощник коменданта.

— А вашим? — с чуть заметной иронией поинтересовался Браун.

— Мы хорошо понимаем друг друга. Лучше, чем вы нас, а мы вас.

— Я вижу, тут у вас много индейцев, выше по склону горы — целая деревня вигвамов, — уклонился от сарказма британец.

— Да, это столичная деревня трех объединившихся племен — мака, квилеутов и якима, резиденция их верховного вождя

Ютрамаки, — пояснил Булыгин. — Жена моего помощника — дочь вождя.

— Да-а, похоже, вы, русские, хорошо тут зацепились, — пыхнул трубкой шкипер. — Только знайте: индейцы коварны, им нельзя доверять.

— А мне говорили, что англичане коварны и вам нельзя доверять, — усмехнулся Булыгин. — Так что давайте оставим эти разговоры, мистер Браун. Вы лучше скажите, куда идете. Мне надо отправить на Ситку, в Ново-Архангельск, несколько человек.

— Нет проблем! Хоть весь гарнизон форта! Он у вас, как я вижу, не больше двадцати человек.

— У вас хорошее зрение, мистер. Но вы не можете видеть все... — комендант на секунду запнулся и закончил: — ...и всех.

Возвратившись в Ново-Архангельск, Тимофей Никитич первым делом крестил жену и сына, с новокрещеной Еленой Юрьевной тут же и обвенчался, благо отец Герман, последний из валаамских монахов-миссионеров, пребывал в это время на Ситке. Затем, по указанию Баранова, засел за подробный отчет об экспедиции. Трудился в поте лица целую неделю, исписал стопу бумаги, а вывод был краткий: чтобы закрепляться на новой территории и расширять ее по мере необходимости, надо увеличивать количество людей, в первую очередь россиян. Александр Андреевич, внимательно изучив отчет, написал и отправил председателю Главного правления Российско-американской компании Михаилу Матвеевичу Булдакову обстоятельное письмо, а тот, в свою очередь, не промедлив ни дня, обратился с прошением к императору Александру Павловичу как покровителю РАК и получил высочайшую аудиенцию.

Государь принял главу Компании, акционерами которой был он сам и члены его семьи, в рабочем кабинете, на первом этаже левого крыла Зимнего дворца. На встречу пригласил графа Румянцева, канцлера и министра иностранных дел, недавно назначенного председателем Государственного совета. Значит, придает соответствующее значение моим предложениям, подумал Михаил Матвеевич, склоняя голову перед молодым царем. А предложения были предельно конкретными: во-первых, расширить в Русской Америке кораблестроение, в том числе и военное — для борьбы с

морскими браконьерами и возможными посягательствами на российские владения на тихоокеанских берегах; во-вторых, разрешить Компании приобретение новых территорий для устройства на них торговых факторий и продовольственных хозяйств, дабы свести к минимуму снабжение Русской Америки из России; в-третьих, позволить Компании создавать за свой счет отряды военных волонтеров для защиты вновь приобретаемых территорий и помощи, при нужде, дружественным соседям; в-четвертых, для успешного выполнения предыдущих задач содействовать увеличению в Америке количества россиян за счет ссыльнопоселенцев и свободных добровольцев. Разумеется, все это потребует вложения значительных денежных средств, коих ни у Компании, ни у казны государственной нет, поэтому, в-пятых, необходимо привлечь деньги населения, для чего создать банк и выпустить в продажу облигации...

Белокурый стройный император рядом с седовласым министром казался еще более юным, чем был на самом деле, понимал это и недовольно хмурил рыжеватые брови, слушая доклад директора самой крупной российской компании. Он не сел во главе длинного стола для заседаний, а ходил по кабинету, останавливаясь у каждого из четырех открытых по случаю теплого вечера окон и на мгновение принимая выразительные позы, вероятно, для гуляющих по Дворцовой площади. Похоже, он еще не насладился в полной мере самодержавной властью и потому пользовался каждой минутой, чтобы показать свое величие.

Бедный мальчик, думал Михаил Матвеевич (в то время как язык механически проговаривал выученный наизусть текст), всего девятый год на троне, а уже четыре войны, гора реформ во благо народа и тут, нате вам, я со своими прожеками — какую голову надо иметь, какой ум, чтобы все это охватить и вовремя принять нужное решение! Ну да на то он и помазанник Божий, не нам, поди-ка, чета!

— Что скажете, граф? — обратился Александр Павлович к Румянцеву, когда председатель Главного правления РАК закончил свою речь, растянувшуюся на целых восемнадцать минут (Михаил Матвеевич заметил это по часам, стоявшим в углу кабинета). — А вы, Булдаков, садитесь.

Грузный Михаил Матвеевич с облегчением присел на край стула с мягким сиденьем. Румянцев приподнялся было, чтобы говорить стоя, но император небрежным жестом опустил его на место.

— Ну что я могу сказать, государь... — протянул граф. — Я еще двадцать лет назад поддерживал основателя Компании Григория Ивановича Шелихова в его стремлении закрепить Россию на американских берегах Восточного океана, пока там не объявились конкуренты, а именно Англия, Франция и Соединенные Штаты. Сегодня обстановка усложняется: над Российско-американской компанией нависает угроза со стороны английской Компании Гудзонова залива и Штатов, граница которых весьма приблизилась к океану после покупки у Франции Луизианы...

— Насколько я помню, — прервал министра император, — Штаты хотели купить лишь Новый Орлеан, и у них в Конгрессе многие были против покупки Луизианы. Тем более что Франция сама только-только получила Луизиану от Испании.

— Да, государь, вы совершенно правы. Но одно дело — хотеть, и совсем другое — сделать. Наполеон хотел создать в Америке новую французскую империю, поэтому и заставил Испанию уступить ему Луизиану, этот роскошный праздничный пирог, да вот роток на этот пирог оказался маловат: откусить откусил, а проглотить силенок не хватило, потому и продал его за сущие копейки — по три су за акр. А Штаты не хотели, не хотели, а потом хапнули кусок в два раза больше, чем они сами, и не поперхнулись. Боюсь, у них от такой удачи только аппетит разгорится, и начнут у Испании оттяпывать ломтик за ломтиком, вплоть до Тихого океана. Это ж такой соблазн — развернуть страну аж на два теплых океана! Не то что у России — кругом сплошные льды и снега, болота да тайга!

— Испания, Ваше Величество, там и сопротивляться не сможет, — вставил Булдаков. — Позвольте мне процитировать слова из письма покойного камергера Резанова, коего вы, государь, посылали с особой миссией в те края? — Император согласно кивнул, и Михаил Матвеевич выхватил из папки лист бумаги. — Вот что он писал: «Гишпанцы весьма слабы в краю сем, и ежели б в 1798 году, когда гишпанскому двору война объявлена была, находилась компания наша в соответственных занятиях ее силам, то легко бы частью Калифорнии по тридцать первый градус северной широты до миссии Санта-Барбара воспользоваться можно было и навсегда за собою удержать лоскут сей потому, что из Мексики по самому положению природы никакой бы помощи сухим путем подать им не можно. Гишпанцы при

всей плодородной почве земли сей не пользуются ею ни мало, а подались к северу только для того, чтобы далее обеспечить границы свои...» И вот еще, Ваше Величество, писано им уже по возвращении из Калифорнии: «Были бы люди и способы, то без всяких важных для казны пожертвований весь этот край навсегда России упрочится может... Ежели б ранее мыслило правительство о сей части света, ежели б уважало ее как должно, ежели б непрерывно следовало прозорливым видам Петра Великого... то утвердительно сказать можно, что Новая Калифорния никогда бы не была гишпанскою принадлежностью, ибо с 1760 года только обратили они внимание свое и предприимчивостью одних миссионеров сей лучший кряж земли навсегда себе упрочили».

— Весьма, весьма патриотично, — заметил Румянцев. — Но что было, то прошло...

— Пройти-то прошло, ваше сиятельство, однако именно прошлое нас учит прежних ошибок не делать, на те же грабли не наступать. Баранов сегодня пишет: солдат у испанцев мало, а местное население их не поддерживает.

— Вот как? Да, в этом что-то есть, — задумчиво произнес граф, — что-то есть...

— Между прочим, испанский король и мне предлагал обменять Калифорнию, Колорадо и оставшиеся части Нью-Мексико и Техаса на два новых линейных корабля, — вдруг произнес император и внушительно посмотрел на министра.

Тот не замедлил откликнуться:

— И что вы решили, государь? — И оглянулся на Булдакова, поймав в глазах председателя отчаянную надежду. Однако ответ Александра Павловича принес ему полное разочарование.

— Меня смутила неравнозначность обмена. Появилось ощущение какого-то подвоха. Возьмут и заявят на весь мир, что Россия вынудила Испанию. Зачем нам с ними ссориться? Корабли мы им и так можем продать.

— А мы и не будем ссориться. — Глаза графа блеснули хитрецей. — В конституции Соединенных Штатов нет положения о приобретении новых территорий, а Конгресс, тем не менее, санкционировал президенту Джефферсону покупку Луизианы. У нас же ни конституции нет, ни Конгресса — все в ваших руках, Ваше

Величество, но даже и вам не придется объясняться с Испанией, потому что приобретать земли будет частная компания и защищать их от чьих-либо поползновений будет тоже она. Вон английская Ост-Индская компания покупает и захватывает земли — в той же Индии, — ведет свои войны, и никто пикнуть не смеет против самой Англии. Вам же, государь, нужно сделать лишь несколько распоряжений, причем секретных, по предложениям господина Булдакова...

— Меня смущает пункт об увеличении количества россиян в Русской Америке, — поразмыслив, сказал Александр Павлович. — В отношении ссыльнопоселенцев возражений нет, можно и каторжан туда отправить, а вот «свободные добровольцы» — это кто такие?

— Осмелюсь заметить, Ваше Величество, — подался вперед Михаил Матвеевич, — каторжан туда нельзя ни в коем разе: они же убийцы и разбойники, креста на них нету, сразу же испортят наши отношения с аборигенами, да и попросту сбегут. Нам это надо?

Император в очередной раз остановился у окна, сложил руки на груди и пожевал губами.

— Пожалуй, вы правы. Каторжан отставим. А «свободные добровольцы»?

— Это люди среднего сословия, государь, — купцы, мещане, ремесленники, вольные хлебопашцы...

— А ну как все побегут в Америку?

— Все не побегут, государь. Дорога длинная, тяжелая, пешком не пройдешь, на колесах да по воде — денежки нужны. А денежки подъемные может дать одна лишь наша Компания — так что мы будем брать только тех, кто там пригодится.

— Помнится, батюшка говорил, что ему что-то подобное провидец Авель советовал, да он поостерегся, отложил на будущее. Возможно, это будущее уже подошло... Кстати, о денежках, — оживился император. — Вы, Булдаков, полагаете, что в России найдется много желающих купить облигации вашего банка?

— Опыт европейских банков показывает, Ваше Величество, что желающих будет много. Мы выпустим облигации разного достоинства, чтобы всяк, имеющий хотя бы полтину свободных денег, мог обзавестись облигацией, чтобы получить свой процент.

Чистое белое лицо императора омрачилось.

– Вы собираетесь оплачивать проценты по облигациям из прибылей Компании? А как же акционеры? Они потеряют свои дивиденды!

– Что вы, Ваше Величество! Как можно! Если вы утвердите наши предложения, это позволит значительно увеличить прибыли Компании — и по добыче пушнины, и по сохранению ее, и по прямой торговле. Мы сможем остановить хищническое уничтожение морского зверя, которого становится все меньше и меньше. Все меры вкупе принесут двести, а то и триста процентов к тому, что имеем сегодня, и часть этих средств, причем не сразу, а года через два-три, можно будет пустить на выплаты по облигациям...

– Ну, хорошо, хорошо, я понял, — раздражаясь от обилия экономических подробностей, остановил Михаила Матвеевича император. — Что вам еще нужно помимо уже сказанного? Ведь вам наверняка что-то нужно еще?

– Им нужно то, чего они не смогут сами произвести в тех краях, — ответил за Булдакова граф Румянцев. — По крайней мере, пока не могут. В первую очередь оружие: пушки, ружья, пистолеты, ну и, разумеется, порох, ядра, свинец для пуль. Далее — станки и инструменты: пилы там, топоры всякие разные... Железо, стекло... Это надо доставлять отсюда на кораблях.

– Да, — подхватил глава Компании, — наши кругосветники, Крузенштерн и Лисянский, доставили кое-что необходимое, спасибо им!

– Это нам с графом спасибо, — брюзгливо сказал Александр Павлович. — Это мы оплатили их кругосветное плавание: я — «Надежду» Крузенштерна, а граф Румянцев — «Неву» Лисянского.

– Разумеется, Ваше Величество, разумеется, огромное вам спасибо, — заторопился Булдаков. — Но ведь и Компания не осталась в стороне...

– Хорошо, не будем считать. Я принимаю ваши предложения. — Император сел за стол, подтянул к себе кожаную папку с бумагами и начал подписывать.

– Простите, Ваше Величество, еще одна маленькая просьба... — остановил его Булдаков.

– Ну что еще?!

– Соблаговолите поставить завтрашнее число — четвертое сентября.

– Это еще зачем?

– Да, действительно? — заинтересовался и Румянцев.

– Я верю в нумерологию, Ваше Величество. Сумма цифр завтрашнего числа даст «пятерку», а она в нашем предприятии приносит удачу. Ваш батюшка подписал высочайший указ о создании Компании восьмого июля тысяча семьсот девяносто девятого года — по нумерологии также «пятерка» — потому и Компания процвела.

– Вот как?! — удивился император. — Весьма, весьма любопытно. Граф, может быть, и наши действия согласовывать с нумерологией? А что там сулит «пятерка»? — обратился он к Михаилу Матвеевичу.

– Она умеет хорошо управлять, очень находчива в извлечении максимальной пользы из любого начинания и быстро приспособливается к переменам. Как раз то, Ваше Величество, о чем мы сегодня говорим.

– Превосходно! — Император вернулся к бумагам. — Разрешаю: строить корабли, приобретать территории... охраняйте их сами... выпускать облигации, принимать свободных добровольцев и ссыльнопоселенцев — за ваш счет. Доставка всего необходимого в Америку — тоже за ваш счет, без ущемления интересов акционеров. При максимальной секретности. В случае чего — отвечает Компания, мы и Россия — ни при чем. Да, и постарайтесь развивать производство всего необходимого там, у себя, чтобы не гонять с железом и стеклом корабли вокруг света. Они нам и тут нужны: война не за горами.

Александр Павлович начертал последнее распоряжение в левом верхнем углу бумаги, поставил дату — «4 сентября 1810 года» — и расписался с замысловатым росчерком в конце имени. Он и предположить не мог, что эта дата и этот росчерк явятся серьезнейшим вкладом в изменение судьбы империи, а вместе с тем — и всей планеты Земля.

Глава 12

Лето 1812 года

Козырь жадно вглядывался в еще далекую, но медленно и упорно вырастающую из океана землю. Под лучами вечернего солнца она розовато сияла зубчатой снежной грядой. Горы, снова горы! На всем месячном пути от Якутска до Охотска — сплошные горы с тайгой и верховыми болотами, на Камчатке, вообще, вулканы, и тут, по всей видимости, придется лазать по горам. За семь лет забайкальской каторги они до остервенения прискучили уроженцу равнинной Мещеры, а как еще прискучат за десять лет поселения в этой неведомой Русской Америке — одному Господу Богу ведомо. Конечно, на море жизнь тоже не тульский пряник и не родимый мещерский мед, полтора месяца качаться как на качелях — врагу не пожелаешь, однако волны морские совсем не то что каменные, они — живые, и этим все сказано.

Кто знает, может быть, оставаться на поселении в Сибири спокойнее, но в Америке обещана свобода — хоть и не воля вольная, а что-нибудь да значит. Впрочем, никто твоего желания — оставаться или нет — и не спрашивал, ну так это в России-матушке завсегда, это без претензий.

– Ну, чё, Антоха, плетем лапти, а? — жаркодохнул в ухо неслышно подошедший корефан-каторжанин Емелька Пугач. — Мерика энта, гряд, огромная, есть где разгуляться, душу потешить, держи ее за ноги.

– Расея тож не островок на Шилке, а не больно-т разгуляеся. Поживем, однако, поглядим, — отозвался Козырь, не оборачиваясь.

С Емелькой Антоха все годы кайлил руду на нерчинских серебряных рудниках, успел вызнать его нутро, и нутро это ему не нравилось. Пугач был жилист, силен, кайло в его ручищах казалось огородной цапкой — так и плясало, отваливая глыбы породы, а души у него, похоже, не было вовсе. И не в том дело, что Пугач попал на каторгу за убийство, — Козырь загремел кандалами тоже не за кражу

баранки, — а в том, чем было убийство для самого Емельки. Антоха убил сына старосты за то, что тот ссильничал девицу, можно сказать, почти невесту Козыря, да и то, получилось вроде бы случайно: кулак у Антохи пуцай невелик, но бьет что твоя кувалда. Попал по виску, насильник — кувырк и больше не встал, и Антоха о том никому после не сказывал — совестился чего-то. А Пугач измолотил по какому-то пустяку приказчика в лавке, да так измолотил, что у того вместо лица получилось кровавое месиво, и Емелька вспоминал об этом частенько, всякий раз с довольным прихотыванием. Коробило Козыря то, что, по словам Емельки, приказчик против него был мелковат и слаб, и выходило, что в этом для убивца был особый «скус». «Скус» он, по всему видать, находил в самом убиении. Однажды — это случилось на второй год каторги Антохи — к ним в барак каким-то ветром занесло котенка, и звереныш имел несчастье замочить облезлый и рваный башмак Пугача. Емелька ухватил виновника за хвост и какое-то время раскачивал пищащий извивающийся комочек перед своими глазами — наверно, придумывал казнь.

– Пусти котейку, — громко сказал Антоха. Остальные бывшие в бараке каторжане — их было около десятка — промолчали: боялись Емелькиных пудовых кулаков.

Пугач на Козыря даже не глянул; взял двумя заскорузлыми пальцами животинку поперек тельца — котенок сразу притих, повис безвольно, а Козырь понял, что через мгновение безжалостные пальцы сдавят хрупкие косточки, и котенка не будет, и вдруг увидел его глаза, круглые, большие и напитанные такой смертной тоской, что заорал отчаянно:

– Отпусти, сволочь! — И рванулся, чтобы успеть... остановить...

Не успел, не остановил. Пугач отступил, хохотнул своим «скусным» хохотком и выставил навстречу Антохе сломившееся пополам безжизненное тельце.

Козырь, шагнув вперед, легким движением левой кисти отбросил в сторону руку с невинной жертвой, а правой врезал своей «кувалдой» в переносицу Емельки, точно промеж больших зеленых глаз, сверкавших сквозь рыжие заросли.

Пугач устоял, но хруст сломанного носа услышали все каторжане, тут же приснувшие в разные стороны. По рыжим волосам спелой брусникой разлетелись красные брызги.

– Ах ты... — взревел Емелька и длинными руками сгреб Антоху.

И пошла кулачная потеха. Один на один, с кровавыми соплями во все стороны, ссадинами, синяками, хряпами табуреток по спине и по башке, ну и прочими удовольствиями. Жаль, на шум скоренько примчались надзиратели и прикладами разогнали поединщиков по углам — жаль, потому что те ни одного глаза и даже ни единого зуба не выбили. Как так умудрились — никто уразуметь не смог, а напрямки спросить — кому ж охота рисковать своим носом, скулой или ухом? Тем паче, что после вечерней баланды Пугач подсел к Антохе и негромко сказал:

– За котейку винюсь, уж больно накипело за все про все. А нам с тобой ишшо вместиах долгонько горе горевать, так что не держи зла, Козырь. Забудем. Лады?

Антоха заглянул в его колючие глаза и понял: ничего-то он, Пугач, не забудет. Но, может, худой мир все-таки лучше доброй драки?

– Лады, — буркнул в ответ и отвернулся.

– Вот и славно, будем корефанами, — рыкнул Емелька. — А кулаки твои, даст Бог, ишшо пригодятся.

Антоха принял это как намек и все годы держался настороже, не поворачиваясь спиной к «корефану», однако, справедливости ради, тот ни разу не дал повода для тревоги. А вот сейчас, в виду приближающегося американского берега, удалые Емелькины слова царапнули душу Антохи, но не опасением, а острой надеждой на обретение долгожданной свободы. Да, конечно, надо будет пожить, осмотреться, что к чему, и уж потом на что-то решаться. Беспокоило лишь одно — не хотелось, чтобы его, Антохина, воля шла бок о бок с Емелькиной. Как ни крути, не пара они, не пара!

Ну да ладно, чего гадать раньше времени: жизнь — штука умная, сама все расставит по нужным местам.

Александр Андреевич лучился довольством. Еще бы не лучиться: после указов императора о создании общероссийского акционерного банка и отправке за океан ссыльнопоселенцев, после воистину судьбоносного решения о свободе выезда в колонию предприимчивых россиян, многие из которых получали в Компании подъемные (невеликие, но крайне нужные при российских-то расстояниях). Русская Америка медленно, но верно оживала. Заметно прибавилось

денег, с каждым судном из Охотска прибывали люди, да и судов стало больше — новые верфи в Якутате и на Кадьяке, да и старая в Ново-Архангельске, работали в полную силу: плотников-корабелов теперь хватало, и платили им не меньше, чем в Англии.

И самое главное: на верфи в Ново-Архангельске заложили военный фрегат «Святой Николай» (в память о погибшей шхуне) — первенец Тихоокеанской флотилии, а может быть, и целого флота. Часть снаряжения для него доставил шлюп «Нева», вторично пришедший из Кронштадта. Пять лет назад, будучи под командованием лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, его экипаж помог в битве российских промышленных с восставшими на Ситке тлинкитами, а теперь, уже с новым командиром, капитан-лейтенантом Леонтием Андриановичем Гагемейстером, на его борту прибыли пушки разного калибра, порох, ядра и зажигательные снаряды. Конечно, и ружья, и пистолеты — как без них! Ну, и многое другое, для жизни необходимое, — листовое железо, стекло, пеньковые канаты, парусина и, конечно, провизия.

Александр Андреевич догадывался, даже был уверен, что немалую роль в таком улучшении положения колонии сыграли письма покойного Резанова председателю правления Булдакову, отправленные камергером еще из Ново-Архангельска перед своим отплытием. Знал Николай Петрович, что не доедет до столицы — ему о том поведал шаман тлинкитский, — потому и спешил высказать свое мнение о судьбе Аляски и всего российского Крайнего Востока. А судьба их — как провидел истинный русский патриот Резанов — может быть исторической и даже великой только лишь в том случае, если император и правительство предпримут решительные шаги по освоению новых земель.

Вот они и предприняли.

Александр Андреевич оглядывал мысленно, что же теперь вершится на подведомственной ему территории, радовался и удивлялся. И думал: сколько же противников пришлось одолеть Его Величеству, прежде чем он открыл путь будущим свершениям своим высочайшим росчерком. Кое-кто из тех противников — просто злопыхатели, которым плохо все российское и хорошо все западное, в первую очередь английское, а кто-то искренне считает, что нечего хапать новые земли, когда вся Сибирь необозримая не заселена и не

освоена русскими людьми. Ведь богатств в ней — прорва, уж никак не меньше, чем в Америке. И, по-своему, конечно, правы они, эти искренние, да только нет в Сибири океана теплого, нет земли плодородной. Аляска — да, та же Сибирь промерзлая, ну, может, чуток потеплее, зато земли, что южнее... Вот те же Булыгин с Таракановым основали форт Александровский — как хорошо! А Иван Александрович Кусков договорился с индейцами купить кусок побережья неподалеку от залива Румянцева — еще лучше! Жаль, не получилось с женитьбой камергера на дочке коменданта Сан-Франциско (Александр Андреевич вздохнул, вспомнив, как со слезой писал Кончите Аргуэльо о смерти ее жениха, как отправлял скорбную бумагу с Кусковым) — а то, глядишь, перехватил бы Николай Петрович бразды правления у испанцев и стал российским наместником в Калифорнии. У него могло получиться. Но — ничего, и без Резанова справимся. Курочка по зернышку клюет. Сейчас главное — закрепляться, защищаться и постараться не дать штатовским американцам прорваться к океану. Судя по тому, как лихо, за сущие копейки, эти новые республиканцы оттяпали территорию, которая больше их собственного государства — и у кого оттяпали-то?! Не у диких индейцев, а у самого Наполеона Бонапарта, перед которым склонилась вся Европа! — так вот, судя по одному этому, можно, не заглядывая в далекое будущее, предположить, что следующими будут Орегон, Техас и Калифорния. И что из этого следует? А следует то, что надо срочнейшим образом создавать свое войско — отряды волонтеров и призывать в их ряды русских офицеров, не понаслышке знающих ратное дело. А кроме того — договариваться и с индейцами, и с испанцами. С первыми, как предложили Булыгин и Тараканов, о союзе племен и, может быть, о своем государстве. (Слышал Александр Андреевич о такой попытке какого-то индейского вождя. Что-то у него начало получаться, да не по нутру это оказалось Соединенным Штатам — разгромили они Индейскую Конфедерацию.) А вот со вторыми — куда сложнее! Не случайно во всех испанских колониях — Мексике, Колумбии, Перу, Ла-Плате начались бунты и крестьянские волнения — пример тех же Соединенных Штатов заразителен, местные испанцы и метисы (а их, говорят, большинство) уже не хотят подчиняться короне, и если им вовремя помочь, хотя бы той же Мексике...

У Александра Андреевича дух захватило от взгляда в бездну будущего — так оно манило и притягивало. Он зажмурился и перекрестился: не о том думаешь, не о том, руки, дорогуша, коротки, седьмой десяток идет, а сколько сил, сколько лет эти прожекты потребуют? То-то и оно, не на тебя они рассчитаны, так что уйми свои мыслишки каверзные и займись делами насущными.

Александр Андреевич глубоко вздохнул и открыл глаза — перед ним сидел Тимофей Тараканов. И когда, спрашивается, вошел?! Баранов аж потом волнительным pokrылся, а Тимофей так внимательно смотрит и участливо спрашивает:

– Ты чего, Ляксандр Андреич, скукожился? Заболел, ли чё ли?

– Да ничего я не заболел! — вдруг вспыхнул правитель. — А ты чего приперся?

– Да сам назначил, поди. Обговорить хотели, кого на Гавайи брать.

– А-а, ну да, ну да, — покивал Баранов. — Извини, Тараканыч, я тут задумался, а ты вдруг возник. Только что никого не было, а глаза открыл — ты сидишь. Как не скукожиться? — И засмеялся мелким, уже со старческой дребезжинкой, смехом.

Тараканов поддержал, и с минуту они смеялись, глядя друг на друга.

– Я вот спросить хочу, Ляксандр Андреич, — вытерев смешливые слезы, посерьезнел Тараканов. — Чё тебя на Гавайи-то потащило? Мало, ли чё ли, нам забот в Америке? Бостонцы энти американские так и шныряют, в кореша набиваются, а сами людишек индейских подначивают, чтоб они, значит, супротив нас были. Ладно, Ютрамаки и Маковаян все понимают и нашу сторону держат, однако им помочь требуется. И Булыгину с Кусковым тож. Они же полегоньку-потихоньку берега-то к рукам прибирают. Понятно, индейцы по морю не Бог весть какие ходоки, а нам-то — в самый раз. Кусочек за кусочком — зараз и сложатся русский Горегон да русская Калифорния, от моря и до гор. За горами ж — индейские земли, они нам, как тобою сказано, без надобности. Но ты ж еще и на Гавайи спешишь...

Баранов движением руки остановил рассуждения байдарщика.

– Все-то верно ты говоришь, Тараканыч, однако тороплюсь я неспроста — хочу земли за столбить за Россией, сколь возможно, чтоб тому, кто после меня сюда придет, легче было. Ивану Александровичу

в Россе и Булыгину помощь пошлем: народу, слава Богу, прибывает, Леонтий Андреевич снаряжение воинское доставил — так что можем теперь американским трапперам укорот дать. Вот офицерами бы еще разжиться, только чем их сюда заманить...

— А знаешь, Ляксандр Андреич, что в мою башку залетело? — Баранов с интересом воззрился на байдарщика. Тот взлохматил свою буйную шевелюру и ухмыльнулся. — Слышал я, в столице училище ратное имеется — вот послать бы туда наших робят подходящих учиться, на компанейский кошт. Будут у нас свои офицера. И заманивать никого не придется. Жалко, мой Алешка еще малек, а то бы тут же благословил...

Баранов с минуту сидел молча, склоняя голову то на один бок, то на другой — разглядывал Тараканова, будто видел его впервые. Тимофей Никитич даже заерзал от неудобства:

— Ну, и чё ты во мне вызрил, а? Чё я, глупь какую, ли чё ли, сморозил?

— Вот сколько лет уже знаю тебя, Тараканыч, а не перестаю удивляться, откуда у крепостного мужика — ой, прости, у бывшего крепостного: еще не привык, что ты теперь человек свободный, — так вот, откуда у тебя ум столь государственный? — Александр Андреевич в подтверждение своих слов даже привстал и руками развел. — Ну, порадовал ты меня, ой, порадовал! И как мне-то, старому, это в голову не пришло? — Правитель вышел из-за стола и заходил кругами по комнате. — Ведь сам Антипатра в столицу отправлял, гордыню свою лелеял, что офицером вернется, а про других не подумал. Да мы ж, дорогуша, не только на офицеров пошлем учиться — нам учителя нужны, инженеры, архитекторы, мастеровые корабельные и пушечные, рудознатцы ученые. Ведь государь и задачу нам поставил — не только корабли строить, но и все необходимое самим производить. А для этого руды надобно искать, пески для стекла, глины для кирпича. — Баранов обнял Тараканова за плечи, потискал. — Города будем ставить, Тараканыч! Города!! Как светлой памяти князь Потемкин. Теперь-то, когда у нас и денег стало много больше, спасибо Михал Матвеичу, и людишки к нам потекли, можем себе позволить, о чем прежде и помыслить было боязно. Потому и отправляю тебя на Гавайи на переговоры с королем тамошним. Выяснить надобно, что мы у них купить можем, что они у нас. Им, конечно, рухлядь мягкая ни к чему

— они там, поди, нагишом ходят, но, может, уголь потребен? Мы, вон, копи на Кадьяке заложили. А может, медь красная? Заводик-то наш медеплавильный работает, и неплохо... Хорошо бы, конечно, земельки на Гавайях прикупить да факторию поставить, а там и хозяйство развернуть — Аляску провизией снабжать. Край ихний небось благодатней, чем Калифорния. Я бы и сам туда не прочь — косточки погреть...

Тимофей Никитич слушал многословные излияния главного правителя, а сам думал: стар становится Андреич, допрежь одни инструкции так подолгу-то выговаривал, а теперь в мечтания ударился. Хотя... чем мужичья старость определяется? А? Ляксандру Андреичу седьмой десяток идет, а его дочуре Иринушке шесть годков, а Катюшке и того меньше — всего-то третий. Да и сыну Антипатру — дали ж парню имечко! — лишь пятнадцать. Андреич теперь потомственный дворянин, потому сына в Морское училище определил. И неважно, что сын — полурусский-полуалеут. Впрочем, почему полурусский? По батюшке — так вполне русский. Вон у Филиппа Кашеварова, которого Андреич за его знания поставил учителем еще в самой первой школе, от новой жены-алеутки тоже сынок народился, в честь правителя, а может, и в честь императора, Александром нареченный, — так он что, полурусский, ли чё ли?

Задумавшись, Тимофей пропустил момент, когда правитель перешел от мечтательных рассуждений к инструкциям. Очнулся, когда Баранов торкнул его в бок:

— Ты чего, Тараканыч, заснул, что ли? Кого, спрашиваю, с собой возьмешь?

— Кого, кого! Известно, кого. Партовщиков своих — Зырянова Касьяна, Кулакова Парфена, Овчинникова Козьму... Ну и всё, пожалуй!

— Маловато. У тебя ж больше было?

— А остатних Булыгин отпросил, ему нужнее.

— Значит, надо новых набрать.

— А для ча, Андреич? Сам говоришь, на переговоры едем. Не промышлять, не воевать...

— Ну, во-первых, слышал небось, что гавайцы с Куком учинили? А во-вторых, бостонцы там с британцами шастают, как бы пакость какую не устроили.

– Про Кука сказку слышать доводилось. Так ты в нее веришь, ли чё ли? Ежели б его взаправду съели, бостонцы и протчие от Гаваев шарахались бы, как от чумы.

– Или перебили всех каннибалов... Но ты все ж таки посмотри среди новоприбывших, отбери себе десяток да Булыгину с Кусковым по полутора десятков надобно. Ты ж будешь заходить и в Александровскую крепость, и в Росс. Я Ютрамаки помощь обещал, он союз свой индейский укрепляет. Представляешь, сто миль береговой полосы подарил Компании... ну, не совсем, конечно, подарил — повезешь своему тестюшке два десятка ружей и пару фальконетов трехфунтовых. Николай Исакович еще два форта собирается заложить — вот и их снаряжать потребно!

– На чем пойдем? И с кем? Опять с бостонцем, ли чё ли?

– Пойдете на «Ильмене» с Водсвортом. — Заметив недовольную гримасу Тараканова, Баранов вздохнул: — Ну, что поделать, Тараканыч? Нет у нас пока своих капитанов. Со дня на день жду «Юнону» из Петропавловска. Антипатр должен прибыть на морскую практику.

– Да ну-у! Вот уж радость так радость отцу-матушке! Слушай, Андреич, а ты отправь его со мной, на той же «Ильмене»? Будет у меня свой надзиратель за этим хитрецом Водсвортом.

– Анна! — крикнул Александр Андреевич. — Мать, выдь сюда!

В кабинет правителя вплыла жена, индеанка из племени танаина. Когда-то, как помнил Тараканов, она была аманаткой-воспитанницей, стройной красавицей. Баранов окрестил ее, выучил русскому языку, русской грамоте и как-то само собой девушка стала его женой. Русская-то его «половина», Матрена, в девичестве Маркова, не поехала в Америку, осталась в Каргополе со своими кровными детьми Аполлоном и Афанасией (общих детей у супругов не было), а Александр Андреевич был еще в крепкой мужской силе, вот и не устоял. Анна Григорьевна двоих, Антипатра и Ирину, родила ему вне церковного брака, отец их усыновил, а когда Матрена умерла, правитель обвенчался с Анной, и они заимели еще одну дочь, Екатерину. За 17 лет семейной жизни Анна Григорьевна располнела, однако и к 40 годам сохранила гордую индейскую красоту.

Тараканов залюбовался ее статью. Вот и Алена моя такой же будет, с удовольствием подумалось ему.

– Чего изволите, батюшка Александр Андреич? — нараспев спросила Анна Григорьевна.

– Вот Тимофей Никитыч предлагает Антипатра с ним отправить, на «Ильмене». Что ты об этом скажешь, мать?

– А пуцай, — ответствовала мать. — Тимофей Никитыч плохому не научит. Антипатр не токмо морскому делу подучится, но и хозяйственному. Глядишь, потом правителем, как отец его, станет.

– Ну, ступай, ступай... — чуть смутившись, отправил жену Баранов и уже вслед ей сказал: — Ишь ты — правителем!

– А чего! — поддержал Анну Григорьевну Тараканов. — Считай, смена подросла!

Баранов покраснел от удовольствия.

– Да какая там смена! Вот гардемарина получит, тогда и подумаем, где пригодится. А смену, коль надо будет, мне Главное правление пришлет — хорошо бы не бюрократа записного, а радетеля дел наших. Только откуда ж они там, в столицах, возьмутся?

И такая тоска в этих словах послышалась Тимофею Никитичу, что ему зябко стало, дрожь пробежала промеж лопаток.

Трудненько правителю приходится — хозяйство-то растет, думал Тараканов, шагая к казарме, где размещали новоприбывших с Большой земли, как недавно стали называть российские берега, в отличие от материковой Америки, называемой русскими Матерой землей. Казарму построили неподалеку от портовых причалов и верфи, на стапеле которой возвышался остов строящегося фрегата. Устройством новожилов занимались приказчики Управления Русской Америки, выбранные Барановым из россиян и грамотных аборигенов, показавших свои способности. Один он уже давно не справлялся, потому и расширял Управление. Создавал отделения: первым делом, конечно, промысловое и торговое, потом строительное — жилищное и корабельное, совсем новое — рудознатное, ну и основу основ — отделение народного образования, потому как главный правитель убежденно считал: неграмотный человек ни в каком деле ничего хорошего сотворить не сумеет. Школы он старался открывать в каждом поселении; учеников было много, вслед за отпрысками русских и смешанных семей своих детей в учебу стали отдавать алеуты, эскимосы-инуиты и, наконец, колоши-тлинкиты и индейцы из других

племен. Учились вместе мальчики и девочки, и вторые частенько оказывались успешнее первых. Не случайно старшенькая у Филиппа Кашеварова дочка только-только закончила школу, и сама уже стала учить.

Поначалу учителей, понятное дело, не хватало: даже кто мог, не хотел этим заниматься — с детьми очень уж хлопотно, а жалованье — такое смешное, что плакать хочется, как говаривал сам правитель. А вот когда дело пошло по новым императорским указам, деньги хорошие появились, а за ними и учителя, тут не только школы — задумал Александр Андреевич училище открыть, чтобы ребят постарше, ну и взрослых, кто пожелает, обучать наинужнейшим профессиям. Это же проще (и дешевле!), чем по российским весям выискивать мастеров подходящих да за тыщи верст их заманивать.

— Будут у нас, товарищи, свои города, о чем мечтал наш отец-основатель Григорий Иванович, — вещал подчиненным продолжатель дела Шелихова, — а главным обязательно будет город, нареченный его именем.

Будет, все будет, думал Тимофей Никитич, вспоминая давнишние чаепития с Александром Андреевичем в его дощатой хибарке, мало тогда похожей на жильё главного правителя Компании, а фактически — губернатора огромной колонии. Это теперь у него двухэтажный дом в середине крепости, оцетинившейся двумя десятками пушек разного калибра, а в пору первого, до мятежа колошей, заселения Ситки Баранов о себе совершенно не заботился, отдавая все время и силы благоустройству русских колонистов. Так вот, за теми чаепитиями мечтал Андреич о телегах паровых — это после рассказа Тараканова про столичного учителя физики в доме барина Переверзева, то бишь про Ивана Кулибина, который не только яркий фонарь придумал и змея воздушного, но и телегу паровую самоходную. Мечтал Ляксандр Андреич, как построит на Аляске дороги хорошие, как побегут по ним телеги эти — и людей повезут, и грузы всякие... Тимофей Никитич, вспомнив, даже засмеялся и головой покрутил: энто, как Емеля на печи, ли чё ли? Сказка! Самая что ни на есть волшебная!

Людей Тимофей Никитич подбирал старательно, все что можно о них выведывал, всю, так сказать, подноготную. А как же иначе? Небось не один год придется с ними бок о бок жить, и Бог ведает, в

какие передряги попадать — потому и знать надо, чего от них ожидать. Конечно, человек настежь раскрывается чаще всего в безвыходном состоянии, а не в разговорах о жите-бытье, но тут уж чем богаты...

С Большой земли прибыли ссыльнопоселенцы. Пятьдесят восемь душ — сорок пять мужиков и тринадцать женщин. Хмурые, малоразговорчивые, открывались они неохотно, да и любопытствием не отличались, за исключением, пожалуй, трех-четырех человек. Эти сами выпрашивали, где будут жить, чем заниматься, да какие тут дикари, да можно ли с ними ладить... Понравились Тараканову двое — Антон Козырев, двадцатилетний кудрявый крепыш с ясными голубыми глазами, и двадцатидвухлетний Емельян Епифанцев, весь — что голова, что борода — заросший рыжим волосом. Они были настолько разные, что Тимофей Никитич сам себе не смог бы ответить, что их объединило в его уме. Однако это случилось, и он решил, что возьмет обоих с собой на Гавайи. И очень удивился, когда Емельян решительно отказался отправиться на острова.

— Чё так? Там зимы нет, море теплое, фрукты-ягоды сами в рот падают. В рай не хошь, ли чё ли?

— Рай — энто не про меня, — ухмыльнулся Епифанцев, но ухмылка даже краем не выглянула из рыжих зарослей. — Скушно в раю, держи его за ногу. Да и острова опеть жа — тоись землицы маловато, а я по Матерой погулять хочу. Йэхх!..

Даже сидя, Емельян развернул плечи так, что стал шире чуть ли не вдвое. Тараканов, сам силушкой не обиженный, лишь головой покачал.

— Крепок ты, брат! — И вдруг оживился: — Слышь-ко, ты вот четыре годочка руду кайлил, а сам-то в рудах кумекаешь? Серебряную, к примеру, найти могёшь?

— Я и железную могу, и медную. И золотишко — в россыпи.

— Так тебе ж одна дорога — в рудознатцы! — обрадовался Тимофей Никитич. — Правитель зараз отделение рудознатное открыл, мастеров ищет.

— О как! — заржал Емельян. — На ловца и зверь бежит, держи его за ногу. А игде их искать, руды-то?

— Дак на самой Аляске.

— А тута, што ль, не Аляска?

– Ну, до Аляски отсель тыщи полторы верст и все к северу. — Емельян крутанул головой и передернул плечами, будто внезапно озябнув. — Да ты холода, ли чё ли, боисся? — засмеялся Тараканов. — А, сибиряк? В Сибири-т морозы покруче аляскинских.

– Не сибиряк я, — угрюмо сказал Емельян. — Коломенский. А бояться мне неча, токо в Нерчинске нахлебался холоду, ажно в грудях клёкотно.

– Вона чё! Тады вдругорядь зову: айда со мной на Гаваи. Полежишь на солнышке, грудя погреешь. Найдешь себе милаху чернозадую — душу потешишь.

– С милахами мы теперича токо и могём — душу тешить, — горько хохотнул Емельян. — Каторга рудничная, она силу мужескую вынает.

– Совсем, ли чё ли?! — ахнул Тараканов.

– Напрочь!

Посидели, помолчали, оба темны лицом. Потом Тараканова озарило: вспомнил он, как после свадебного ритуала с Аленой, тогда еще Эйлен, что означало «Ясная» или «Счастье», шаман племени мака заставил его выпить плошку терпкого питья (для мужской силы и крепости, пояснил толмач), и Тимофей в первую ночь испытал прямо-таки сказочную сладость, да и в последующие — тоже, и так — до самой весны.

– Слухай сюда, Омельян, — зашепшил он. — У Алены, бабы моей, отец и брат — вожди индейские, и есть в ихнем племени знахарь-шаман Вэмигванид, это по-индейски «Украшенный перьями» значит, он, и верно, весь в перьях, с головы до пяток. Так это чудо в перьях знает, как возвернуть мужику его силу, вот истинный крест, не вру — сам пробовал. Надо те со мной плыть — до форта Александровского уж точно, а там — как Бог даст. Ну, чё скажешь?

У Емельяна глаза так и сверкнули зеленым огнем, будто рысь глянула сквозь рыжие заросли, однако язык он попридержал, не сразу выдал слово сокровенное. Помолчал малость, а после молвил:

– А скажу я, Тимофей Никитыч, так: ежели тот знахарь, держи его за ногу, вернет мне силушку прежнюю, я всех девок на твоих Хаваях схаваяю, а тебе служить буду верой и правдой. Вот те крест! — И Емельян истово перекрестился.

– Ну и договорились, — засмеялся Тараканов. — А касаемо рудознательства...

– Есть рудознатец, — перебил Емельян. — Лучшей меня! Я-то так... чё углядел, чё услышал... а он мастеров выспрашивал, книжки ихние смотрел...

– И кто ж он, такой ученый? — с усмешкой спросил Тараканов.

– Дак корефан мой, Антоха Козырь, держи его за ногу. Вот его и отправляйте на Аляску. Ему там самое место.

– Значит, вот ты какой. — Главный правитель с удовольствием оглядел складную фигуру Антохи, даже кругом обошел для полного обозрения. Антоха повел плечами под армяком, поправил кушак. — Рудознатец, значит...

– Дак, барин... какой я рудознатец? Больше — рудолуб. Ндравятся мне камешки разные, мастер горный минералами их называл, в книжке показывал — я и запомнил. Память-то у меня дюже добрая!

– Вот и замечательно, что минералы нравятся. Ты садись, Антон... как твоего батюшку-то зовут? Захаром? Садись, Антон Захарович, чайку попьем, потолкуем.

Антоха посмотрел на главного правителя ошалелыми глазами — никто его никогда Захаровичем не кликал — и осторожно присел на край табурета. Правитель сам налил ему в белую чашку крепкой китайской заварки, добавил кипятку из самовара, стоявшего на высоком столике в углу кабинета, подал чуть ли не с поклоном, еще больше смутив вчерашнего каторжника. Пододвинул глиняную плошку с поджаристыми баранками и стеклянную с колотым сахаром: угощайся, мил друг, не стесняйся. Налил и себе и уселся напротив; кинул в рот кусочек сласти, отхлебнул душистого напитка и причмокнул: ах, хорошо!

Антоха бережно взял чашку за крутое ушко, вдохнул вьющийся над ней легкий парок и невольно прикрыл глаза от удовольствия ласкающим запахом. На каторге пили кирпичный чай, заваривая его до цвета, да и вкуса, дегтя; после кружки такого «напитка» перед глазами все плыло и перекашивалось, в голове что-то весело шумело, и жизнь не казалась убийственно тяжелой и унылой. От чая, предложенного правителем, веяло летней деревней, любимым временем сенокоса,

когда луговые травы, улегшиеся в ровные валки, чуть-чуть подвялены жарким солнцем и источают еще не загустевшую духмянь...

— Понимаешь, Антон Захарович, — говорил между тем главный правитель, — очень нам здесь нужны рудознатцы. Я уверен, что земли тут богаты разными рудами и минералами, золото уж точно имеется, я сам его видел в украшениях индейских женщин, потому надо искать и искать. Однако, паче того, требуются угли хорошие, руды железные, медные, оловянные и свинцовые. Не гоже нам все через моря-океаны везти, когда можем сами добыть... Найдем руды, заводы поставим... Кстати, глины для кирпича и для посуды нужны, пески для стекла... Не зверя же бить без конца и краю — перебьем, а дальше что? Не-ет, надо все самим изготавливать, что человеку для жизни потребно, — и дома ставить, и корабли строить, и пушки отливать... — Он замолчал, всматриваясь во что-то поверх головы Антохи, — тот даже оглянулся с интересом, правда, ничего не углядел, кроме бревенчатой стены с торчащим из пазов сухим мхом, но по какому-то наитию догадался, что правитель словно видит наяву все то, о чем сейчас говорит.

А еще дошло до Антохи, какой воз хочет на него взвалить правитель, дошло и не на шутку испугало — а ну как не потянет? Да уж точно — не потянет: на все про все никаких знаний не хватит. Уж по крайней мере его, Антохиных, знаний.

Антоха решительно отставил чашку:

— Благодарствуем, барин, однако ж тебе нужён не я, а кой-то пошире умом-разумом...

— Не торопись, Антон Захарович, — остановил его правитель. — Я же не говорю, что все враз вынь да положь. Поначалу людей подберем, экспедицию составим... не под твоим началом, конечно, ты в ней рудознатцем-обследователем будешь, а начальствовать я поставлю человека, коему земли наши знаемы, в географии сведущего. И обследовать надобно не токмо полезные ископаемые, но и флору нашу, травы, цветы, для лекарского дела пригодные...

— Я такого и вовсе не знаю, — испугался Антоха. — Мне б с минералами разобраться...

— Не бойся, — засмеялся правитель. — Есть у меня для флоры лекарь-аптекарь. Немец, Георг Шеффер. У нас его Егором Николаичем кличут. Плавал на корабле, да был списан на берег из-за нрава своего буйного. Чем тут без дела болтаться, пусть в экспедиции послужит.

Нрав свой поумерит, да и пользу какую-то принесет. Ты грамоту знаешь?

– На каторге обучился — и чтению, и письму. Были тамока грамотеи.

– Ишь, чем каторга-то для тебя обернулась, — усмехнулся правитель.

– Чем?

– Светом знаний, вот чем. Ну так как, принимаешь мое предложение?

– А мне передвигаться-то можно? Я ж на поселении, под полицейским надзором должён быть...

– Да какой, к дьяволу, полицейский надзор! — не сдержался правитель. — У меня и полиции нет, и нужды в ней нет! Пока нет, — поправился он. — Народ прибывает, а известно: народу больше — порядка меньше. Со временем и полицейское управление появится, но до этого пока далеко. Так что передвигайся на здоровье. У нас тут в один конец — тыща верст, в другой — почти две тыщи, есть где разгуляться. И работы для вашей экспедиции — невпроворот! Пока закончите — ученым-геологом станешь. Глядишь, и Америку нашу Русскую и себя, имя свое, на весь мир прославишь. Но главное, Антоша, — об Отечестве надобно печься. Мы — об нем, оно — об нас, заедино мы любые горы своротим! Так-то, сынок!

Глава 13

Осень 1812 года

Вигвамы горели ярко и малодымно. Как хорошо сложенные из сушняка костры. Запах обугленных шкур бизонов, служивших им покрытием, доносился ветром до форта Александровского, принявшего в свои стены жителей деревни. Индейцы — в основном мака — были захвачены врасплох и бежали в русскую крепость-факторию, не сумев прихватить даже одеял. Только воины, во главе с Маковаяном, отступили без паники, стараясь прикрыть стариков, женщин и детей. Теперь все они теснились под бревенчатой стеной казармы, которая служила неплохой защитой от пуль, прилетавших с вершины холма, — там окопался большой отряд американских рейнджеров. Они свалились на голову, как снег в июле: до ближайшей территории США было несколько сот верст, и вообще, никто не ожидал появления тут, на побережье, хорошо вооруженного противника.

Комендант форта Булыгин, пригласив на военный совет в свой дом вождей индейцев и помощников, Прохора Жилиякова и Филиппа Котельникова, первым делом повинулся: не предусмотрел, мол, при закладке крепости, что холм, с вершины которого хорошо просматривалась внутренность форта, может когда-нибудь оказаться в руках врага. А теперь рейнджеры посадили там стрелков, которые легко выцеливают неосторожных, особенно индейских ребятишек — двоих, вон, уже подстрелили. Правда, атаковать форт, по всему виду, не собираются: все запасы индейцев достались им, можно долго жировать, а русским и аборигенам податься некуда.

Так он решил после осмотра позиций.

– Что будем делать, уважаемые? — обратился Николай Исакович к Ютрамаки и Маковаяну. Первый стал верховным вождем союза племен, а его сын возглавил родное племя. Булыгин уже довольно свободно изъяснялся на языке мака, поэтому обходился без помощи жены. Вожди, кстати, тоже научились понимать русский язык. — И вы

пораскиньте мозгами, — добавил он по-русски Жилякову и Котельникову. — Вопрос жизни и смерти. Всем надо крепко подумать.

— Хорошо бы узнать, откуда и зачем они тут появились, — как бы размышляя вслух, протянул Филипп Котельников. Бывшему юнге уже исполнилось двадцать два, он подросток, раздался в плечах, женился на индейке и успел родить мальчонку; наверное, поэтому стал рассудительным и обстоятельным, так что комендант с легким сердцем приблизил его к себе. Вот и сейчас Котельников явно собрался под обсуждение подвести прочную основу. — Ведь мы знаем, по индейским сведениям, что Штаты начали войну с британцами, у них каждый солдат на счету. А тут их не меньше сотни.

— Ну и что? — скептически отозвался Жиляков. — Это, можа, артель трапперов.

— Ага, артель! Артелью, Прохор, лучше баржу тянуть, а не белку али куницу бить, — съязвил Филипп. — И штуцера у них не на пушного зверя — ишь как пуляют!

Как раз в этот момент в раскрытое по случаю жары окно влетела очередная пуля, хлестко щелкнув в листовенничное бревно стены. Видимо, рейнджеру-стрелку на холме показалось, что кто-то промелькнул внутри комнаты. А может, просто напомнил русским: мол, не больно-то разгуливайте; конечно, все под Богом ходят, а вы еще и под прицелом.

— Ну а ежели узнаем, что им потребно, то и решим, как дальше быть, — продолжил рассуждение Котельников. — То ли подождать, пока потешатся да уйдут, то ли вдарить из фальконетов да пойти в рукопашную.

— Фальконетов у нас всего два и зарядов к ним всего-ничего — по десятку на ствол, так что вряд ли получим нужный эффект, — возразил Булыгин. — А над рукопашной стоит подумать. У нас тридцать бойцов да у Маковаяна больше полусотни... может получиться...

— Но сначала нужен пленный, — упрямо говорил Филипп. — Так ведь, уважаемые вожди? — обратился он к сосредоточенно молчавшим индейцам.

Маковаян переглянулся с отцом, тот чуть заметно кивнул, и молодой вождь мака заговорил:

— На нас напали не охотники за пушным зверем, не трапперы. Но это и не солдаты. Их кто-то послал специально на нашу землю.

Пленный нужен, от него мы узнаем, кто хочет нас убить. Пленного возьмут мои воины, сегодня ночью. Отец считает, что пришельцы хотят разорить факторию и прогнать русских. Надо сражаться. Я пошлю гонцов за воинами якима и квилеутами, они придут завтра к вечеру. Все вместе мы победим любого врага.

Булыгин вкратце перевел помощникам речь Маковаяна и продолжил по-русски:

– Это очень верно ты сказал: вместе мы победим любого. Русские в больших войнах так и побеждают — всем миром. Эта война маленькая, но она может стать большой, если сюда придут солдаты. Чтобы их не пустить на ваши земли, надо собирать все племена в единый союз...

Как бы в ответ на слова коменданта издали прилетел негромкий хлопок, вслед за тем нарастающий свист, в окне мелькнула дымная тень, и на листовничных плахах пола закрутился, разбрасывая искры, черный шар... небольшой... размером с ядро шестифунтового фальконета...

– Граната! — вскрикнул узнавший его Булыгин. — Ложись!!

Русские рухнули, как подкошенные, индейцы же остались сидеть: они, видимо, не поняли, что произошло.

– Щас рванет!!! — Жилияков, привстав, попытался сдернуть гостей с лавки, но у него не получилось. — Сгибнете, черти!!!

Краем глаза он засек взметнувшееся рядом тело и в следующее мгновение уже полным взглядом увидел подброшенного взрывом Филиппа Котельникова.

Несколько бомб, выпущенных рейнджерами, разнесли в щепки большой кусок ограды форта — частокол из заостренных сверху бревен. Граната, убившая бывшего юнгу, была одной из двух, попавших в дома (вторая выбила межоконный простенок в казарме). Никто больше не пострадал, однако гарнизонные стрелки поспешно заняли места у бойниц на башнях и по обе стороны пролома — на случай атаки, но рейнджеры не выказывали такого стремления. Шум и гам, поднявшиеся с началом обстрела, постепенно затихли, даже напуганные дети перестали плакать, успокоенные матерями-индеанками.

Наступила тишина.

Из комендантского дома четыре человека вынесли завернутое в лоскутное одеяло тело Филиппа Котельникова и под прикрытием частотола быстрым шагом, почти бегом, направились в часовню, возведенную недавно возле надворотной башни. Часовню именно в этом месте поставили по настоянию монаха отца Гавриила, прибывшего из Ново-Архангельска в форт Александровский для пастырского и апостольского служения. Теперь отец Гавриил должен был отпеть первого покойного, по злой шутке судьбы самого молодого в гарнизоне.

Тело бывшего юнги, крепко запеленутое в парусину (из кокона была видна лишь голова, не пострадавшая при взрыве), уложили в том же одеяле на простой деревянный стол посередине часовни. Отец Гавриил воспротивился было просьбе коменданта отпеть погибшего по-быстрому:

– Не по-православному сие. Отпевать надобно усопшего, во гробе возлежащим, на третий день после преставления. Только магометане хоронят сразу после смерти до заката солнца, — но с холма прилетели еще две бомбы, взорвавшиеся посреди двора крепости, и он согласился.

Туда же, в часовню, препроводили жену Филиппа, индеанку из племени якима, нареченную при крещении Марфой. Она пришла с грудным младенцем на руках, встала в изголовье мужа и за весь обряд отпевания не подала голоса и не проронила слезинки: не в обычаях индейцев оплакивать погибших воинов, а Филипп погиб как воин, спасая вождей.

Вожди еще до начала обряда отдали ему честь, преклонив колена у стола, на котором лежал Котельников, а потом стояли в изножье, гордо подняв головы и устремив взгляды в неведомое, где обитал Великий Дух. Там уже, по их понятиям, обреталась душа покойного.

В часовню набилось много индейцев. Они видели, как вожди почтили русского, и последовали их примеру. А после христианского обряда отпевания завели свою песню, похожую на морской прибой и завывание ветра. Кто-то, несмотря на тесноту, начал под нее ритмически двигаться, к нему присоединились другие, окружая стол с покойным, и вскоре немногие русские, стоявшие теперь в стороне, воочию могли видеть индейский ритуал проводов воина в загробный мир.

Булыгин думал, что отец Гавриил воспротивится проведению в христианской часовне языческого обряда, однако пастырь сказал, что Великий Дух индейцев — тот же единый Бог, только под другим именем, а разница в служении ему не имеет особого значения, и надо уважать иноплеменные обычаи.

— Однако, батюшка, вы рискуете, — покачал головой Николай Исакович. — Священный Синод вряд ли одобрит ваши действия.

— Семь бед — один ответ. Не исключаю сие, — остро посмотрел ему в глаза отец Гавриил, — однако ж в том лишь случае, ежели кто-либо злоумышленно донесет на меня, грешного. — И снова сверкнул молодыми, несмотря на седую бороду, очами.

— Ну, что вы, батюшка, — смутился комендант. — Все же делается ради добрых отношений с аборигенами. Здесь невозможно жить по канонам Большой земли. Я заставил вас отпевать раньше времени, вы позволили языческий ритуал в христианском храме...

— Сын мой, вам, полагаю, неведомо, сколько языческого сохранилось в христианстве. Бог, как я уже сказал, един, и церковь, принимая в свое лоно новообращенных, соглашается с некоторыми их обычаями, заради их душевного спокойствия. Валаамские старцы в своем апостольском служении свято следовали этому неписаному правилу. Будем следовать и мы, уповая на всемилостивейшего нашего Господа. — Отец Гавриил широко перекрестился.

— Аминь, — сказал Булыгин и тоже осенил себя крестным знаменем.

Глава 14

Вечер того же дня

Рейнджеры обложили крепость, но не атаковали, а изредка постреливали из двуствольных ружей и фальконетов — у них было пять шестифунтовых, установленных на колесные лафеты. Чего-то ждали. Чего именно, вернее кого, выяснилось, когда индейцы сделали ночную вылазку и приволокли пленного — молодого нахального парня в кожаной куртке, украшенной цветной бахромой из полосок кожи. Когда у него изо рта вынули тряпичную затычку, рейнджер начал ругаться и угрожать свирепыми карами, если его не отпустят и не сложат оружие. Особенно распинался в отношении индейцев, обзывая их самыми грязными словами из английского языка.

Присутствовавший при этом Джон Вильямс хотел было перевести эту брань на язык мака, которому научился от своей жены-индеанки, однако Ютрамаки жестом остановил его и взглянул в глаза пленного столь пронзительно, что тот споткнулся, проглотив полслова, и замолчал.

И тогда заговорил вождь:

– Джон, перескажи этому бледнолицему все, что услышишь от меня. — Вильямс кивнул. Ютрамаки повернулся к пленному. — Ты, один из койотов, пришедших под покровом тьмы и разоривших наши вигвамы, знай, что мы с вами поступим как с койотами — уничтожим всех до единого. К вам даже никто не захочет прикоснуться, чтобы совершить «ку»^[19]. Но тебе обещаем жизнь, если ты ответишь на все вопросы.

– Да пошли вы!.. — заорал рейнджер, выслушав перевод. — Ничего отвечать не буду. Мы с вас шкуры сдерем и развесим на деревьях для просушки. А потом продадим, по пятьсот долларов за штуку. Вот так, скунсы вонючие!

Он сидел на грубо сколоченном табурете со связанными за спиной руками, орал и тряс кудлатой головой. Булыгин, Жилияков и вожди со

своим толмачом, расположившись за столом напротив, молча ждали, пока он выговорится.

– Мои товарищи хватятся меня и пойдут в атаку, но сначала перемешают бомбами это пристанище красных тараканов. Вот-вот подойдет отряд мистера Томпсона с пушками и снарядами — ой, что тут буде-е-т! — Рейнджер захохотал, брызгая слюной, задергался и упал с табурета.

Прохор Жиляков и Маковаян подняли его и усадили. Рейнджер тяжело дышал широко открытым ртом, закатывал глаза.

– Слушай внимательно, бледнолицый, — спокойно сказал Ютрамаки. — Люди наших племен никогда не снимают скальп с человека, но для тебя сделаем исключение. С тебя снимем. С живого.

По мгновенно расширившимся зрачкам пленного Булыгин понял, что американец поверил и не на шутку испугался.

– Поэтому тебе лучше все рассказать, — по-прежнему спокойно закончил Ютрамаки.

– Ладно, спрашивайте, — хрипло сказал пленный.

Рейнджер — его звали Джек Брэдли — рассказал все что знал.

Отряд добровольцев был собран по объявлению Дэвида Томпсона, одного из директоров Северо-Западной пушной компании («Помнишь срубленный столбик? — торкнул в бок Прохора Булыгин. — Надпись на табличке?») Жиляков согласно кивнул.) для подтверждения права компании на территорию квилеутов. Рейнджеры получили отличные ружья Мортимера, фальконеты на колесных лафетах и количество снаряжения, достаточное для похода на восемьсот миль. В это время началась война с Англией, как сказал Томпсон — Вторая война за независимость. Довольно малочисленной американской армии нужны были солдаты, и, чтобы не привлекать лишнего внимания военных комиссаров, Томпсон разделил отряд на две группы, выходящие с разницей в неделю. Первая группа сожгла по пути несколько индейских деревень, когда внезапно наткнулась на русскую крепость, и теперь рейнджеры ждали прибытия второй группы, чтобы совместными усилиями стереть форт с лица земли.

– Ишь ты — стереть! — язвительно сказал Булыгин, когда Джека Брэдли увели в погреб, поскольку иного арестантского помещения в крепости не было.

Съзвять-то съзвиль, а положение выходило аховое. С приходом Томпсона отряд будет насчитывать около ста двадцати неплохих стрелков при десятке фальконетов против тридцати пяти российских подданных, вооруженных устаревшими ружьями, да сотни индейцев, в руках которых были луки, ножи и томагавки. Правда, владели они своим легким оружием мастерски, а несколько человек уже умели пользоваться огнестрелом, и Булыгин был готов выделить им ружья из небольшого арсенала — да вот поможет ли это, ежели Брэдли сказал правду, и рейнджеры сначала перепашут бомбами весь форт, а уж потом пойдут добивать то, что останется?

— Морская Птица, — сказал Ютрамаки, обращаясь к коменданту (он стал его так называть, когда впервые увидел парусник и узнал, что русский вождь командовал таким же), — я пошлю Маковаяна собрать воинов из разоренных селений, чтобы мы ударили по койотам с двух сторон. Только обещай мне, что все ружья, которые мы захватим у врагов, получат наши люди. У бледнолицых — война, им не до нас. Самое время начать создавать империю Орегон. Ты мне поможешь?

— Обещаю. — Николай Исакович ответил сразу и про ружья, и про империю. Твердо ответил, как представитель Компании. Еще минуту назад в его душе клубилась тихая паника, вызванная сведениями, полученными от Джека, а сейчас, после спокойных слов верховного вождя, слов, не только вселяющих веру в победу над рейнджерами, но и приоткрывающих будущее, в котором немалая роль должна принадлежать русским, то будущее, о коем он сам несколько лет назад вещал Ютрамаки, комендант ощутил в себе силу, позволяющую говорить твердо и решительно.

Империю Орегон, которой суждено отрезать «штатных» американцев от Тихого океана, — неужели из мечтательного миража она сможет превратиться в реальное, дружественное России, государство?

Глава 15

На другой день

– Да там никак драка, Никитыч! — Пугач смотрел в подзорную трубу на медленно приближающийся берег. — Однако нешутейная, держи меня за ноги! Дым, огонь, ажно форта не видать.

Заглянув в первый раз в глазок подзорной трубы, Емелька так восхитился волшебством уменьшения расстояний, что весь морской путь до Орегона почти не выпускал ее из рук, разглядывая далекую тонкую полоску берега — «Ильмена» шла, постоянно имея в виду береговую линию, — и сообщая об увиденном всем, кто оказывался поблизости. Когда Тараканов сказал, что на траверсе должен появиться форт Александровский, Пугач устремленно начал рыскать «волшебным оком» по горизонту и первым заметил подозрительные облачка, а затем и язычки пламени.

– Ну-тко, дай! — Тимофей почти вырвал трубку из цепких пальцев Епифанцева, глянул в нее и выдохнул: — Твою ммать! То ж американы! Откуль взялись?! А?! — Еще вгляделся: — Флаг, точно, ихний! — Оторвался от трубы, сунул ее ничего не понимающему Пугачу. — Омельян, поднимай на палубу всех наших! Баб не трогай. Я — на мостик! — И устремился на ют.

«Всех наших» — это почти семь десятков парней и мужиков, переселенцев и ссыльнопоселенцев — Емельян выгнал на палубу за несколько минут. В это время Тараканов на мостике разговаривал, надо сказать, порою весьма горячо, с капитаном, бостонским шкипером Уильямом Водсвортом. Разговор велся, естественно, на английском: бостонцы и высокомерные подданные короля Георга Четвертого считали ниже своего достоинства говорить на каком-либо другом языке. Стоявший тут же практикант Антипатр Баранов при необходимости подсказывал дядьке Тимофею нужные английские слова. Но это мало помогало.

– Нет, Тим, нет и нет! — горячился Водсворт, плечистый широколицый мореман в капитанской треуголке. Порыв ветра

разлохматил его русую «шкиперскую» бороду, задул в рот и ноздри дым крепчайшего трубочного табака, отчего Уильям закашлялся до слез.

Тараканов и Антипатр терпеливо выжидали. Епифанцев сунулся было доложить о выполнении задания, но Тимофей придержал его движением руки.

Наконец шкипер успокоил кашель, вытер слезы концом огромного фулярового платка, повязанного вокруг загорелой до черноты шеи, пыхнул трубкой и заявил:

– Я не буду высаживать десант. Тим, пойми: там дерутся мои сограждане, а ты выступишь против них. Я не должен тебе помогать! Не имею права!

– Я-то тебя понимаю, а ты меня — нет! Ты вот сказал «сограждане», а там горят дома моих товарищей, которые подожгли они. Это они сюда пришли разбойничать и убивать. Они — бандиты, и ты как честный человек не должен им помогать...

– Я и не помогаю. Просто мы пройдем мимо и направимся в Калифорнию, а потом — на Гавайи. Рулевой! Пять румбов к зюйду! Курс — зюйд-ост-тень-зюйд!^[20]

– Есть курс зюйд-ост-тень-зюйд! — откликнулся матрос на штурвале и крутанул колесо вправо.

Бушприт так резво повело на юг, что кое-кто из собравшихся на шканцах не устоял на ногах.

– Омельян! — крикнул Тимофей по-русски. — Верни курс на место и поставь на руль Антипатра! — И подтолкнул юношу: — Давай-давай становись!

Епифанцев с удивительной при его медвежести ловкостью метнулся к рулевому. Водсворт зачарованно смотрел, как рыжий русский, смахивающий на берсерка, только что без боевого топора, легким движением отодвинул штурвального, возвратил рулевое колесо в прежнее положение и аккуратно поставил у руля юного практиканта.

– Калифорния и Гавай подождут, — мотнул головой Тимофей. — Мы нужны здесь, Булыгину.

– Ты хочешь поднять бунт на корабле? — очнувшись, удивился Водсворт. — А знаешь, что полагается бунтовщикам по морским законам? Я прикажу вздернуть тебя на рее, и любой суд меня оправдает.

– Ты забываешь, что начальник экспедиции я, а ты просто нанят, зафрахтован. — Тараканов с трудом произнес неудобное для русского человека слово. Вообще, по-английски он говорил куда правильнее, чем на родном языке, но вот все эти «сограждане», «экспедиция» и тому подобные инословия выговаривались так, будто в рот внезапно набивалась каша. Каждый раз, одолев возникшее препятствие, Тимофей Никитич отводил душу заковыристым русским матом, но сейчас было не до того: он заметил спешащих к мостику матросов во главе со старшим помощником шкипера Беном Грантом. — Прикажи своим людям готовить шлюпки и не смейте мешать мне!

Водсворт открыл рот, чтобы возразить, но взглянул в бешеные глаза русского и, махнув рукой, приказал Гранту приготовить шлюпки к спуску на воду.

Тем временем берег приближался, уже явственно доносились щелканье ружейной пальбы и рявканье пушечных выстрелов. Тимофей повернулся к своей команде:

– Слушайте все! Там, — он показал рукой на ползущие вдоль берега дымы, — там наши товарищи насмерть дерутся с бандитами, и мы должны им помочь. Все, кто умеет стрелять, получают ружья, остальные будут драться саблями.

– А ежели кто не хочет драться? — послышался одинокий голос.

Глаза Тимофея мгновенно выцепили в толпе худощекого мужичка в армяке.

– Ты, — рука Тимофея устремилась теперь на него, — заруби себе на носу: ты не хочешь помочь сегодня, завтра никто не поможет тебе.

– Да я ничё... — заюлил мужичок, — я к тому, што никто нам на Ситке про драку смертную не сказывал...

– А никто и мир со спокойем не обещал, держи меня за ноги, — неожиданно рыкнул на него Пугач, который по-прежнему обретался возле Антипатра: помогал ему с курсом. — Понял, шелупонь косоротая?

Толпа загоготала: рот у миролюбя, и верно, был косоват.

– Да понял я, понял... — заспешил мужичок. — Как все, так и я, чё уж тут...

– Вот и ладненько, — заключил Тараканов и начал командовать: — Огородников, Кулаков, раздайте оружие. Зырянов,

Квасников, Расторгуев — к фальконетам! Флаг полосатый видите? Там у них пушки — вдарьте гранатами, когда подойдем на выстрел.

И все закрутилось.

Заметив корабль под американским флагом (Баранов на Ситке настаивал на российском, но Водсворт тогда категорически отказался), рейнджеры даже и не подумали по нему стрелять; поэтому «Ильмена» спокойно вошла в устье реки, спустила шлюпки и отправила первую партию десанта. Спыхватились они, когда три шестифунтовых фальконета ударили с борта по холму, и картечные гранаты взорвались на их собственной батарее. Залп для рейнджеров оказался ужасающим: картечь выкосила почти всех артиллеристов. Он вызвал смятение среди атакующих крепость и восторженное «ура!» среди осажденных, которые крепко приуныли при виде американского флага на корме входящего в устье реки судна.

— Мы уверились, что наша песенка спета, — рассказывал позже Булыгин, поминутно трогая забинтованную голову, — и я готов был приказать сложить оружие, чтобы не плодить лишних жертв. А тут — нате вам! — бомбы, взрывы, и американцы покатались назад... Отлично придумано с флагом, Тимофей Никитыч!

— Да с флагом-то мы как раз ничё не придумывали, — хохотнул Тараканов. — Само получилось. Водсворт ваще хотел мимо пройтись, пришлось постращать его арестом.

— Ну и правильно! Нечего им потакать! Деньги платим — пусть дело делают, и свое место знают. — Булыгин сказал это сердито, но тут же разулыбался: — А десант твой в драке хорош: сразу видно — не случайно кандалами гремели. Особенно этот рыжий леший... как его?..

— Омельян Епифанцев, а свои кличут — Емелька Пугач.

— Пугачева, значит, поминают? — ощерился Булыгин. — Ну-ну...

Десант дрался, конечно, неумело, не по-военному, но самозабвенно. И не столько прикладами и штыками да саблями, сколько кулаками. Бывшие каторжане явно истосковались по размаху и удали, по бою «стенка на стенку», смертельная схватка превратилась для них в кулачную «потеху», коей издревле славилась Русь, и они дали волю годами истязаемой душе. Американцы никак не ожидали такой веселой ярости в глазах «этих бешеных русских»; их пренебрежение к оружию рождало в сердцах завзятых охотников

невольный ужас, а ужас быстро превращался в панику. Рейнджеры сначала отступали, но потом кто-то побежал, а кто-то поднимал руки, бросая ружья, эти замечательные двустволки, один ствол у которых был гладкий, а второй — нарезной, позволяющий прицельно бить за пятьсот шагов, эти дорогушие Мортимеры, стоившие несколько шкур морского бобра. Индейцы преследовали бегущих и добивали тех, кто не сдавался, а индейские скво собирали брошенное оружие — так им приказал вождь Ютрамаки.

Гонцы Маковаяна, кстати, не успели привести воинов из разграбленных селений: рейнджеры, как и говорил Джек Брэдли, ринулись добивать форт, не дожидаясь прихода отряда Дэвида Томпсона — просто из желания немедленно выручить товарища и воздать «по заслугам» его похитителям. И, не появившись «Ильмена», им бы это вполне удалось.

Теперь союзным силам — русским и индейцам — предстояло устроить ловушку приближающемуся отряду. Конечно, его может предупредить кто-нибудь из рейнджеров, сумевших уцелеть и убежать — а такие наверняка были, — и Томпсон решит уйти от греха подальше, но вожди считали, что враг должен быть уничтожен в любом случае.

— Иначе они вернутся большим войском и убьют нас, — категорически заявил Маковаян. Ютрамаки легкими кивками подтверждал слова сына. — Так уже было там, на восходе. Наши братья — делавары, сиу, семинолы, могоканы и многие другие, — победив и прогнав бледнолицых, успокаивались, а бледнолицые собирали новые силы, возвращались и убивали всех. Не только воинов, но и стариков, скво и детей. Всех!

Антипатр, знавший от матери индейские языки, зачарованно слушал вождя. Его горбоносое лицо не скрывало гнева, черные глаза сверкали, а плечистая не по годам фигура была напряжена, в ней бурлила готовность сорваться и мчаться, куда укажет седовласый предводитель. Тараканов видел, что юношу возмущает видимое бездействие русских командиров — особенно коменданта форта Булыгина, и только воспитанное морским училищем почтение субординации удерживает его от безрассудства.

А Булыгин — и это тоже было заметно без подзорной трубы — несказанно радовался нежданному финалу сражения. Да и как не

радоваться, когда почти на исходе безнадежной схватки вдруг, словно по мановению Божьей руки, все меняется, и только что торжествовавший враг бежит и просит пощады? Он слушал вождя, но вряд ли вникал в смысл тревожащих слов. Правда, в глазах проскальзывала озабоченность, однако Тимофею казалось, что это была озабоченность иного рода — не командирская, а хозяйская: комендант, похоже, уже прикидывал, во что обойдется восстановление порушенных стен и строений крепости. Это — его главная забота на ближайшее время. Тимофей не осуждал его, но вспомнил, с каким мальчишечьим задором Николай Исакович всего четыре года назад расписывал Ютрамаки возможности союза индейских племен, как помогал объединению мака, квилеутов и якима — теперь это был совсем другой человек. Счастливая семья (Анна Петровна родила ему двоих сыновей), достаточно спокойное и сытное житье начальника крепости и фактории, опять же обеспеченное тем самым союзом, благодущие, пышно расцветшее в тихонравных условиях, — что еще нужно человеку, явно склонному к блаженному ничегонеделанию. Лишь смертельная опасность заставила его вынырнуть из тихого омуты и что-то предпринимать, но стоило ей отступить — как он с радостью (вот она, причина радости!) начал снова погружаться в прежнее состояние. И это сильно тревожило Тимофея Никитича. Теперь он понимал, почему шкипер после кораблекрушения легко отказался от командования и почему потом, когда явная опасность миновала, потребовал его обратно; почему при первой возможности постарался избавиться от байдарщика и партовщиков, хотя Тараканов никоим образом не вмешивался в его начальственные дела, — для Николая Исаковича казалось невыносимым присутствие рядом неподчиненного ему, уверенного в себе человека; почему, наконец, он своей властью определил место крепости не на холме, а в низине — лишь бы вопреки мнению тех же партовщиков, поднаторевших в строительстве таких острожков.

— Ну, что же вы молчите?! — не выдержал Антипатр, обращаясь сразу и к Булыгину, и к Тараканову. — Маковаян ведь правильно говорит, дядька Тимофей!

— Я не молчу, я кумекаю, — откликнулся начальник экспедиции. — А кумекаю я, что допрежь всего надо дождаться

гонцов. Мы не знаем, скоко воинов они приведут, а без того как ловушку устраивать?

– Что сказал мой названный сын Тимофей? — спросил недостаточно хорошо понимающий русский Ютрамаки.

Антипатр перевел. Ютрамаки кивнул:

– Наши братья близко. Вечером будут здесь. Маковаян устроит ловушку. Кто поведет русских воинов?

Вопрос был неслучайный: офицер у русских один — Булыгин, но он плохо подходил для военного командования; остальные — люди сугубо штатские, то бишь гражданские, для них сражаться худо-бедно куда ни шло, но вот командовать... С собой Тимофей Никитич рисковать не мог: он должен был выполнить поручение Баранова — договориться с королем Гавайев о торговле, а главное — о снабжении Русской Америки продовольствием, и заменить его на этом поприще некому.

А что, если...

– Ютрамаки, — обратился Тимофей к вождю, — ты своими глазами видел, как сражаются русские воины. Кто, по-твоему, может быть командиром?

Вождь подумал, потом важно кивнул:

– Огненноглавый Бизон.

Тараканов сразу понял, о ком речь: Емелька Пугач, то бишь Епифанцев. Он, и верно, дрался с таким радостным остервенением, работая не только мощными кулаками (саблю он потерял в самом начале боя), но явно и головой: Тараканов видел в подзорную трубу, как бывший каторжанин призвал к себе ближайших десантников, и они клином врезались в ряды рейнджеров, внося сумятицу и панику, затем вырвались на вершину холма, и Емелька лично свалил шест с американским звездно-полосатым флагом.

– Значит, ставим Епифанцева? Так, ли чё ли, Исакыч? — Тимофей спросил, блюдя субординацию, хотя сейчас никоим образом не подлежал власти коменданта. Просто: в военном деле последнее слово за командиром военным.

Булыгин отвлекся от своих отнюдь не военных размышлений и машинально кивнул. Потом спохватился:

– Так он же ссыльнопоселенец, каторжанин?! Возьмет и сбежит.

– Не сбежит, — усмехнулся Тараканов. — Он на привязи. Ютрамаки, скажи: жив ли шаман Вэмигванид?

– Жив, — кратко ответил вождь. — Он тебе нужен?

– Он нужен Огненноглавому Бизону.

– Я думал, ты хочешь узнать у него о своей скво и сыне, — как бы ненароком обронил Ютрамаки, и черные глаза его хитро блеснули из-под седых бровей.

– А чё, он чёй-то знат, ли чё ли? — взволновался Тимофей, уже месяц как расставшийся с семьей. Он сильно скучал по Алене, а еще больше — по Алешке.

– Не знает, так сейчас же может узнать, — бесстрастно сообщил вождь. — Его дух летает быстрее любой птицы. Удар бубна — он там, другой удар — он уже здесь.

– Так пошли к нему, — заспешил Тараканов. — И Бизона прихватим, я его на «Ильмену» послал, за порохом.

Его устремленность оборвал Антипатр, как-то незаметно исчезнувший из комнаты, а сейчас ворвавшийся в нее с криком:

– «Ильмена» уходит!

– Как уходит? Почему уходит?! — Тараканов и Булыгин бросились к окнам, выходящим на океан, и увидели: да, действительно, шхуна, подняв паруса, выходит из реки в океан.

– Вот ведь гад бостонец! — выругался в сердцах Тимофей Никитич. — И догнать его не на чем.

– Это он за своих мстит, — вздохнул Антипатр. — А мы теперь тут застряем. Не видать нам ни Калифорнии, ни Гавайев.

Булыгин ничего не сказал, пожал плечами и вернулся за стол, к Ютрамаки, который не пошевелился и ничем не выразил своего отношения к переполоху. Да от него и не требовалось.

Тараканов взял с полки у окна подзорную трубу, навел ее на мостик «Ильмены» и ахнул:

– Омельян! Гляньте, робяты, чего Пугач там вытворяет. Ай да богатырь!

А Пугач, и верно, «вытворял».

Он был в пороховом погребе — так называли кладовую в трюме, где стояли бочонки с порохом, лежали в ящиках картузы, бомбы и гранаты, предназначенные для Александровского и Росса, — когда

загрохотала якорная цепь, накручиваемая на шпиль. Емелька почувал неладное и выскочил на палубу.

Шхуна уже отошла от временного причала, вечерний бриз наполнил паруса и плавно повлек ее к выходу в океан. Матросы тянули шкоты, шкипер Водсворт попыхивал трубкой на мостике. Увидев Пугача, он поперхнулся и закашлялся: видимо, никак не ожидал обнаружить на борту самого отчаянного десантника, еще недавно громившего напропалую его соотечественников.

Пугач вихрем взлетел на шканцы, легким шлепком отшвырнул рулевого от штурвала и крутанул колесо, разворачивая шхуну бортом поперек течения реки.

Паруса потеряли ветер и заполоскали. Матросы бросили свою работу и, обратившись к мостику, ждали, что будет дальше.

Емельян продолжал крутить колесо штурвала, пытаясь полностью развернуть шхуну носом к удаляющемуся причалу. По берегу бежали десантники, кричали, стреляли. У кого-то из них на борту остались жены и даже дети.

– Ты что делаешь, сукин сын?! — прокашлявшись, красный, как фуляровый платок на его толстой шее, заорал по-английски Водсворт. — Эй, парни, взять его и посадить под замок в канатный ящик! — «Канатный ящик» он специально произнес по-русски, чтобы этот Russian scam^[21] понял, что его ждет: все на судне знали, что за провинности капитан сажает членов экипажа в эту тесную и вонючую от смоленых канатов клетушку.

Матросы ринулись на шканцы, облепили Пугача. Тот тяжело ворочался, стараясь сбросить с себя нападающих и в то же время не выпустить ручки штурвала. Но справиться и с тем, и с другим даже ему было не под силу, а течение уже вынесло шхуну в океан. Оказаться в канатном ящике Елифанцеву не хотелось ни под каким видом. Ничего не зная о работорговле, он нутром почувал, что этот ящик пахнет для него новой каторгой. И, как бы в подтверждение догадки, его начали вязать веревкой.

Емельян взревел, как медведь, поднятый из берлоги, крутанулся, разбрасывая матросов и выпутываясь из веревки, и шкипер ойкнуть не успел, как оказался с русским лицом к лицу, схваченный, как говорится, за грудки. В огненно-рыжих зарослях прорезалась зубастая щель рта.

– Прикажи возвратиться взад, сволочь! — прорычал Пугач. — Убью!

Водсворт замотал головой, не зная русского языка, но Емелька понял его по-своему:

– Ну, тады пеняй на себя, сука. Кровью умоешься, держи меня за ноги! — Одним рывком он оторвал Водсворта от палубы и, шагнув к фальшборту, швырнул шкипера в накативший пенистый вал. Обернулся к оцепеневшей команде: — И вам не жить, коли не вернетесь...

Пистолетный выстрел не дал ему договорить. Пуля развернула Пугача спиной к фальшборту, он пошатнулся; в этот момент волна резко опустила шхуну, и Емельян Епифанцев рухнул за борт вниз головой.

– Спасать капитана! — приказал старший помощник шкипера Бен Грант, пряча за пояс пистолет. — А всех пассажиров — в шлюпку, пусть сами добираются. Шевелитесь, ублюдки!

Водсворта выловил один из матросов. Обвязавшись веревкой вокруг пояса, он прыгнул в воду и сумел разглядеть красное пятно фулярового платка шкипера, ускользавшее в глубину. Возвращаясь на поверхность, матрос столкнулся с медленно погружавшимся русским «медведем» и не удержался от мелкой мести за разбитый в свалке нос — пырнул безжизненное тело ножом, что висел в чехле у него на поясе, и, удовлетворенный, быстро выгреб наверх, волоча за воротник своего шкипера.

Знал бы этот безымянный матрос о последствиях своего подлого по отношению к незащитному человеку поступка, он бы, может, сто раз подумал — надо ли так делать?! Но, скорее всего, даже если бы знал, не поверил бы...

Глава 16

1814 год

Четвертый президент Соединенных Штатов Америки Джеймс Мэдисон пребывал в ярости и отчаянии. Да и было от чего. Он и государственный секретарь Джеймс Монро только что объехали руины правительственных зданий, оставшиеся после ухода десанта адмирала Джорджа Коберна и генерала Роберта Росса. Совершенно неожиданно для американского командования британцы, неоднократно битые на Великих озерах и на море, снарядили эскадру, которая поднялась по реке Потомак до городка Александрии, уничтожила семнадцать канонерских лодок и высадила три с половиной тысячи морских пехотинцев в самой черте столицы. Если бы не подвиг неизвестного молодого лавочника, прискакавшего верхом в Белый дом с известием о десанте, англичане легко могли захватить в плен всю верховную администрацию США вместе с президентом. И так пришлось спешно бежать, бросив все на разграбление британской и канадской солдатне, и потом в бессильной злобе наблюдать с высоты холма Рено, как горят Капитолий, Государственное казначейство и Белый дом. Президенту казалось, что он всей кожей чувствует насмешку и презрение англичан, выразившиеся в том, что разрушению подверглись именно эти здания, а не частные дома. Право частной собственности Англия всегда ставила превыше всего.

Четверка лошадей легко тянула президентскую карету по дороге в Джорджтаун, где временно обосновались администрация и конгрессмены.

Мэдисон со смешанными чувствами вспоминал июньский день 1812 года, когда он на заседании Конгресса объявил, что Соединенные Штаты начинают войну, о необходимости которой говорил его предшественник, Томас Джефферсон, войну за освобождение канадцев от британского ига. Третий президент верил в историческое предназначение Соединенных Штатов как освободителей всего Западного полушария от колониального владычества Европы. Мэдисон

знал, что эта вера исходила от министра иностранных дел, близкого друга Джефферсона, Джеймса Монро, сидевшего сейчас рядом с ним в коляске. Он и сам находился под большим влиянием умного, энергичного и невероятно талантливого представителя нового поколения американских политиков. Отцы-основатели первой республики Нового света постепенно отходят и уходят, уступая место таким вот незаурядным деятелям, подающим надежду, что революция не повернется вспять. Хотя... кто знает... Тридцать шесть лет назад тринадцать колоний подписали Декларацию независимости, и тридцать лет своей жизни он, Джеймс Мэдисон, отец Конституции Соединенных Штатов, положил на то, чтобы эти бывшие колонии не разбежались по своим углам, а собрались в единую федерацию. Многие, очень многие не хотели иметь над собой единое правительство, видя в нем кучку дармоедов, проедающих налоги.

Мэдисон вздохнул, вернувшись мыслями к тому памяtnому заседанию Конгресса. Вот и на нем во всей красе проявили себя любители полной независимости штатов. Они не понимали, что предлагаемая президентом война есть не что иное, как утверждение самостоятельности молодого государства.

— Мы должны, мы просто обязаны доказать всему миру, что Соединенные Штаты — суверенная держава, — взывал президент к депутатам.

— А мы готовы к войне? — возражал ему Джон Рэндалф из Виргинии. — У нас нет денег, нет солдат, нет военного флота. Чем и кем вы, ястребы войны, собираетесь доказывать нашу суверенность? А что, если Соединенные Штаты потерпят поражение и покажут свою несостоятельность как государство? Вас это не пугает?

«Ястребами» Рэндалф иронически обозвал группу особо воинствующих депутатов, называвших себя «соколы войны», а в главном он, конечно, был прав — Соединенные Штаты не имели ни регулярной армии, ни сколько-нибудь приличного флота, однако вина за это, между прочим, лежала именно на противниках федерации: те были уверены, что в мирной жизни вполне достаточно милиции, а в случае опасности для штата его население дружно пойдет в ополчение и защитит свою землю. Но у Мэдисона и его сторонников имелись свои аргументы.

— Англия завязла в войне с Наполеоном, ей сейчас не до колоний, и мы должны этим воспользоваться, — убежденно и пафосно говорил военный министр Джон Армстронг. — Это — во-первых. Во-вторых, наша святая обязанность нести угнетенным народам знамя свободы, полученное из рук борцов за независимость, и в первую очередь Канаде. В войне за Канаду армия не нужна — канадцы с радостью восстанут против ига Британии, стоит только нашей милиции и ополчению перейти границу. И в-третьих, если все-таки случатся сражения, именно в них будет формироваться и крепнуть регулярная армия США.

Под аплодисменты большинства конгрессменов военный министр сошел с трибуны.

Джеймс Мэдисон со стыдом сейчас вспоминал, что тоже аплодировал этой напыщенной речи. Конечно, она соответствовала его намерениям и сыграла свою роль при голосовании за войну, но он и предположить не мог, до какой степени бездарными окажутся американские военные деятели, начиная с того же Армстронга и кончая командирами полков. Они проигрывали по всем статьям не только британцам и канадцам (которые, кстати, и не подумали восстать; наоборот, не желая вливаться в США, составили едва ли не основную силу британской армии), но и краснокожим дикарям. Да, да, к немалому изумлению президента, сторону англичан приняли индейцы-алгонкины, главным образом шауни, под предводительством вождя Текумсе, который давно тревожил федеральное правительство своим решительным противодействием движению бледнолицых на Запад и даже сумел объединить тридцать два племени в Индейскую Конфедерацию, по территории бóльшую, чем Соединенные Штаты, но потерпел поражение на реке Типпекано. После чего и связался с англичанами, да так крепко, что стал у них бригадным генералом. Этот Текумсе хитростью и обманным маневром без единого выстрела завладел фортом Детройт с его складами, вооружением и гарнизоном во главе с генералом Халлом в придачу.

Мэдисон в раздражении от этого воспоминания стукнул тростью в днище коляски. Сидевший напротив и до сего момента молчавший Монро усмехнулся:

— Что, Джим, никак вспомнил тупицу Армстронга и его хвастовство?

– Не только это, Джимми, не только это, — скривил губы президент.

В узком кругу к ним — и они между собой — обращались просто по имени, причем всегда уменьшительно. Это нравилось обоим и создавало доверительную, почти домашнюю атмосферу. Вот и сейчас, наклонившись к президенту, так что поля их черных цилиндров соприкоснулись, Монро произнес вполголоса, словно его мог услышать кто-то посторонний:

– Плюнь на него, Джим, не стоит он того, чтобы еще и себя винить. Надо действовать, и действовать решительно. Иначе мы действительно все проиграем.

– И что, по-твоему, надо делать?

– Во-первых, собрать Конгресс и заявить, что мы не имеем права отступить и не отступим перед временными трудностями. Не для того мы вырвались из-под ига метрополии, чтобы склонить перед ней свои знамена. Во-вторых, убедить конгрессменов, что трудности действительно временные. Наши каперы успешно захватывают и топят британские корабли, генерал Харрисон покончил с Текумсе^[22] и его Конфедерацией.

Президент в сомнении покачал головой:

– Ходят слухи, что Харрисон убил Текумсе, когда тот, безоружный, пришел к нему с просьбой пропустить стариков, женщин и детей. И вроде бы по его приказу с вождя содрали кожу...

– Это мелочи, — жестко сказал Монро. — Важно то, что нам теперь открыт путь на запад, к Тихому океану.

– А что будем делать с нашими индейцами?^[23] — тихо спросил Мэдисон.

– Пусть пока воюют за нас. Время решит их судьбу^[24]. А в-третьих, Джим, на этом заседании надо убрать Армстронга из правительства и назначить меня военным министром.

– Тебя?! — поразился Мэдисон.

– А что тебя удивляет? Я — офицер с восемнадцати лет, полковником стал в двадцать четыре, так что кое в чем разбираюсь лучше Армстронга. И, кроме всего прочего, мне надо зарабатывать политический вес.

– Ты хочешь стать президентом?

– Ну, после тебя вряд ли получится. На следующих выборах будут наверняка соперничать наши генералы — Харрисон и Джексон, а вот после Харрисона...

– После Харрисона? — перебил Мэдисон.

– Ну, может, после Джексона. Кто из них победит... А в чем, собственно, дело, Джим?

– Ты не думал о проклятии Текумсе?

– Это о том, что каждые двадцать лет президент США будет умирать раньше времени? Чего о нем думать?! Оно было обещано Харрисону, и я в любом случае под него не попадаю. Да и вообще — мне следует думать о себе, о своем паблсити. Не зря говорят: как постель постелишь, так на ней и полежишь^[25]. Так что время терять нельзя!

– Ну, у тебя времени — еще целый фургон!

– Главное — надо раскрутить мою идею: освободить Западное полушарие от европейских колоний. Здесь, у нас, должно быть царство свободы и демократии, а на его вершине — Соединенные Штаты!

– Это замечательно, Джимми! — Монро уловил в усталом голосе президента нотки иронии и нахмурился. — Не спеши обижаться — я говорю совершенно искренне. Но пока надо кончить войну. Я отклонил предложение русского императора Александра быть посредником между нами и Англией.

– Почему?

– Он неискренен, даже двуличен.

– Ну, этим нас с тобой трудно удивить, — засмеялся Монро. — И в чем же ты усмотрел его второе лицо?

– Ты, конечно, знаешь, что Россия на Западном побережье ежегодно расширяет свое колониальное присутствие, покупая у индейцев новые земли? Что она способствует зарождающейся индейской империи?

– Плохим бы я был госсекретарем, если бы не знал этого. Мне даже известно, что империя будет называться Орегон, а в императоры намечается молодой вождь племени мака Маковаян, который больше года был у Текумсе то ли учеником, то ли помощником. По крайней мере, именно ему Текумсе доверил нести индейцам Скалистых гор и Западного побережья свое Слово Огня...

– У тебя хорошие информаторы, — перебил президент. — А само Слово Огня тебе знакомо?

– Нет. Но я слышал, что оно поднимает даже немощных, а воинов наполняет неистощимой силой...

– Значит, у нас на Западе будут большие проблемы, — задумчиво произнес Мэдисон. — Индейцы и русские — гремучая смесь!

Глава 17

Лето 1817 года

Антон Козырев сидел на корточках возле каверны, напоминающей каменную чашу, наполненную маслянистой жидкостью, и задумчиво разглядывал свой палец, только что использованный в качестве пробника. Глянцевая поверхность жидкости отражала скалу за спиной Антона и бледно-голубое небо с застывшим на нем кучковатым облаком. Жидкость сочилась из-под скалы — там была расщелина, — наполняла каверну и вытекала из нее, струясь дальше по склону блестящим под низким солнцем ручейком, заполняя мелкие ямки и рытвинки.

Антон снова макнул палец. Коричневые струйки стекали и падали крупными каплями обратно в чашу. До мгновения соприкосновения капли с жидкостью ей навстречу с поверхности взлетал остроконечный холмик, и, соединившись, они вместе исчезали в глубине, не оставляя расходящихся кругов, какие появляются на обычной воде.

Над чашей висел запах, похожий, как ему помнилось, на болотный дух в его родной Мещере, только намного гуще. Там над трясиной гуляли огни, и старый конюх Фома сказывал деревенским мальчикам про чертей да кикимор, упырей да леших, кои этими огнями заманивают людей в гиблые места, в зыбуны, спрятанные под веселенькой ряской, и топят... топят...

Антон мотнул головой и огляделся. Камни... камни... трава и кустики, кое-где низкорослые деревца... Болота — и следа нет. Пологий склон в ямах, заполненных вот такой каменной смолой. Из некоторых рытвин смола так же истекает ручейками, и трава вдоль ручьев не зеленая, а желтая.

Мертвая.

У подошвы горы стояла походная экспедиционная яранга мын'тыг'ак'. Антон за пять лет скитаний по Юконскому краю так и не научился выговаривать это слово. Как, впрочем, и много других из инуитского языка. Первые три года экспедицию возглавлял доктор

Георг Шеффер — он изучал растения Аляски и рисовал карты походов, а рудами занимался Антон. Постоянными членами экспедиции были инуит Чунгагнак, по православному крещению нареченный Петром, и его огромный черный пес-маламут по имени Амарок. Антон никогда не решился бы назвать это имя кличкой, поскольку, во-первых, безмерно уважал умного, сильного и отважного пса, а во-вторых, инуиты называли так грозу охотников, гигантского волка-демона. Чунгагнак же дал своей собаке это имя, считая, что оно добавляет маламуту силы и, при случае, пес защитит и от злых духов туурнгакиит, и от настоящего амарока.

Были еще ездовые собаки хаски со своими кличками, но их никто не считал членами экспедиции. Обыкновенные работяги.

Два лета тому назад главный правитель отозвал Шеффера, чтобы направить его на Гавайи, поскольку Тимофей Тараканов из-за предательства шкипера Водсворта не смог в свое время добраться ни до Росса, ни до Гавайев, а люди, бывшие с ним, составили первый отряд волонтеров под командой — кто бы мог подумать?! — Емельяна Епифанцева, Емельки Пугача, которому верховный вождь союза индейских племен Маковаян вскоре присвоил почетное имя Текумсе — за его победы над штатовскими рейнджерами, главным образом — за разгром отрядов Томпсона.

Тараканов же, из-за недогляда за шкипером, впал в немилость главного правителя и был отодвинут как бы на задворки управления — занимался разной мелочевкой.

Шеффера Баранов отправил на Гавайи, а начальником геологической экспедиции назначил Антона Захаровича Козырева. Тоже не за так — за его ценнейшие находки угля, свинца, железа и серы, глины, годной на кирпичи, и песков для производства стекла. На Юконе, крупнейшей реке Аляски, напоминающей сибирскую Лену, нашлось и золото, россыпное и довольно богатое, но главного правителя все-таки больше всего обрадовали железные руды. Он уже снарядил артели для обустройства копей и обозначил первый горнозаводский округ, в который вошли будущие рудники и заводы.

Под началом у Антона были три человека — все местные: проводник инуит Чунгагнак, то бишь Петр, и два алеута, Унук и Вальтыргин, подсобники. Петр выбирал дорогу, занимался собаками и снабжением свежениной, алеуты — остальным хозяйством: ставили и

убирали ярангу, били шурфы, перетаскивали тяжести. Ботаника на замену Шефферу не нашлось, поэтому экспедиция занималась только подземными ископаемыми, а начальник еще и рисовал карты.

И вот сегодня наткнулись на каменное масло.

Антон слышал, что оно очень хорошо горит — много лучше китового жира, которым заправляли светильники, — и ему хотелось это проверить, но он опасался, что огонь по трещинам проникнет в глубину земли и тогда сгорят все запасы масла. Лучше было зачерпнуть и отнести подальше, но, как назло, у них имелся всего один ковшик из бересты — для воды, и портить его не хотелось. Будь поблизости хоть какая ледащая березка, ковшик сделать несложно и для масла, и для водицы, но на склонах щетинился иглами лишь кедровый стланик.

Снизу от яранги поднимался Петр-Чунгагнак. В неизменной «птичьей» кухлянке с откинутым капюшоном — день выдался теплым и ясным. Антон называл кухлянку «птичьей», потому что сшита она была из птичьих шкурок перьями внутрь. В ней одинаково удобно в любую погоду: в холодную тепло, в теплую — не жарко. Не сравнить с Антоновой суконной курткой, подпоясанной кожаным ремнем. Петр предлагал «русски насыльнику» сшить такую же, как у него, одежду, но Антон чего-то стеснялся и отнекивался. А может, ему было просто жаль птиц, которых будут убивать и обдирать ради удобства и радости его, человека.

В конце концов он отказался раз и навсегда и мерз в своей куртешке на пронзительных до зубовного перестука летних аляскинских ветрах или парился в заветрии вот в такую, как сегодня, погоду.

— Силла выпускает адливуниит опратно на землю. — Петр показал наконецником стрелы на каменную смолу; лук и стрелы всегда были при нем, и он часто ходил со стрелой в руке. — Они дысят насим воздухом и за это помогают инуитам в полезнях. У Ванкатвина ноги сипко сильно полели, ходить не мог. Саман ангакук мазал колени Ванкатвина каменным зиром, адливун вылесил ноги.

— Силла, я знаю, — это дыхание жизни, а кто такие адливуниит? — спросил Антон.

Чунгагнак часто рассказывал ему кто есть кто в поверьях эскимосов-инуитов. Козырев внимательно его слушал: ему было

интересно, а кроме того, главный правитель требовал, чтобы русские относились к аборигенам крайне уважительно.

– Адливун — дух, уседсий в другой мир, он живет под землей, слушает великую Силлу. Все адливуниит хотят вернуться в нас мир, но Силла выпускает только тех, кто помогает зивуссим — людям инуитам, оленям карипу, медведям нанук и другим зверям, птицам, рыбам... Одни адливуниит такие, как этот каменный зир, другие совсем невидимые, как хоросий воздух в соляных пессерах, но все помогают...

Чунгагнак говорил нараспев, глядя куда-то вдаль, может быть, видел этих адливуниит своими глазами. Нет, он не шаман, к тому же еще и крещеный, а духов видит лишь ангакук — Антон тряхнул кудрявым чубом, прогоняя морок, нисходящий на него вместе с певучим голосом инуита.

– Я слышал, что эти духи питают светильники, и те горят ярче жировых? — перебил он проводника.

– Да, это так, — сердито подтвердил тот и отвернулся.

Антон понял, что обидел настоящего человека^[26]: у эскимосов верх неприличия — прервать рассказ даже ребенка. Надо иметь терпение выслушать все до конца, а потом уже выразить свое мнение или задавать вопросы.

– Не обижайся, Петр, — как можно просительнее сказал он. — Просто я хотел поскорее узнать главное, что может этот... адливун.

– Светит — не главное, главное — он лесит, — с едва заметной сердитостью заметил проводник. — Ты здоров — тепе не понять, сто — главное.

– Ну, ладно, ладно, ты, конечно, правый, — повинился Козырев. Петр расцвел: как же, сам «руськи насяльник» перед ним голову склонил! А тот гнул, тем не менее, свою линию: — Но скажи, дорогой мой Петр, адливун, когда горит, тепла дает больше, чем черный камень.

– Польсе, — охотно ответил инуит. И добавил строгим голосом: — Но сипко пыстро горит. Силла поится, сто огонь по тундре попезит и зверя погонит.

Антон хотел еще спросить, как остановить бегущий огонь — ему доводилось слышать, что эскимосы умеют это делать, — но над их головами вдруг грохнуло, посыпались камни, от которых они

порскнули в разные стороны, а в чашу с каменной смолой со смачным шлепком упало что-то тяжелое и такое большое, что смола выплеснулась, дотянувшись брызгами до унтов-камгыков рудознатца и проводника.

Чаша не вместила упавший предмет, и Козырев с Чунгагнаком через мгновение осознали, что это — тело человека. Они живо выволокли его на сухое и чистое место и стали разглядывать.

Человек не шевелился: то ли расшибся насмерть, то ли ушибся до бессознания. На голове его был пятнистый мешок с прорезями для глаз и рта, туловище облачено в такую же пятнистую робу с разновеликими карманами, на ногах — башмаки на толстой подошве, с высокими голенищами, разрезы на которых перехвачены полосками кожи. На кожаном ремне — ножны с кинжалом. И все — в вонючем каменном масле.

Да, еще была новенькая винтовка — она упала рядом с чашей, выплеснувшееся масло окатило и ее.

Антон и Петр одновременно подняли глаза к вершине скалы, откуда к ним свалилось это странное существо, и на всякий случай оглядели небо. Оно по-прежнему было ясным и безоблачным, лишь восточная его часть слегка потемнела и начала затягиваться розовой дымкой, предвещая вечернюю зарю, которая в этих местах опоясывала весь горизонт.

– Это не адливан? — спросил Антон вполне серьезно, поскольку Чунгагнак только что говорил, что адливаны могут иметь разный вид.

За годы скитаний по Аляске он насмотрелся всего — и четких морских картин с парусниками и даже пальмами (это за тыщу-то верст от моря; Александр Андреич Баранов назвал их мудреным словом «мираж»), и громадных белых медведей, и огнедышащих гор с текущими по склонам расплавленными реками. Однажды ураганом принесло по воздуху кожаную лодку-каное, а в ней целого и невредимого индейца с копьем и томагавком. Но сегодня было на удивление безветренно, и все-таки существо это упало вниз. Может, поскользнулось?

– Я такого адливана не видел, — ответил Петр уклончиво. — Похоже, селовек. Мозет, живой?

– Ох, ты-ы, чего ж это я — проверить же надобно, — спохватился Антон. — Давай унесем его в ярангу.

Кликнули Унука и Вальтыргина и вчетвером спустили «летуна» с горы в лощинку, к лагерю. Сняли с головы мешок и обнаружили, что перед ними — совсем юный и очень красивый человек. Первым делом убедились, что он жив — возле уха на шее вздрагивала голубая жилка. Потом кое-как разобрались с застежками робы и башмаков — они оказались на один манер, без петель, пуговиц и шнурков — все схвачено липучими лентами.

– Мотри, насыльник, удобно-то как! — восхитился Вальтыргин, прилепляя и снова с треском отдирая ленту.

Антон осмотрел застежку. Короткая лента была усеяна мелкими крючочками — они цепко влипали в шершавую подкладку. Как спелые шарики лопуха — те так же цеплялись за одежду, а уж про волосы и говорить нечего: выдрать было невозможно, приходилось выстригать.

– Ой, те-те-ёй! — вдруг воскликнул обычно молчаливый Унук, и Антон изумленно воззрился на обнажившуюся маленькую девичью грудь.

– Девка-а!!!

Антон жутко смутился, хотел запретить раздевать ее догола, на что Чунгагнак резонно заявил, что одежда пропиталась каменной смолой и надевать ее нельзя.

– Ты не хосесь — не мотри, а мы девоську опотрем и оденем в сухое и систое. Камлейки женской нет — оденем в кухлянку.

Глава 18

Время то же

...Уже сутки девушка была без сознания.

Она лежала на оленьей шкуре в летней однослойной кухлянке и нерпичьих штанах, завязанных на щиколотках. Белые узкие ступни ее ног и такие же кисти рук безвольно раскинулись в стороны. Бледное красивое чернобровое лицо с закрытыми глазами обсыпали коротко стриженные русые волосы. Можно было подумать, что она умерла, однако голубая жилка возле уха продолжала трепетать, как тонкая струнка, поддерживая звучание жизни.

Сидя рядом, Антон смотрел на эту жилку, и ему казалось, что он слышит ее тончайший звон. В руках он вертел небольшой прямоугольник толстой серой бумаги или картона с латинскими буквами и значками, заклеенный в гибкий прозрачный плоский пакетик. Это было единственное, что нашлось в карманах пятнистой робы девушки. Латинские буквы Антон видел еще на каторге в книжке о минералах у горного мастера и даже мог их читать, но на прямоугольничке читать было нечего — какой-то бессмысленный набор букв, цифр и крохотных картинок.

Мысли Антона беспорядочно прыгали в голове, разбиваясь друг о друга, словно тонкие льдинки в быстробегущем ручье.

Кто ты?.. Откуда свалилась на нашу голову?.. Каким ветром тебя занесло?.. Неужто Господь услышал мои жалобы на одиночество и дал мне тебя?.. Ты здесь всего сутки, а я уже боюсь, что ты вдруг исчезнешь так же внезапно, как появилась... И что я тогда буду делать?..

Да, одиночество угнетало Антона, аборигены не могли его скрасить, и он был бы рад даже Емельке Пугачу. Жаловался он и главному правителю, и самому Господу Богу, но Господь отмалчивался, а Баранов обещал пополнить экспедицию русскими людьми, но это когда еще будет! Губернатор заложил железоделательный завод, хочет построить пароход, весь из железа.

Антон никак не мог уразуметь, как эти посудины плавают, ежели само железо тонет, но Баранову верил, не меньше, чем Господу Богу, а может, и больше. Потому что главный правитель, что обещал, то непременно исполнял, а Господь ничего не обещал, однако, сказать по правде, помолясь Ему, Антон всегда чувствовал душевное облегчение.

Вот и сейчас Антон ощутил потребность обратиться к Всеблагому с благодарностью за нежданный дар, попросить у Него здоровья для «гостыи» и направить его, Антона, на путь истинный.

Откинув крышку дорожного сундучка, он вынул завернутый в чистый рушник образ Спаса Нерукотворного, поставил в специальную выемку в крышке, там же затеплил лампаду, встал на колени и принялся молиться, крестясь и отбивая поклоны. Молитвы у Антона обычно своесловные, складывались по обстоятельствам, но сейчас случай был особый, и, хотя он не знал, крещеная ли «болящая» — канон требовал, чтобы человек, за которого молятся, был воцерковлен, — но посчитал, что Бог для всех милостив, и молитву возносил почти каноническую:

– ...О Господь мой, Создатель мой, прошу помощи Твоей, даруй исцеление рабе Божьей, имя коей мне, рабу Твоему, неведомо, омой кровь ея лучами Твоими... Прикоснись к ней силою чудотворною, благослови все пути ея ко спасению, выздоровлению, исцелению... Приидет помощь Твоя, и боль отступит, и силы вернутся, и раны заживут ея, телесные и душевные...

В момент наивысшей истовости торкнуло что-то в сердце, оглянулся Антон на ложе девушки и увидел, что она приподнялась на локте и широко распахнутыми глазами смотрит на его действия перед иконой.

Помогло! Очнулась!

– Да услышит молитву сию Господь. Слава и благодарность силе Господа! Аминь, — закончил он, не сводя взгляда с лица девушки, на котором одновременно отразились испуг, изумление и смятение, исказив ее милые черты.

Догадавшись, что она вот-вот снова потеряет сознание, Антон, как был на коленях, рванулся к ней, закричав почему-то:

– Стой! Стой!

Она удержалась от падения в беспамятство и даже, видимо, испытала облегчение, потому что с лица стерлись прежние чувства,

пришло успокоение:

– Русский, яшкин пёс! Ты — русский?!

– Русский я, русский, — заторопился Антон. — А ты... вы — кто?

– Где я? Какой год? — неожиданно спросила она.

– На Аляске мы, на Юконе. А год... какой год? А-а, просто год!

Тыща осьмисот семнадцатый от Рождества Христова.

– Ну, слава богу, не обеспамятела! А то лежу, яшкин пёс, ни хрена не могу вспомнить! Так шмякнулась! Надо же было ногу подвернуть!

– Да уж! Пала прям в каменную смолу. Вот, — он показал на кухлянку, — пришлось переодеть.

Она густо покраснела:

– Яшкин пёс! — оглядела себя. — Ты меня раздевал?!

Антон развел руками:

– Пришлось.

Она устало опустила на шкуру.

– А где моя амуниция?

– Одежду сожгли, ее не отстирашь. Остатне — вона лежит, все целехонькое. Нож, винтовка, башмаки...

Девушка посмотрела на большого кудрявого парня, стоящего перед ней на коленях, и грустно улыбнулась:

– Спасибо.

– А все ж таки — кто вы, откуль, как звать-величать?

Девушка осмотрела себя, пощупала штаны, «птичью» кухлянку и зябко поежилась:

– Откуль... Даже не знаю, яшкин пёс, что сказать... А-а-а, ладно, скажу, как есть. Беглая я, из компании английской... Прослышала, что русские промышляют на Юконе, и сбегла. Хозяева приказывали местных убивать... которые бунтовали... а я не хотела, вот и сбегла. Яшкин пёс!

Слезы наполнили вдруг огромные серые глаза девушки, протекли на плохо отмытые от каменного масла щеки. Она их смахнула ладонями и уставилась в одну точку. Видимо, вспоминала...

– А как вы у англичан очутились?

– Ну-у-у, это долгая история... Как-нибудь потом... ежели не выдашь меня обратно...

– Да с какой стати! Я сам — каторжанин бывший... Антоха Козырь...

Увидев, как изумленно расширились глаза девушки, Антон поперхнулся и вспомнил, как его величают в Управлении Компании:

– Тоись, таперича-то Антон Захарович Козырев. Начальник геологической экспедиции. Руды ищем, минералы разные...

– Каторжанин?! — всплеснула руками девушка. — Яшкин пёс!

– Ну да... был... Четыре года на руднике... В Нерчинске... А тута на поселении.

– Начальник?!

– Ну да... Мы, русские, у Баранова на особом счету.

– Яшкин пёс! Значит... ты в Русско-Американской компании служишь?

– Значит, — кивнул Антон. — Вот так повезло!

– Значит, и мне повезет... — Она помолчала, потом кивнула, будто с кем-то или чем-то согласилась, и подняла глаза на Антона. — Алиса я, фамилия — Жданко. Отец мой, эмигрант из Малороссии, в Штатах основал передвижной цирк, но прогорел, и меня у него забрали за долги. Я была акробаткой...

– Это котора колесом? — Антон для подтверждения крутанул рукой.

– Ну, не только, — улыбнулась Алиса. — Я много чего могу.

Девушка рассказала, что ее отдали в специальную школу, где китайцы обучали секретным боевым искусствам и владению холодным оружием, старый еврей — приготовлению ядов и противоядий, отдельные учителя — европейским и восточным языкам...

– И много ты языков знаешь? — вдруг спросил слушавший ее, раскрыв рот, простодушный Антон. Его не удивили ни сама школа, ни яды с боевыми искусствами, а вот языки-и-и... Кое-что из алеутских он уже знал, мог с инуитами или там с колошами словечком перекинуться, а вот европейские — темна вода во облацех!

Алиса, шевеля губами, считала про себя, загибала пальцы, закончив, показала Антону — восемь!

– Ни хрена себе! — не сдержался Антон и густо покраснел от смущения. — Зачем столько-то?

– А ты еще не понял? — Антон отрицательно мотнул головой. — Ну и ладно, потом как-нибудь поймешь. — Алиса поискала глазами вокруг себя. — А где мои башмаки? Их-то не сожгли, яшкин пёс? Где моя обувка?

– А-а, обувка... — Антон выудил из-под шкур Алисины башмаки. — Чё их жечь? Им каменное масло лишь на пользу.

Алиса взяла башмаки, понюхала:

– Каменное масло, говоришь? Так это же петролеум, нефть!

– Нефыть... нефыть... — забормотал Антон, пытаясь одолеть неизвестное слово. — Это по-каковски?

– «Нефыть», — передразнила Алиса. — Нефть, яшкин пёс, — это по-турецки! Черная кровь Земли! — Опять засмеялась и опять — невесело: — А ведь мне тут куковать всю оставшуюся жизнь. — Она начала обуваться, не прекращая говорить. — Ты как, женат, Антон Козырев?

– Да нет, не сподобил Господь, — смутился парень и кивнул на башмаки. — А вы так ладно скумекали — портянки к голенищам пришить. Ногу сунул — и готово!

Алиса в голос расхохоталась:

– Это не портянки, господин начальник экспедиции. Знаешь такое слово — «носок»?

– Подумаешь, «носок»! — обиделся Козырев. — А вы... ты знаешь, чё такое медный колчедан?

Алиса подумала, кивнула:

– Ну, наверно, сумка такая из меди... не-е, то, кажется, колчан... может, с медными стрелами?

– Где ты видала медные стрелы? «Сумка»! Руда это медная. Мы тутюка недалече нашли богатейшие залежи. Завод будем ставить медеплавильный, — гордо сказал Антон и вдруг погрузился: — Токмо народу вот не хватат, особливо — русских.

Алиса усмехнулась:

– Не женат, говоришь? Вот и ладно. Создадим союз для прибавления народа. Хочешь со мной создать союз?

Антон слегка обалдело воззрился на нее: какая скорая, однако! Едва-едва не окочурилась, а тут чуток очухалась и такие речи повела, что девице произносить стыдно, а ему, мужику, слушать не подобает. Так ведь и до греха недалече!

Подумать Козырев подумал одно, а язык сам ляпнул другое:

– Хочу.

Алиса посмотрела на его глуповато-растерянное лицо и снова расхохоталась:

– Яшкин пёс, держите меня, люди добрые, упаду не встану...

– Да чё ты все «пёс» да «пёс»? Чё за пёс, на кого лает?

– А-а, не бери в голову: подцепила заразу. — Алиса вдруг насторожилась, ткнула большим пальцем за спину, в стенку яранги: — Что там за шум?

Антон хотел было подняться и выглянуть наружу — не успел: входной полог откинулся, и в проеме появился здоровенный бородач в кухлянке с двуствольным ружьем Мортимера в руках.

– Stand up! — рявкнул он Антону, не удостоив девушку внимания, и указал стволом ружья: — Hands up!^[27]

Антон понял, поднял руки, медленно и неуклюже начал вставать, и тут произошло нечто столь неожиданное, что позже, рассказывая главному правителю о работе экспедиции на Юконе, он толком не мог вспомнить все детали случившегося в яранге и лагере и ссылаясь на Алису, но та лишь пожимала плечами: мол, я ни при чем?

Но как раз она-то и была при чем.

В те мгновения, пока Антон догадывался, что на его лагерь напали британские трапперы или золотоискатели, и лихорадочно думал, что делать, Алиса из положения сидя невероятным образом взвилась в воздух, изогнувшись, перекувырнулась и, одной ногой выбив ружье из рук здоровяка, округлым носком башмака другой так врезала ему в ухо, что бородач закатил глаза и тяжелой глыбой осел на землю. Козырев пару раз непонимающе моргнул, а девушка успела подхватить свою винтовку, проверила заряд и сказала:

– Это за мной! Бери ружье!

Перешагнув неподвижную тушу здоровяка, вышла из яранги. Антон выскочил следом, подобрав ружье Мортимера.

Как оказалось, на лагерь напали не только британцы — этих было всего двое, и один из них лежал сейчас в яранге Козырева, — но и какие-то индейцы, похоже, атапаски-кенайцы. Они столпились возле лежавших на земле связанных Унука и Вальтыргина и смотрели на ярангу Антона. Чунгагнака не было. Увидев Алису и рудознатца с ружьем, налетчики явно удивились такому повороту дела и потеряли несколько мгновений на осмысление произошедшего. Мгновений, которые многим позволили бы уцелеть.

Кто-то из индейцев, однако, сориентировался быстрее — из толпы вылетел томагавк и, бешено вращаясь, устремился к Антону. И лежать

бы начальнику экспедиции у входа в свою ярангу с разможенной головой или с топориком в груди, но Алиса мгновенно вскинула винтовку, коротко грохнул выстрел, и индейский боевой топор, дзенькнув, улетел с расщепленной рукояткой куда-то в сторону.

– Lay down arms!^[28] — скомандовала Алиса.

В ответ раздался вопль десятка глоток, взметнулись смуглые руки с томагавками, а бородатый мужик в кухлянке — явно второй британец — вскинул двустволку.

Свистнула стрела, и бородач опрокинулся на спину со стрелой в глазу. Антон, скосив глаза, увидел чуть позади Петра-Чунгагнака с луком в руках. Проводник стоял, расставив ноги в мягких камгыках, и новая стрела была нацелена в налетчиков.

Индейцы что-то завопили, стали приближаться.

Мортимер грохнул из двух стволов, свистнула стрела Чунгагнака.

Камни окрасились кровью.

Глава 19

Осень 1817 года

Отец и сын Черепановы стояли перед Барановым, мяли заскорузлыми пальцами шапки. Оба — темноволосые широкоплечие, почти одного роста, хотя отцу, Ефиму Алексеевичу, стукнуло уже сорок три, а сыну, Мирону, только-только четырнадцать. Прибыли они с Урала, из Нижнего Тагила, по договорам с одним из компанейских агентов, уполномоченных набирать в России полезных для Русской Америки людей. Александр Андреевич с удивлением отметил, что агент представил именно два равноправных договора на отца и сына как на мастеровых механиков.

– Это что же, и Мирон Ефимович уже мастеровой? — спросил он, глядя на Черепановых поверх очков, сдвинутых на кончик носа.

Ефим Алексеевич повернулся к сыну, посмотрел на него с удивлением, словно впервые увидел, и обратился взглядом снова к главному правителю:

– Дык Мирон, уважаемый барин, нычить, сам паровые машины собирает. Две штуки для кузни собрал, а третью удумал на колеса поставить, чтоб, нычить, грузá перевозить...

– Та-ак... — Правитель вышел из-за стола, обнял Черепановых за плечи, усадил на табуретки и, доверительно наклонившись, спросил: — Телегу паровую решили сделать, какую Иван Петрович Кулибин задумывал?

Ефим Алексеевич встрепенулся, отвечал с достоинством:

– Не совсем так-то, уважаемый барин. Я в шешнадцать годков у Иван Петровича в учениках хаживал, он как раз карету паровую ладил, ну и я, нычить, при нем. В этой карете светлейший князь Потемкин свой интерес имел, хотелось ему на ей по степям таврическим прокатиться, да вот не судьба вышла. Помер, нычить, князь Григорий, а воров евойный, любовник царицын, все его мечтания похерил, и карета эта паровая на задворках сгнила. А я, барин, дюже памятный, без чертежей, нычить, все упомянул и, кады на тагильских

заводах служить механиком зачал, решил Иван Петровичеву задумку к делу приспособить. Токо карета нам на заводах ни к чему, а вот руду перевозить — самое то!..

Пока старший Черепанов излагал историю паровой кареты, главный правитель распорядился насчет чая, и теперь все трое наслаждались ароматным напитком. Баранов отметил для себя, что сын ни разу не вмешался в речь отца, не перебил, не добавил ни слова. Попивал чаек из китайского блюдечка и вроде бы даже не слушал.

А тот разговорился:

— ...И вот сижу я, нычить, кумекаю, каку дорогу проложить для телеги паровой — она ж по колдобинам да по грязи не проедет, — а Мироша мой возьми да и подскажи: «Батя, — грит, — надоть, — грит, — для нее железны путя под колеса. Тады, — грит, — ей никакие рытвины не будут мешать». Во голова! Иван Петрович, нычить, не дотумкал, а мой Мирошка смог! А ему ишшо и десяти годков не было.

Отец с уважением поглядел на сына. Тот сосредоточенно хлюпал чаем с блюдца, баловался колотым сахарком.

— Погоди, погоди, — поднял руку с надкусанной баранкой главный правитель. — Эти пути, как я понимаю, — две железных полосы? — Черепанов кивнул, подтверждая. — А колеса с них не соскользнут?

— Энто тож Мироша придумал: у колес по нутряной стороне такой буртик идет, он, нычить, и не дает колесу сползти ни в ту, ни в энту сторону.

— Да-а, — покачал головой Баранов, — вы, и верно, мастеровые механики. Денег за телегу, наверное, много получили?

— Ага, — усмехнулся Ефим Алексеевич, — разбогатели! По пять целковых — корову можно купить.

— Вольную дали, — добавил вдруг Мирон. — Бате и мне, а мамке не дали.

— Энто — да, — согласился отец. — Не будь вольной, мы бы, нычить, сюдой не попали.

— А как же мамка? Одна осталась? — сочувственно спросил Баранов.

Черепановы вздохнули — оба разом.

— Померла моя Грунюшка, — склонил голову Ефим, и в темных, аккуратно расчесанных на две равных половины волосах вдруг

проступили седые прядки. — Так в крепости, нычить, и преставилась.

— Без мамки мы б никуда не поехали, — снова добавил Мирон, и отец кивнул согласно.

— А с чего вы, вообще, поехали? — чуть помолчав для соболезнования, спросил Александр Андреевич. — Ты ж, Ефим Алексеевич, был уже главным механиком тагильских заводов. Али мало платили?

— Грех жаловаться, были в достатке, — мотнул головой старший. — Однако ж они, тоись хозяевá, мечтаниям нашим и придумкам ходу не давали. Вишь ли, невыгодно энто им. Путя железные приняла, а машину паровую — для тяги — нет. Потому как для машины лесов на дрова не хватат, а óгля пóблизии нету. Зато людей и лошадей, нычить, в избытке. Имя и пользуютя. Тады как у вас...

— Тогда как у нас, — подхватил Баранов, — все наоборот: уголь есть, а людей, да и лошадей, нехватка. Другое у нас, уважаемые механики, — железа своего пока что очень мало. Руду, слава богу, нашли, завод железодельный ставить будем, но сталь и чугу́н получим не ранее, чем через три-четыре года, тогда и телега ваша на «ура» пойдет. Но до той поры, мастера мои драгоценные, предлагаю вам заняться машиной для военного парохода. Очень уж иноземцы браконьерствуют в наших водах российских, все подряд изничтожают, и нет на них никакой управы. А будет пароход — мы им быстро укорот дадим, зарекутся лезть без спросу куда ни попадя. Один паровой фрегат мы построили, да вот машина для него слабосильная — надо бы помощней. Второй заложили... Кстати, машин паровых нам немало понадобится — и больших, и малых. Дороги железные по всей Русской Америке пролягут, без дорог нашему хозяйству не подняться, а без хозяйства нас быстро сожрут. Желающих много найдется. И вот еще что. Наш рудознатец Антон Козырев масло каменное нашел. Горит оно знатно, жарче дров и угля. Так что покумекайте, как его к паровым машинам приспособить.

— Мы уже кумекали, — сказал Мирон. — Сделаем. Так, батя?

— Так, сынок. Костьми ляжем, а изделаем, — твердо отвечивал отец.

— Заранее спасибо, уважаемые Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович, — поклонился Баранов, приведя Черепановых в великое

смущение. — Идите, устраивайтесь с жильем. Покуда в казарме поживете, а там и дом поможем поставить.

— Ваше благородие, — сказал Мирон, — мы тута видали у солдат ружья шибко старые...

— Да, — кивнул правитель, — это наша беда: мало новых штуцеров. А что, вы и по ружейным делам способные?

— Дык у меня задумки имеются... — Мирон поискал глазами по рабочему столу Баранова, на котором лежали бумаги и стояла чернильница с торчащим из нее гусиным пером. — Дозвольте чистый лист и перышко?

— Давай!

Мирон хотел чертить гусиным пером, но увидел на столе свинцовый карандаш и схватил его: им-то куда как удобней!

Баранов и старший Черепанов, подойдя, молча смотрели, как на бумагу ложатся уверенные линии. Очень быстро стало ясно, что это — рисунок ружья, но какого-то странного: в казенную часть его было вставлено что-то вроде небольшого колесного обода с отверстиями по всему кругу. Мирон его так и назвал — обод.

— Обод краем надеваешь на прорезь в казеннике и закрываешь сверху замком, — пояснял мастер. — В дырки заране вставлены заряды с пулями, а гильзы у них с поджигами. Обод рукой двинул, гильзя с зарядом стала в ствол, на спусковой крючок нажал, и боек бьет в поджигу. Стрелил и двинул обод дальше. Стрелил и двинул, пока заряды в ободу не кончатся. Замок открыл, обод пустой сменил на заряженный и стреляй сызнава...

Мирон удивился молчанию и поднял голову: отец и правитель стояли с раскрытыми ртами и глазами навыкат.

— Ни хрена себе! — только и вымолвил Ефим Алексеевич. — Как же енто ты дотумкал?

Правителя интересовало другое:

— Это сколько же выстрелов в минуту можно сделать?!

— Нну... не знаю... — замялся Мирон. — Десяток или больше... Весь обод можно расстрелять... Тута друга загвоздка — патроны! Бумажны трубки для пороха и пули не годятся — надо медные и поджигу в них сразу вставлять. И патронные ободья заране готовить, скоко надобно.

– Да-а, работенки невпроворот! — покачал головой старший Черепанов.

– Зато ружья у нас будут, каковых ни у кого нет! — восхитился правитель. — С ними нам сам черт не страшен!

Глава 20

Лето 1818 года

Леонтий Андрианович Гагемейстер с удовольствием стоял на мостике фрегата «Святой Николай», под всеми парами направлявшегося к Гавайским островам. То есть Сандвичевым, как, повторяя Кука, называли их все иноязычные мореплаватели. Это было первое серьезное плавание железного парохода, до того сделавшего пару пробных каботажных рейсов между Ново-Архангельском и Шелиховым, новым поселением на полуострове Голикова в глубине залива Кука. В этих рейсах за работой паровых машин (их было две) следил сам глава нового управления механики Ефим Алексеевич Черепанов. Машины работали на каменном угле и показали себя наилучшим образом.

По предложению Баранова Леонтий Андрианович возглавил Адмиралтейство РАК с повышением до капитана II ранга и одновременно принял командование фрегатом, первенцем Тихоокеанского парового флота, как несколько напыщенно сказал о нем главный правитель Русской Америки при освящении корабля. Однако хоть и пафосно сказал, но был совершенно прав, потому что на стапелях новоархангельской верфи заложили еще один фрегат, в Якутате — два паровых бота. А это недвусмысленно утверждало: Тихоокеанскому флоту России — быть!

Адмиралтейство же формально существовало уже больше десяти лет, с той поры как в Якутате построили шхунку «Авось», на которой камергер Резанов ходил в Калифорнию. Вот только настоящего главы у него не было, а у Баранова, как говорится, руки не доходили, да и в морском деле он ничего не смыслил. Поэтому согласие Гагемейстера губернатор воспринял с превеликой радостью и, зная довольно-таки молодого (всего-то тридцать семь лет!) капитана как честнейшего и бескорыстного человека, втайне надеялся передать ему бразды правления Русской Америкой, о чем уже отправил письмо в Петербург. Самому-то Александру Андреевичу перевалило уже за семьдесят, и

годы неумолимо брали свое, а это «свое» целиком состояло из сил и здоровья.

Отправляя «Святой Николай» в столь дальний вояж по открытому океану, главный правитель ознакомил капитана с коротенькой историей отношений Компании с Гавайями и дал инструкции к дальнейшему.

История действительно была весьма коротка.

В 1813 году в Ново-Архангельск пришел промысловый бот «Уналашка», который уже давно считался пропавшим без вести. Бот с двумя десятками промышленных, среди которых были и русские, и алеуты, унесло ураганом осенью двенадцатого года. Оказалось, протрепав суденышко две недели свирепыми штормами, ураган доставил его к тропическим островам, чудесным образом стихнув у неведомых берегов.

Исхудавших, обросших и оборванных промысловиков встретили темнокожие курчавые воины в набедренных повязках с копьями наперевес. Местный князек Каумуалии попытался взять пришельцев в плен, однако получил отпор в виде нескольких ружейных выстрелов и, соответственно, нескольких раненных своих подданных, после чего проникся дружелюбием и с превеликим усердием принялся выяснять, откуда прибыли нежданные «гости». Выяснение затянулось на несколько месяцев по причине языковых трудностей, зато теперь десятков аборигенов и сам Каумуалии вполне прилично понимали русские слова, и среди промышленных нашлись способные к языкам, при необходимости они могли послужить толмачами.

Но главное, что удалось промышленным выяснить и что до крайности взволновало правителя Русской Америки, — это готовность Каумуалии торговать с русскими и даже предоставить им землю для основания фактории на своем острове Счастья — Кауаи. В общих чертах Баранов знал о Сандвичевых островах — о том, что князь крупного острова Оаху Камеамеа объявил себя королем всего архипелага и где хитростью, где силой постепенно подчиняет его своей власти. И происходит это не без помощи бостонцев, продающих королю оружие, военное снаряжение и мелкие морские суда. Конечно, не за здорово живешь. Главный правитель отлично понимал, что, если штатовские американцы зацепятся за архипелаг, выкурить их оттуда будет весьма и весьма трудно. А он уже тогда, четыре года назад,

думал не только о снабжении растущего населения Русской Америки продовольствием с этих благодатных островов, но и о базе для будущего Тихоокеанского флота России. Ведь лучшего места для контроля всей северной части океана не найти! А бостонцам тут делать нечего, у них и выхода к океану нет. Или они возмечтали, собрав морские силы на Гавайях, пробить на материке стену, закрывшую им путь к желанным берегам? Стену из только-только родившейся индейской федерации Орегон и Калифорния и столь же молодой республики Мексики. Кишка тонка, господа штатники!

Однако Александр Андреевич не смог бы столько лет быть успешным правителем огромной колонии, если бы не научился учитывать малейшие обстоятельства. А они, с одной стороны, подсказывали, что напрямую сейчас обращаться к Камеаеа бессмысленно, да и опасно из-за его тесных связей с бостонцами, но с другой — что этот князек с Кауаи готов кинуться к кому угодно, лишь бы не подчиняться королю, и этим следует воспользоваться.

Не теряя времени, Баранов снарядил два корабля, назначив начальником экспедиции (по его личной просьбе) доктора медицины и ботаники Георга Шеффера, охотно откликнувшегося на русское имя-отчество Егор Николаевич.

— Зачем это тебе, Егор Николаевич? — Александр Андреевич покачал основательно облысевшей головой. — Сидел бы в лечебнице, пользовал болезных собранными травами, мемуар писал бы, на худой конец, про свои походы по Аляске. То-то попугал бы европейскую публику байками про полярную ночь, про волков-медведей...

— Сидеть, герр Александр, — это не по мне. — Шефферу, и верно, не сиделось на месте: он то и дело вскакивал, кружил по кабинету, садился, но опять вскакивал, и все повторялось. Рыжеватые кудри, обрамлявшие раннюю розовую лысину — она была больше, чем у Баранова, — порхали в воздухе. — Я понимаю: не каждому это нравится, герр Лазарев терпеть меня не мог, потому и списал на берег...

Александр Андреевич эту историю знал, но терпеливо слушал.

— Мне уже тридцать шесть лет! Мой прадед Карл Фридрих фон Шеффер в этом возрасте основал в Швеции первую масонскую ложу, Робеспьер закончил жизнь на гильотине, а прусский король Фридрих Великий создал Берлинскую академию наук. Я хочу попасть в историю

Русской Америки не списанным с корабля врачом, а умножителем российских земель. Я хочу привести под российский флаг Сандвичевы острова!

— Если получится, это будет замечательно! — не удержался главный правитель. — Но, ради бога, Егор Николаевич, постарайся держаться в рамках дипломатии. Нам весьма невыгодно ссориться с аборигенами. Токмо добром, токмо лаской и подарками. Я дам тебе верительную грамоту и серебряную медаль от нашего благословенного императора для короля. Главное: тебе надобно добиться выделения земли под факторию, чтобы можно было поднять флаг нашей Компании, а там, глядишь, и российский взовьется.

Поначалу у Шеффера дела пошли хорошо. Каумуалии действительно рвался куда угодно, лишь бы не под державную руку Камеаеа, который был повинен в смерти его отца. К тому же Егор Николаевич вылечил от лихорадки жену и маленького сына Каумуалии, чем заслужил безмерную благодарность князя, так как сын был его наследником. Каумуалии подарил доктору целую долину на своем острове, причем вместе с деревьями, которую тщеславный доктор тут же освятил своим именем — Шефферталь. Не теряя времени, силами экипажей компанейских кораблей и подаренных гавайцев построил крепость, назвав ее Елизаветинской (в честь императрицы Елизаветы Алексеевны) и поднял над ней российский флаг.

Вот это было его грубейшей ошибкой. Торопясь совершить что-либо историческое, он преступил границы барановского предписания — действовать только от имени Российско-Американской компании — и очень быстро за это поплатился. Бостонцы, шнырявшие между островами архипелага и не выпускавшие из виду любые действия русских, в которых справедливо видели опасных конкурентов, тут же воспользовались промахом доктора.

Капитаны четырех шхун донесли королю Камеаеа, что русский начальник готовит захват островов, о чем свидетельствует флаг Российской империи над Кауаи, и поставили условие: либо он, король, вышвыривает с Гавайев пришельцев с севера и в дальнейшем получает от Соединенных Штатов всяческую, в первую очередь военную, помощь, либо это делают сами Штаты и тогда никто не гарантирует,

что Камеаеа останется королем: монархом Гавайев вполне может быть кто-нибудь другой.

Шантаж возымел действие. На Кауаи пришел королевский флот из двух десятков шхун и ботов, доставив армию в пятьсот воинов, вооруженных не только копьями и луками, но и ружьями. Русских было слишком мало, чтобы ей противостоять, а подданные Каумуалии воевать не хотели — в результате Елизаветинский форт подвергся разрушению; бостонцы попытались самолично сорвать российский флаг, однако Камеаеа не позволил, не желая ссориться с великим государством — мало ли как может все обернуться, — проявив тем самым мудрость правителя.

Каумуалии с семьей и придворными укрылся в тропических зарослях, а русские во главе с Шеффером были посажены на одну шхуну (вторую Камеаеа реквизировал как трофей) и отправлены восвояси. Встретившись по дороге в Ново-Архангельск с мексиканским торговым кораблем, идущим в китайский Кантон, Шеффер пересел на него, решив самостоятельно добраться до Петербурга и изложить царю лично историю с Гавайями. Изложил он эту историю и в письме Баранову, приложив к нему копию договора с Каумуалии. Александр Андреевич весьма порадовался возможностям, которые открывал этот договор, и вот теперь железный «Святой Николай», снаряженный двумя десятками пушек разного калибра (на всякий случай, в первую очередь на встречу с браконьерами; фрегат мог принять на борт до сорока орудий, но столько не нашлось), рассекал серо-голубые воды Тихого океана, имея конечной целью восстановление попорченной Штатами справедливости.

Леонтия Андриановича раздирали противоречивые мысли. С одной стороны, как морской офицер он понимал значение Сандвичевых островов в качестве базы флота и всей душой был за присутствие на них Российской империи. С другой — ему претило бесцеремонное военное вторжение на чужую территорию, без всяких скидок похожее на агрессию, а затем оккупацию.

За две недели похода он не раз спорил на эти темы с полномочным представителем РАК Тимофеем Таракановым.

Тимофей Никитич был так рад прощению и вновь призыву на ответственную службу, что при расставании с Аленой и своими тремя детьми (восьмилетним Алешкой и пятилетними близняшками Пашкой

и Машкой) впервые не почувствовал тоскливого укола в сердце. Эти прощальные, как он сам их называл, уколы сопровождали каждый его отъезд из дома с тех пор, как в его жизни появилась прекрасная индейка, выбравшая в мужья русского крепостного мужика. Алена, как всегда, не проронила слезинки, лишь сказала: «Мы тебя все будем ждать», — и взглянула как-то по-особому, словно опрокинула себя в его душу, а он, торопясь на корабль, внимание-то на взгляд обратил, но не придавал тому значения. И дети, обычно шумливые и веселые, были хмуры и сдержанны. Подумал: наверно, мать за что-нибудь наказала, переживут, — и отмахнулся.

Потом вспоминал это прощание и жалел, что так безмысленно отнесся к чувствам самых родных людей, и слова Алены обретали какой-то особый, глубоко запрятанный смысл. Это происходило почти каждое утро перед рассветом, Тимофей вставал с тяжелой головой, но выпивал чашку крепкого холодного чая, оставленного с вечера, выходил на палубу и встряхивался, видя на мостике капитана, а на линии горизонта огромное сияющее солнце.

Все дни погоды стояли ясные, штилевые, так что парусами — а у фрегата было и парусное вооружение — пользоваться не понадобилось: «Святой Николай» успешно шел на двух гребных колесах, расположенных по бортам, делая до трехсот морских миль в сутки.

С Леонтием Андриановичем нашлось, о чем говорить, и они все две недели похода провели вместе, то в капитанской каюте за рюмочкой рома и крепким чаем, то на мостике, расставаясь лишь на время сна. Леонтий Андрианович каждый разговор сворачивал на понятную ему дорогу, вдоль которой цепочкой стояли Гавайи с их значением для РАК и России, Росс и Калифорния, Аляска и Алеутские острова, Русская Америка в целом (кстати, именно он впервые применил понятия «Русам» и «россамеры» — для удобства в разговоре) и ее влияние на Российскую империю... Эти вопросы он готов был обсуждать с утра до вечера, тем более что Баранов поделился с ним своими надеждами на преемственность, и Леонтий Андрианович в беседах с Таракановым стремился, как он выразился, «обкатать» свои идеи по развитию колонии.

О Баранове он лишь однажды обронил:

– Замечательный правитель Александр Андреевич, далеко вперед смотрит, одно плохо, что людей возле себя держит... нехороших...

– А где их взять, хороших-то? — меланхолично откликнулся Тимофей. — Какие уж есть.

– Нет, — покачал головой Леонтий Андрианович, — если я стану правителем, буду ставить на должности строго по способностям и неукоснительно следить, чтоб не воровали. Иначе порядка не будет!

– Тяжко тебе придется, Андреяныч. Чиновный люд зело памятливыи и добрые дела не прощает, — вздохнул Тимофей. — Но дай те Господи сил на свершение этого подвига.

Глава 21

В тот же день

На переговоры с Каумуалии Тараканов отправился в сопровождении двух матросов, вооруженных ружьями и тесаками, и переводчика из тех промышленных, что вернулись на «Уналашке». Толмач, казанский татарин по имени Габидулла Рахматов, все пытался втолковать русскому начальнику, что местные князья и цари очень коварные и с ними надо разговаривать осторожно, призывая Аллаха в свидетели и помощники, на что Тимофей Никитич отвечал, усмехаясь:

– Ты, Рахматов, магометанин, к Аллаху ближе, нежели я, — вот и призывай его. А нам, христьянам, Бога беспокоить по таким пустякам неуместно.

Однако напрасно усмехался представитель Компании. Выйдя из шлюпки на пустынный, вроде бы, берег, он со всеми своими спутниками, внезапно был атакован выросшими, как из-под земли, воинами. Причем вооруженными уже не копьями и луками, а вполне современными ружьями. Сопротивляться было бесполезно, Тараканов приказал матросам сложить оружие и потребовал через толмача отвести их к владельцу острова Кауаи для переговоров.

– Владелец островов Кауаи и Лехуа великий Каумуалии повелел с пришельцами из России обращаться как с предателями, — заявил предводитель воинов, пленивших посланников. — Русский начальник Шеффер обещал военную поддержку против короля Камеаеа, а сам сбежал. И великий Каумуалии вынужден был уйти в горы, пока ничтожный Камеаеа хозяйничал на острове.

– А что значит, уважаемый, — обращаться как с предателями? — поинтересовался толмач от себя.

– Это значит привязать вас к пальмам, станцевать танец позора, а потом скормить акулам, — важно ответил предводитель и подал знак своим воинам.

Не успели посланники, как говорится, и глазом моргнуть, как оказались прикрученными лианами к стволам деревьев, росших

неподалеку от кромки воды. И воины завели вокруг танец позора.

– А меня-то за что? — завопил толмач. — Я — не русский и никого не предавал. Я ведь жил среди вас, я ваш язык олело хавайи знаю. И у меня есть что сказать великому Каумуалии...

– О чем ты им талдычишь, Габидулла? Чего они от нас хотят? — спросил Тараканов. Рахматов не стал посвящать его и матросов, которые все переносили молча и терпеливо, в тонкости недалекого будущего.

– Подожди, Никитыч, не мешай вести переговоры, — мотнул головой татарин. — Нет, скажи лучше: какой знак надо подать капитану, чтобы пришли на помощь.

– Махнуть белым платком. Они с мостика следят за нами в подзорные трубы. Чуть что — с пушек вдарят.

– Что ты хочешь сказать великому Каумуалии? — поинтересовался предводитель. — Говори мне, а я передам то, что нужно.

– Корабль в море видишь? Он привез подарки великому Каумуалии, но на корабле есть очень большие ружья, которые одним выстрелом могут убить несколько воинов, а двумя-тремя выстрелами разрушить и сжечь целую деревню. Представляешь, что будет, если эти ружья начнут стрелять по острову?

– Таких ружей не бывает, — заявил предводитель.

– Не веришь? Прикажи: пусть кто-нибудь из твоих воинов возьмет у меня из кармана белый платок и махнет им — все увидят, как стреляют большие ружья.

Рослый воин вытащил из кармана рахматовской куртки платок и помахал им из стороны в сторону.

«Святой Николай», стоявший на якоре в двух-трех кабельтовых от берега, немедленно пыхнул пороховым дымом, присвистевшее небольшое ядро врезалось в ствол недалекой пальмы, и та, с треском переломившись, рухнула на золотой песок.

Воины Каумуалии вместе с предводителем с дикими воплями рванули в джунгли, оставив посланников России привязанными к пальмам.

Освободили их прибывшие на шлюпке матросы во главе со старшим помощником капитана, лейтенантом Андреем Рузавиным.

– Что делать будете, Тимофей Никитич? — поинтересовался Рузавин. — Миссия сорвалась? Переходим к силовой части?

– Рано, Андрей Палыч, рано. — Тараканов походил по мягкому песку, разминая затекшие ноги, помахал руками. — Миссия, почитай, токмо начинается. А это, — махнул рукой на сброшенные веревки, — это беда, ли чё ли? Так ведь знавали и хужей. Габидулла, — обратился он к толмачу, — перво-наперво поклон тебе низкой за хитрость твою, а дале — вопрос: ты в энтих местах бывал, дорогу к их князьку знашь?

Рахматов, расцветший от похвалы начальника, торопливо закивал:

– Проведу, Никитыч! И тропки знаю, и дорогу главную. Я все исходил, когда мы тут зимовали...

Идти никуда не пришлось: из джунглей на берег вывалилась целая процессия — заявился Каумуалии со всем семейством и приближенными. Вел процессию предводитель воинов — сам владетель острова толкал его в спину древком копья. Русские посланники едва успели выстроиться, как говорится, по ранжиру — то есть полномочный представитель с толмачом впереди, остальные за их спиной.

Приблизившись, Каумуалии резким тычком бросил предводителя в песок — тот распростерся плашмя, — поставил ему на голову босую ногу, украшенную нитками бус и ракушек, и величаво оперся на копье. Из-за его спины выдвинулся седовласый мужчина в длинной хламиде из разноцветных полос и произнес довольно длинную фразу. Рахматов начал переводить, не дожидаясь ее окончания:

– Великий владетель островов Кауаи и Лехуа, сын священной горы Каваикина благоднесущий Каумуалии приветствует посланников своего большого брата, благословенного русского короля, и желает им богатой рыбной ловли, вкусного мяса свиней, множества плодов в садах и сладчайших напитков из этих плодов. Да пребудет так!

Тараканов поклонился и ответил:

– Главный правитель Русско-американской компании передает свое приветствие и пожелание здоровья великому владетелю и его семейству, а также его приближенным и их семействам и предлагает незамедлительно провести переговоры о торговых и иных отношениях между великим владетелем и Компанией.

Сказал без запинки, потому что выучил наизусть, как было велено Барановым.

– Это — главное вступление, Тараканыч, — учил Александр Андреевич. — Далё можешь своими словами, а это скажи точь-в-точь!

Тимофей вручил Каумуалии и его жене подарки — накидки из мехов: владетелю — бобровую, его жене — беличью. После чего русская миссия была тут же препровождена в отведенную для полномочного представителя и его окружения резиденцию — большую круглую хижину, покрытую широкими банановыми листьями. Пол в хижине застелили циновками, заставленными глиняными блюдами с местными яствами, в многочисленных тыквенных бутылках, как оказалось, содержались бодрящие и веселящие напитки. Угощали и развлекали посланников местные красотки (и верно, весьма прелестные), на которых из одежды были только набедренные повязки, то и дело ненароком сползающие, да множество ниток с бусами. В общем, все для истинно мужского отдыха...

А на следующий день прошли переговоры.

Тараканов предъявил Каумуалии оставленную Шеффером копию договора, по которому все сандаловое дерево (оно очень высоко ценилось в Китае и Европе), произрастающее на подвластных князю островах Кауаи и Лехуа, передавалось в распоряжение Русско-Американской компании, и торговать им могла только РАК; русским также позволялось основывать фактории на указанных островах; Каумуалии принимал покровительство русского императора, в случае войны с Камеаеа передавал командование своими воинами русским, а в случае победы в такой войне отдавал России для ее нужд половину острова Оаху.

Каумуалии выслушал внимательно перевод Рахматова и вдруг сказал по-русски, нещадно коверкая слова:

– Я радоваться вернуть старый договор. Я хотеть прогнать американа большие лодки. Камеаеа хотеть великая власть и не пускать русские люди на Гавайи. — И добавил уже по-гавайски: — Каумуалии готов сменить Камеаеа на главном острове Оаху, стать королем и поднять над всеми островами флаги русского благословенного короля.

– Флаги Русско-Американской компании, — поправил Тараканов. — А опосля, может быть, даст Бог — и Российской империи. Торопитесь не спеша, великий.

Каумуалии выслушал перевод и важно кивнул, соглашаясь.

На следующий день над руинами Елизаветинской крепости взвился компанейский флаг — трехполосный с небольшим черным двуглавым орлом у древка на более широкой белой полосе. В когтях орла висела лента с надписью «Российская Американская Компания», а на груди краснел щит с изображением святого Георгия на белом коне.

Гагемейстер и Тараканов оставили на Кауаи команду во главе с лейтенантом Рузавиным — для скорейшего восстановления форта и фактории — и двинулись на юго-восток. Леонтий Андрианович решил пройти вдоль архипелага с северной стороны, обогнуть остров, давший название всему собранию этих кусочков суши, и с юга прийти к Оаху, не самому большому, но главному острову королевства. Пушки держали наготове — мало ли что могли устроить бостонцы, которые, по словам Каумуалии, вели себя тут как хозяева.

Они и попытались устроить.

Когда «Святой Николай» проходил близкую пару островов Молокаи и Мауи, из пролива между ними выдвинулись три парусника — два брига и гафельная шхуна. Что характерно, все — без флагов принадлежности. Выстроившись в линию параллельно движению фрегата, они пошли встречным курсом на сближение. Вахтенный офицер «Святого Николая» заметил в подзорную трубу подготовку артиллерии противника и объявил общую боевую тревогу. Появившийся на мостике командир приказал все пушки распределить по правому борту, что и было исполнено за каких-то десять минут. На каждый артиллерийский порт пришлось по две пушки — стрелять должны были по очереди. Половину орудий зарядили брандскугелями^[29], другую половину — картечью. Из-за дополнительной тяжести на борт фрегат немного накренился — это сказалось бы на точности и дальности стрельбы. Поэтому на левую сторону палубы стащили все, что смогли, — для противовеса — и хоть не до конца, но крен выровняли.

Расстояние между кораблями сокращалось — напряжение нарастало. Старшие комендоры застыли у своих пушек с зажженными фитилями в руках.

— Без команды огонь не открывать! — приказал капитан. — Надеюсь на их благоразумие, — пояснил он стоящему рядом Тараканову.

Тот лишь головой покачал, дивясь наивности опытного офицера: бостонские капитаны славились высокомерным безрассудством. Ну да не ему, Тимофею, указывать командиру, тем паче, что тот на корабле — царь и бог. Но Тараканов удивлялся и странной тактике бостонцев, наверняка проистекавшей из того же безрассудства. Их бригам следовало бы взять фрегат в «клещи» и разом навалиться с двух сторон, а не выстраиваться в линию, позволяющую русским схватываться с противником по очереди. Однако что вышло, то вышло.

Для бостонцев вышло плохо.

Они начали первыми. Шедший во главе кильватерной линии бриг «Конститьюшен», оказавшись на траверзе фрегата, недолго думая, саданул из пяти 18-фунтовок, да, видно, угол к горизонту взял низкий, и ядра, не долетев до фрегата, подняли фонтаны воды.

— Ну, коли вы так, — сердито сказал Гагемейстер, — то мы вот эдак. — И подал знак «пали!».

Пушки дружно рывкнули, и десяток брандскугелей с дымящимися хвостами врезались в деревянный борт и надстройки верхней палубы брига. Раздались взрывы, полетели обломки рангоута, заметались языки огня. Экипажу стало не до артиллерийской дуэли — надо было срочно тушить пожар. На бриге переложили руль, и он круто пошел влево, уходя от очередного залпа.

Второй шла шхуна. По ней фрегат ударил картечью, и этого ей оказалось достаточно, чтобы бежать с поля боя.

Второй бриг, не дожидаясь своей порции снарядов, последовал за шхуной.

А на «Конститьюшен» пожар разгорелся не на шутку. Команда не справлялась с огнем, пожирившим разрушенный такелаж и трюмы судна, там и сям замахали белыми тряпками, призывая на помощь. Прыгать за борт матросы опасались: в воде были замечены акулы.

Гагемейстер приказал спустить шлюпки и налегать изо всех сил на весла ради спасения людей.

Спасли всех, кроме четырех убитых взрывами — трех матросов и боцмана. Последним полыхавшее жаром и медленно погружающееся в глубину судно покинул капитан Майкл Коннери.

Прибыв на фрегат, он отдал свою шпагу капитану Гагемейстеру и поинтересовался, как будут относиться к его экипажу.

— Как к спасенным после кораблекрушения, — ответил Леонтий Андрианович, возвращая шпагу. — Россия не воюет с Соединенными Штатами, и вы не военнопленные.

— Я склоняю голову перед вашим благородством, — напыщенно сказал Коннери, — и прошу принять мои извинения в связи с инцидентом. Мы вас приняли за конкурентов.

— Вот как?! — в голос хмыкнули и переглянулись капитан фрегата и полномочный представитель РАК.

— А вы что, уже обосновались тут? — любопытно спросил Гагемейстер, приглашая Коннери в кают-компанию на обед.

— О да! Местный король без нас шагу ступить не может. Предлагает любые льготы, лишь бы мы снабжали его современными товарами.

— Это какими же? — проявил интерес теперь уже Тараканов.

— Теми же, какие ваша Россия покупает в Европе, — усмехнулся Коннери и победно глянул на своих недавних победителей: вот, мол, как я вас поставил на место, вам подобающее.

Они оба отлично поняли подкладку слов бостонца и отнеслись к ним почти одинаково — озабоченно, только озабоченность эта выразилась по-разному.

— А крыть-то нам, Андреяныч, нечем, — сказал по-русски Тараканов. — Из России, ли чё ли, эти товары везти? Так выйдет себе дороже.

— А не надо из России везти, — возразил Гагемейстер тоже по-русски. — Надо в Русаме свои производить. Чтобы не хуже были европейских. Штатники делают, а мы что, не сможем? Как говорят у нас в Эстляндии: если нет своих крыльев, чужие тебя не поднимут.

— Ишь ты-ы! — восхитился Тараканов. — Ладный, однако, выйдет из тебя правитель! Не хуже Андреича. А у нас тоже, знаешь ли, поговорка имеется: не боги горшки обжигают. Вот! Вызнаем у здешнего короля, что ему бостонцы всучивают, и предложим то же, да подешевше. Глядишь, и решим все добром да ладом. А?

— Ну, вряд ли Баранов или даже я быстро сумеем наладить в Русаме производство товаров европейского качества... — с сомнением протянул Гагемейстер.

Тараканов немного подумал. Посмотрел на Коннери, который потягивал ром, равнодушно внимая разговору на незнакомом языке, и

лицо его просветлело.

– А быстро навряд ли понадобится. Бостонцы наверняка уже снабдили его барахлом на много лет вперед. А главное, думается мне, королю не одежды да обуви спонадобятся и даже не ружья с пистолетами, — просить он будет то, что ему, окромя Русама, никто не даст...

– И что же это такое? — удивился Гагемейстер.

– Фрегат железный, как наш «Святой Николай», — торжествующе заявил Тараканов. — Он ему нужен, чтобы власть свою над всеми Гавайями держать. А мы ему фрегат дадим вместе с командой — матросов-то у него нет! — да еще и винтовой. И уголь будем продавать для машины. Вот и будет король наш с потрохами!

– Ммда, в этом что-то есть, — согласился глава Адмиралтейства. — Передадим королю тот, что начали строить. А два фрегата, да еще с полным вооружением, живо отвадят от архипелага всех, кому тут быть не полагается.

– С тем и пойдем на переговоры, — заключил полномочный представитель Российско-американской компании.

Переговоры прошли более чем успешно.

Тараканов как в воду глядел. Королю Камеамеа после осмотра «Святого Николая» захотелось иметь точно такой же корабль, разумеется, вместе с командой. Что и было отмечено в двустороннем соглашении. РАК получила право основывать на островах свои торговые фактории, строить форты и заниматься хозяйством и взяла на себя обязательство охранять королевство Гавайи от любых внешних посягательств. Интересы Каумуалии в расчет не принимались.

Компания открыла на Оаху свое постоянное представительство, возглавить которое, по настоянию короля, пришлось Тимофею Никитичу. Вот тут и вспомнил Тараканов хмурые проводы на причале Ново-Архангельска и в который раз пожалел, что так небрежно обошелся с самыми родными людьми. Кто знает, сколько тут придется прожить!

Оставалось одно: выписать сюда, на Гавайи, всю семью.

Глава 22

Осень 1819 года

Эмильен Текумсе пил «горькую» и не пьянел. Да и с чего пьянеть-то — кактусовая водка была слабенькой и даже сладковатой, для русского человека, вроде кваса или бражки, — а Эмильен, несмотря на имечко, был русским. Правда, ежели бражки выхлебать хороший жбан — можно забалдеть, а этот мескаль, поставляемый контрабандистами из Мексики, никак не «цеплял».

И все ж таки контрабандисты молодцы, подумал Эмильен, открывая очередной штоф, ежели б не они, вообще можно было бы с тоски окочуриться.

Тосковал Пугач от безделья, а делом для него после битвы у Александровского поста стала война. Сейчас он вот уже два месяца сидел с бригадой русских волонтеров в этом городишке, название которого невозможно запомнить, и пил мескаль. Волонтеры разместились по несколько человек по квартирам и занимались, наверное, тем же — командир не интересовался. Военные действия закончились — надолго ли, никто не знал. Последние полгода пришлось почесать кулаки с республиканской Мексикой, вздумавшей предъявить права на Новую Испанию, которая как раз и представляла собой федерацию Орегона и Калифорнии вкупе с владениями Российско-Американской компании на побережье океана — где-то около восьми сотен верст в длину и сотню в ширину. Четыре месяца вламывали армии Мигеля Идальго^[30], пока тот не понял, что не следует вести себя так же, как поганые колонизаторы, и борцам за независимость лучше дружить между собой, а всем вместе — с русскими.

И теперь вот — два месяца отдыха, черт бы его побрал!

Верховный вождь племен Орегона и Калифорнии Маковаян отбыл в Священный город Текумсе, столицу федерации. Он увлеченно занимался ее строительством — гораздо охотнее, чем войной. А у Эмильена другого занятия не было.

В доме, отведенном под пребывание командующего русскими волонтерами, было пусто. Женой бригадир Текумсе за годы сражений не обзавелся, как, соответственно, и законными детьми. Количеством незаконных он не интересовался, поскольку после ритуала, проведенного шаманом Вэмигванидом над ссыльнопоселенцем Елифанцевым, у бывшего каторжанина мужская сила не только восстановилась, но и многократно возросла и проявляла себя в полной мере к вящему удовольствию многих индеанок, испанок и мексиканок. Однако следует сказать, что помощь шамана потребовалась в первую очередь все-таки не для удовлетворения страстных женщин, а для возвращения Елифанцева к обычной жизни.

Тогда, семь лет назад, подлый удар матроса ножом в бок идущего ко дну «русского ублюдка» стал для него воистину спасительным. Придя в себя, Пугач одной рукой — вторая, раненная в плечо, бездействовала — выгреб под корму шхуны, вынырнул и передохнул под акростолем, возле рулевого пера, а затем мощным нырком ушел к берегу.

Выбрался, оклемался, а Вэмигванид уже через день поставил Огненноглавого Бизона на ноги. А еще через три дня сводный отряд русских волонтеров и индейцев под командованием Елифанцева и Маковаяна в пух и прах разгромил основные силы Томпсона и гнал их на восход, пока жалкие группки рейнджеров не пропали-растворились в просторных степях Луизианы.

Тогда Маковаян созвал на Большой Совет вождей многих племен, живущих на границе Орегона и Луизианы, и произнес перед ними «Слово Огня».

— Пятнадцать лун я был учеником и помощником у великого Текумсе, вождя наших братьев шауни и учителя всех племен и народов, которых бледнолицые называют индейцами, — говорил Маковаян, стоя в свете огромного костра, вокруг которого сидели вожди. — В четырнадцать лет он и его братья Чисиква и Тенскватава стали сражаться и сражаются до сих пор с белыми из так называемых Соединенных Штатов, которые оружием или обманом, подкупая или спаивая «огненной водой» слабых духом вождей, захватывают наши земли, стремясь дойти до Орегона, Калифорнии и дальше — до Великой Воды. Текумсе призывал племена на берегах Миссисипи объединиться, чтобы остановить белых захватчиков. Он говорил: «Где

сегодня пекоты, где могикане, где наррагансеты, где поканеты и другие могущественные племена? Они исчезли перед лицом алчности и натиска белых, как снег под действием солнца. Не спите более, о чоктавы и чикасавы! — говорил учитель, обращаясь к вождям чоктавов и чикасавов, как я сейчас обращаюсь к вам. — Разве вы хотите, чтобы кости ваших предков были перепаханы, а их могилы превращены в пашни? То же будет и с вами! Скоро, очень скоро ваши густые леса будут срублены, чтобы огородить заборами участки белых, скоро, очень скоро их широкие дороги пройдут через могилы ваших отцов. Вас тоже сгонят с ваших исконных земель, и вы будете, как листья, летящие впереди зимнего ветра. Белые, идущие от Аппалачей и Большой Воды, из которой поднимается солнце, обещают много, но не выполняют своих обещаний, обманывая вас. Не спите более, братья, в кажущейся безопасности и обманчивых надеждах! — Так говорил учитель чоктавам и чикасавам, а я говорю сегодня вам. — Вспомните: до того, как среди нас появились белые люди, мы не знали ни бедности, ни притеснения. А как теперь? Разве нас не лишают шаг за шагом наших исконных свобод? Как долго это будет длиться — пока бледнолицые не привяжут нас к столбу и не будут бить хлыстом, заставляя работать на них на своих полях? Что мы будем делать? Сдавать ли без борьбы наши жилища, нашу землю, которую дал нам Великий Дух, оставлять на поругание могилы наших предков и всё, что нам дорого и свято, или умереть, сражаясь? Да, мы все умрем, если будем лишь каждый за себя: нас перебьют поодиночке. Единственный наш путь, чтобы остановить захватчиков, — это объединиться самим и объединить наши земли — как это было изначально, как должно быть, потому что Великий Дух дал их нам целиком и повелел никогда не делить». Так говорил Текумсе, когда создавал великую Индейскую Конфедерацию, которой боялись Соединенные Штаты, а сегодня я спрашиваю вслед за ним: «Что мы будем делать? Объединимся, чтобы сражаться всем за всех, или разбежимся по лесам и прериям и будем жить каждый для себя и умирать каждый за себя?»

Маковаян говорил горячо, страстно, иногда вскидывая правую руку с зажатым в ней ружьем Мортимера, и тогда бурая медвежья шкура на его плечах топорщилась, а медвежья голова, надетая как шапка, казалось, скалила клыки — таким Емельян его не видел даже в сражении. Сам он сидел в сторонке, не слушал, поскольку все едино не

понимал языка, зато внимательно следил за вождями, чьи суровые горбоносые лица то и дело озарялись вспышками кострового пламени. Надеялся что-то прочесть в их выражениях, но оказалось, что это бесполезно: лица оставались бесстрастными. Когда Маковаян закончил, вожди какое-то время сидели молча и неподвижно, потом один из них пошевелился и заговорил. Маковаян потом сказал, что это был вождь земледельцев-навахо, и примерно передал суть его слов, да и других высказываний тоже.

– Ты хорошо говорил, о Медвежья Шкура, — медленно произнес Кукурузный Початок. И продолжил столь же важно: — Мое племя знает про Текумсе, нам его имя принесли ветры Великих Прерий. Но я думаю, его недаром называли Падающей Звездой. Да, звезда ярко горит, пока падает, но упадет и — гаснет, а после нее становится еще темнее. Где та великая Индейская Конфедерация, которой боялись Соединенные Штаты? После сражения у реки Типпекано генерал Харрисон сжег Священный город Провидца, и федерации не стало. Звезда погасла.

– Это не так, — возразил Маковаян. — Та, первая конфедерация потерпела поражение из-за таких предателей, как вождь чоктавов Пушматаха, который переметнулся к Штатам. Великий Текумсе снова собирает свои племена, и я, его верный ученик, призываю здесь, на Большом Плато, создать свою федерацию.

– Текумсе и ты, Медвежья Шкура, вы призываете сражаться за наши земли с белыми пришельцами, — вступил в разговор вождь шошонов Зоркий Глаз, — а сами у белых помощь просите...

– Мы все очень разные люди, и белые тоже разные, — возразил Маковаян. — У Текумсе друг и помощник британский генерал Брок, у Медвежьей Шкуры — русский Огненноглавый Бизон. Русские добровольцы помогают нам против белых из Штатов, они хотят с нами дружить, хотят, чтобы мы создали свою империю, подобную тем империям, какие были у инка и майя, чтобы мы сами распоряжались своими прериями, лесами и водами...

Не все тогда согласились с Маковаяном, потому что враг был еще далеко, но десятка полтора из многочисленных племен Большого Плато между Скалистыми и Каскадными горами примкнули к союзу мака, якима и квилеутов. А вскоре погибли друг индейцев генерал Брок и сам Текумсе, и войска Соединенных Штатов вплотную

подошли к землям шошонов, навахо, атапасков... Тогда Большой Совет племен и провозгласил основание федерации Орегона и Калифорнии, избрал Маковаяна верховным вождем и присвоил русскому Огненноглавому Бизону почетное имя Текумсе. А имя Эмильен получилось само собой из Емельяна.

– Текумсе... Текумсе... — задумчиво бормотал Пугач, наливая из очередного штофа очередную чарку мескаля. В чарку упал с потолка небольшой москит и заработал крыльшками, пытаясь выбраться. Эмильен с интересом смотрел на его усилия. — И куды мы движемся, держи меня за ноги...

Ногтем мизинца он подцепил москита, стряхнул его на пол и поднес чарку к проглянувшему из рыжих зарослей рту, однако выпить не успел. Увидел в дверном проеме слишком тонкую для волонтера фигуру в широкополой шляпе и, отшвырнув чарку, схватился за ружье, всегда находившееся под боком.

– Не советуя, яшкин пёс, — приятным женским голосом по-русски сказала фигура. Правая рука ее выхватила из кошелька на боку пистолет, и недавно опустошенный штоф на краю стола разлетелся вдребезги. — Антон Козырев сказал, что ты вряд ли хорошо стреляешь — любишь кулаки почесать, но мой учитель у-шу говорил, что кулаки — оружие ненадежное. Впрочем, как и это ружье.

Емельян слушал гладкую речь, переводя взгляд с фигуры на осколки штофа и обратно. В горле запершило — пришлось откашливаться, после чего он смог произнести:

– Ты кто? Откуль взялася?

– Взялася Маса, а я — Алиса.

– Али-и-иса, держи меня за ноги, — ухмыльнулся Эмильен. Правда, ухмылка, к счастью для него, завязла-затерялась в рыжих зарослях. — Это кто ж твой батька с мамкой, что такое имечко дали?

– В зеркало посмотришь — Эмильен! Как был Емеля, так Емелей и остался. Только что — без печки.

Фигура вышла из дверного проема на свет, и у Пугача дух занялся: ой-ё-ёй, что за девка! И впрямь — Алиса, само имя — как песня тянется. Не сказать, что красавица, — но глаз не отвести! Очи — огромные серые, будто небо хмурое, а — сияют, губы — ярче спелой клюквы, шляпу сняла — лен отмытый по плечам раскинулся. Царевна из сказки, да и только! Емельян никогда в лица полюбовниц

своих не вглядывался — довольствовался понятием: бери, что дают, и будь доволен, — а тут от одного взгляда потом холодным облился и сразу в жар бросило. А может, это по пьяни, подумал он, однако никакого хмеля в голове не почувствовал — наоборот, она показалась пустой до звонкости.

На царевне была коричневая замшевая куртка с отделкой кожаной бахромой, под курткой — серая рубаха с открытым воротом; замшевые штаны, тоже бахромистые по швам, обтягивали стройные ноги, на которых красовались сапоги с медными шпорами. На широком поясе слева висели ножны с широким индейским ножом, справа — кожаный кошель, из которого торчала черная рукоятка пистолета.

Все — в желтой пыли, кроме, кроме штанов — хмм! — между ног: видать, долго была в седле. Пугач с трудом отвел глаза и демонстративно зевнул: подумаешь, фифа!

Между тем гостя села на мягкую лежанку, откинулась на ее спинку и уставилась серыми глазищами на Огненноглавого Бизона, то бишь бригадира Эмильена Текумсе.

– Тебя интересуют мои родители? — улыбнулась, приоткрыв чистые белые зубы. — Они — цирковые артисты. — Взяла открытый штоф, понюхала горлышко. — Ты что пьешь, герой-бедолага? Мескаль? Хуже него лишь китайская гаоляновая ханшина.

– А у тебя есть чёй-то лучшэй? — Эмильен не мог оторваться, отвести глаза от ее улыбки. Говорил, а в душе клубилось что-то подобное торнадо, вкручивалось в голову, мутило мысли. Хотелось стать на колени перед этой странной девкой и молить о ласке. Чтобы ее маленькая ладонь легла на его рыжие лохмы и потрепала их, как когда-то давно делала соседская Наталка, синеглазая и такая же беловолосая, его Наталка, которую ссильничал тот самый приказчик из мелочной лавки, здоровенный бугай. Пугач не смог его заломать, пока не приложил оглоблей, вывернутой из саней, после чего и расквасил поганую харю до полной неузнаваемости... Козырю и другим товарищам по каторге он о том сказывал иначе, ну так им и ни к чему было знать всю правду-истину. Зато история самого Антохи Козыря легла на его собственную, как лист подорожника на свежую рану: значит, не одному ему так свезло. Потому и скорешился с ним, тем паче опосля драки.

Алиса откуда-то из-за спины вытащила круглую плоскую флягу, отвинтила крышку и подала Эмильену:

– Рот-то у тебя где — заблудился в бороде? — И засмеялась нехитрым виршам.

Емельян понюхал — пахнуло родным духом. Глотнул и зажмурился от удовольствия: вот оно, хлебное русское вино!

– Пей да дело разумея, яшкин пёс, — сказала девушка.

– Како тако дело? — спросил Пугач и еще глотнул. — Уж котору неделю тутока сидим... безо всякого иного дела, держи меня за ноги.

– Будет дело, — усмехнулась Алиса. — Сюда направляется кавалерийский полк под флагом Штатов. Они разбили лагерь верстах в десяти от твоего местечка, отдыхают, а утром, скорее всего, нагрянут.

– Откуль знашь? — оживился Эмильен. Еще раз глотнул из фляги и с видимым сожалением вложил ее в протянутую гостьей руку.

– Оттуль, яшкин пёс, — сердито сказала царевна, взвесив флягу в руке. — Мимо ехала. — Завинтила крышку и спрятала флягу.

– А чего ехала? — наконец-то поинтересовался бригадир.

– А вражий полк тебя не касается? — насмешливо любопытствовала она.

– Время ишшо есть, — отмахнулся бригадир. — Ты верно сказала: раней утра мериканы не двинутся. Не любят они по ночам биться, держи меня за ноги.

– Ну, коли время ишшо есть... — Алиса явно передразнивала Пугача. Он понял и набычился. — Тады слухай. Да ладно, не обижайся. — И продолжила серьезно: — Меня сюда отправил Кусков Иван Александрович, если ты по пьяни не забыл, — правитель Русской Калифорнии. Задача — опробовать в деле образцы нового оружия, которые изготовили механики Черепановы...

– Про таких не слыхал, — обронил бригадир.

– Еще услышишь, — пообещала гостья. — Одно ты уже лицезрел, — девушка похлопала по кошелю на боку. — Называется пистолет Мирона Черепанова. Шестизарядный, скорострельный.

– Покажь!

Алиса вынула огнестрел, пояснила:

– В казенную часть вставлен бочонок с патронами по кругу. Шесть штук в медных гильзах с поджигами. Курок с бойком отжимаешь, прицеливаешься и давишь на спуск, боек бьет в поджигу,

пистолет стреляет. Бочонок передвинул на следующий патрон, и все повторяешь...

– А как перезаряжать? — перебил Эмильен.

– Вот тут зажим. Отодвинул его, бочонок вынул и заменил на другой, уже снаряженный. Быстро и легко, яшкин пёс.

– Вижу, держи меня за ноги. — Эмильен внезапно охрип. Видимо, от волнения, которое охватило его при рассмотрении чудесной боевой машинки. — И скоко их привезла?

– Скоко дали, стоко и привезла. — Алиса снова подцепила командующего волонтеров, но он не обратил на это внимания, занимаясь пистолетом: передвигал бочонок, прицеливался, крутил рыжей башкой. Алиса даже поскучнела и продолжила с холодком: — Один. Для командира. И к нему — шесть заряженных бочонков. Опробуем — все увезу обратно. Патронов пока мало. Но у меня не только пистолет.

– А чё ишшо?

– А ишшо, яшкин пёс, — не сдержалась Алиса, — винтовка Мирона Черепанова с патронной лентой на двадцать выстрелов и сменными стволами.

– О как! — крикнул Эмильен. — А стволы сменные для ча?

– Чтобы не тратить время на их чистку. Пять-шесть выстрелов сделал, ствол сменил и снова готов! А чистишь от нагара — потом, после боя.

– И где энта лепота?

– В тороках у седла. Не тащить же на горбу.

– И чё, ты все семьсот верст одноконь пробегла? — не поверил Эмильен.

– Да нет, конечно, яшкин пёс. Индейцы давали проводников и охрану. Последние остались следить за штатовским полком. Перед их атакой сообщат.

Глава 23

На другой день

Ближе к полуночи Эмильен Текумсе собрал военный совет. Представил сотникам посланницу Кускова, познакомил с образцами оружия — все пришли в неописуемый восторг от новых возможностей и пожелали успешных испытаний. Впрочем, пистолет опробовали тут же, в кабинете, шлепнув не ко времени явившегося скорпиона. Хотели пострелять еще, но Алиса не позволила — следовало беречь патроны. Они, кстати, тоже произвели на волонтеров ошеломляющее впечатление своей простотой и удобством.

Бригада по тревоге была поднята перед рассветом. К восходу солнца все отряды заняли назначенные командирами места. Позиции волонтеров располагались так, что образовывали «мешок», в который кавалерийский полк должен был влететь сам и на полном скаку. На «завязку» «горловины мешка» бригадир выделил лучший отряд, и туда же направил было Алису. Однако гостья потребовала, чтобы ее поставили на самое удобное для стрельбы место, и после недолгих препирательств Эмильен, не умеющий спорить с упрямыми женщинами, уступил.

— Становись куды хошь, — сказал он, махнув рукой. — Хучь посередь главной улицы. Мериканы рванут по ней. Но учти: сколь пропустишь мимо себя — столь получишь принародно плетей. Не взыщи — у нас такой закон, держи меня за ноги.

Обступившие командира и посланницу рядовые волонтеры с интересом воззрились на нахальную девицу, возжелавшую встрять в сугубо мужеское дело — войну.

— Закон суров, но это — закон, — ответствовала бой-девица. — Не скажу, что ваше правило меня радует, но, надеюсь, плети не понадобятся. Хотя любой опыт, яшкин пёс, чреват провалом.

Волонтеры покивали, похмыкали и разошлись по своим местам. Эмильен посмотрел им вслед, вздохнул и сказал:

– Ну ты энто... на рожон-от не лезь... Жаль будет таку красу, ежли чёй-то пойдет вперекосяк...

– Смешно, — задумчиво произнесла Алиса. И добавила загадочные для бригадира слова: — Вот как в жизни бывает: вышла с одним заданием, а пришла — с другим. Можно сказать — с прямо противоположным, яшкин пёс. — Встряхнулась и повернулась к бригадиру: — Ну, что, Емельюшка, садись на свою печку и — вперед! Хиромант обещал мне еще лет сорок и прожить их, яшкин пёс, надо так, чтобы не было мучительно больно.

(Откуда было знать Емельяну Епифанцеву, что эти последние слова Алисы станут слоганом книги их общего потомка, ветерана русской монархической революции Николая Заостровцева? Книга будет называться «Закалка стали» и войдет в обязательную гимназическую программу. Ее герой Павел Кольчугин будет жизненным примером для молодежи СНЕГа — Союза Независимых Государств, а цитата попадет в книгу из воспоминаний соратников о прадеде и прабабке автора. Кто-то услышал ее, запомнил, и она, цитата эта, стала кредо жизни соратников.

Правда, без «яшкин пёс». Журналисты, подхватившие фразу, сначала об этом любимом Алисой присловье упоминали, и сам Заостровцев тоже, но редакторы посчитали его вульгарным, принижавшим героический образ предков, и исключили из текста.)

Алиса лежала на плоской крыше одноэтажной пристройки к резиденции бригадира, скрываясь за углом второго этажа. Главная улица была перед ней как на ладони, и уровень прицела открывался весьма хороший — по всадникам в самый раз. Винтовка Черепанова была тяжеловата, и Алиса поставила ее на сошки. (Головастый, однако, парень Мирон, подумала она, все предусмотрел.)

Справа от себя она положила четыре зарядные ленты — весь привезенный боезапас — и четыре же сменных ствола. Стволов, конечно, маловато, всего на тридцать хороших выстрелов, но, даст Бог, в одном бою больше не понадобится.

Алиса даже приготовила тряпку — чтобы не обжечь руку при смене раскаленного выстрелами ствола. Не глупей тебя, Мирон Ефимович, усмехнулась она про себя. Вспомнила, как уговаривала Александра Андреевича Баранова, чтобы на испытание винтовки

послали именно ее, поскольку она еще в цирке показала исключительные результаты в стрельбе по летающим тарелочкам (о дальнейшем совершенствовании по этому виду подготовки в специальной школе Алиса умолчала), как не хотел ее отпускать милый друг Антоша Козырев, словно чувствовал, что может потерять обретенную нежданно подругу. А что, есть опасность потерять? — подумала Алиса, почему-то представив себе при этом разбойничью рожу Емельяна Епифанцева. Вздохнула: пожалуй, есть. Произвел на нее впечатление Эмильен Текумсе, один из тех, на кого ее, собственно, и нацелили по окончании спецшколы. Вычислили аналитики фигуры, особо противодействующие далеко идущим планам тех, кто создавал эту школу. А создали ее давненько, и многим уже укоротили жизнь ее выпускники и скольким еще укоротят...

Алиса оборвала ненужные мысли, вернулась к предстоящему испытанию.

– Черепановы настаивают, чтобы ты, прибыв в Росс, обязательно как следует пристреляла винтовку. Хотя бы на половину ленты, — говорил ей Баранов, наставляя перед отъездом. — Конечно, это следовало сделать здесь, но патронов слишком мало, чтобы их впустую тратить — ты же знаешь, сколь трудов они стоили, особенно поджиги, а там мелкие стычки случаются постоянно: бандиты разные шалят, индейцы немирные...

Однако правитель Русской Калифорнии Иван Александрович Кусков так стремительно отправил ее в действующие войска, в русскую бригаду — там, по данным разведки, готовился удар армии США, — что пристреливать оружие в мелких стычках было уже некогда.

Кроме того, всю дорогу от Ново-Архангельска до Росса, маясь на корабле от безделья, она снова и снова задавала себе вопросы, на которые не находила ответа.

Перед выпуском она, как и другие, давала клятву на Библии верой и правдой служить Соединенным Штатам. На торжестве присутствовал сам Генеральный прокурор США Ричард Раш, под чьим крылом школа и находилась. После присяги Алису и ее подругу Оксану Федорчук неожиданно пригласили в кабинет начальника школы. Когда они явились и представились, начальник вышел, оставив девушек наедине с Генеральным прокурором.

Молодой — ему еще не было и сорока, но он уже три года подвизался среди высших чиновников государства — Ричард Раш, высокий, стройный человек с благородными чертами лица, с минуту разглядывал Алису и Оксану, потом жестом пригласил их сесть на жесткие стулья у стола начальника, и сам опустился в кресло с высокой прямой спинкой по другую сторону.

— Итак, мисс, вы обе из России, — сказал, как будто подвел черту, Генеральный прокурор.

— Нет, сэр, мы из Галичины, — не согласилась Оксана, красивая, чернобровая при светлых волосах, высокая девушка. Она, как и Алиса, была из семьи эмигрантов, но в спецшколу попала, случайно узнав об ее существовании, — мечтала о приключениях.

— Я — с Тернопольщины, — добавила Алиса.

Генеральный прокурор поморщился:

— Меня не интересуют мелочи. Мне нужно, чтобы вы добросовестно служили даже в том случае, если придется что-то делать во вред вашей родине.

— Мы дали клятву на Библии, — сказала Алиса. Она почувствовала, что разговор ей неприятен, но не поддала виду.

— Да, да, — рассеянно заметил Раш. — Впрочем, судя по вашим ответам, на вашей родине Россию не слишком любят.

— Мы будем работать против России? — прямо спросила Оксана. Она не любила ходить вокруг да около.

— Да, — так же прямо ответил Генеральный прокурор, и Алиса посмотрела на него с интересом: ей нравились такие люди, недаром она сразу же подружилась с Оксаной.

Раш встретил ее взгляд, понимающе усмехнулся, но тут же посерьезнел:

— Соединенным Штатам нужен, как воздух, выход к Тихому океану, но нам мешают индейцы Орегона и русские из России. Я подчеркиваю: русские из России. Вы для нас тоже русские, но уже и американцы. Или не так?

Вопрос прозвучал неожиданно, почти врасплох. Первой нашлась Оксана:

— Так, сэр. Вернее, не совсем так. Мы уже не русские, даже в вашем понимании, а в нашем — мы никогда ими не были, мы — русины.

– А есть разница?

– Есть, но сейчас это — неважно.

– А что — важно?

– Важно, что мы больше американцы, чем вы думаете.

– Это радует, — хмыкнул Раш. — Так вот, начиная с создания школы, а она была создана сразу после покупки Луизианы, из каждого выпуска несколько человек нацеливают на Россию. Не только бывших русских — были успешные немцы, шотландцы, англичане — все принесли свою лепту на алтарь Соединенных Штатов. Вы спросите: почему именно Штатов? Отвечу: потому что мы создаем великую страну, которая всему миру принесет свободу и равенство, она призвана Богом и пойдет по этому пути до конца. Иного не дано!

Ричард Раш вдохновился, глаза его засверкали, на высоком чистом лбу выступил пот, руки пришли в движение — жесты как бы подчеркивали каждое слово. Его энергия передалась девушкам, привела их в возбуждение, они уже боялись пропустить малейший звук, исходящий из его уст...

Внезапно Раш замолчал, уронил руки на стол и сказал:

– Вы свободны. Приступайте к выполнению задания. И не забываете про клятву.

Девушки вышли в коридор, еще не остыв от горячей речи шефа.

– А зачем нас вызывали? — Вопрос Алисы был обращен скорее к себе, чем к подруге, тем не менее та ответила:

– Наверное, вдохновить на подвиги, — и тихонько засмеялась.

– Такой может вдохновить.

– Тебя куда отправляют? — спросила Оксана. — Или это секрет?

– Да нет, не думаю. Еду в Канаду, в Британскую Колумбию. Везу пакет, который будет вскрыт тамошним резидентом. Задание, наверно, в пакете.

– Да, я тоже везу пакет, только в Лондон. Буду учиться журналистике.

Алиса кивнула и распрощалась.

Вдохновения, внушенного Рашем, хватило ненадолго.

Резидент, в соответствии с инструкциями из доставленного Алисой пакета, поставил перед ней задачу под видом беглянки внедриться в какую-либо из русских промысловых партий, показать

себя с наилучшей стороны и ликвидировать Баранова, Кускова и Эмильена Текумсе. Они представляли большую потенциальную угрозу для планов США.

Добравшись с Антоном Козыревым до Баранова, Алиса с облегчением поняла, что старика трогать не надо. Во-первых, он ей понравился как человек, во-вторых, она узнала, что Александр Андреевич уходит на покой и возвращается в Россию. Следовательно, опасности не представляет. А в-третьих, русские оказались совсем не такими, какими их описывали школьные наставники: они не зверствовали по отношению к местному населению (не в пример тем же англичанам), не грабили селения — наоборот, строили целые поселки, ставили церкви, разводили огороды, в школах учили не только ребятишек, но и взрослых, священники учили аборигенов Христовым заповедям на местных языках. В общем, словом и делом проповедовали добро.

И что окончательно превратило в руины внушенное ей предубеждение к русским, так это их искреннее стремление помочь индейцам создать свое государство. Но задумалась она над этим всерьез именно по пути в Росс. Тогда что-то острое, наподобие тонкой иглы, укололо сердце: Алиса подумала, что не хочет выполнять данную в школе клятву, и душа ее заметалась, ища выхода из тупика.

— Вас что-то беспокоит, Алиса Васильевна? — спросил молодой командир, недавно произведенный в лейтенанты Антипатр Баранов. С самого начала путешествия он оказывал девушке знаки уважения, чуточку бóльшие, нежели полагались ей по статусу пассажирки. Она как-то мельком обратила на это внимание и тут же выкинула из головы — знала, что красива, а за красавицей мужчины просто обязаны ухаживать без какой-либо надежды на взаимность. Антипатр был к тому же еще и младше нее — ненамного, но все-таки.

Ей совсем не хотелось раскрывать лейтенанту душу, но не ответить на его участие она не могла.

— Вот вы, лейтенант, военный, следовательно, человек долга и чести. — Она говорила медленно, растягивая слова. Он согласно кивнул. — А если бы перед вами встал выбор между долгом и честью, как бы вы поступили?

От неожиданности командир поперхнулся чаем и долго кашлял, пытаясь восстановить дыхание. Ей показалось, что нарочито долго, —

видимо, искал ответ. Вестовой матрос попытался похлопать его по спине, но лейтенант отмахнулся.

Алиса терпеливо ждала.

Наконец, он, кажется, пришел к решению, потому что перестал кашлять, выпрямился, расправив плечи, и сказал, наверное, от волнения немного напыщенно:

– Я бы выбрал честь. Она у человека одна, а долгов может быть много: перед родителями, перед детьми, перед хозяином, перед Отечеством... Долг перед Отечеством, вообще, как мне кажется, совпадает с честью. Слышите, как они звучат — *честь* и *Отечество*? Честь, получается, — как бы часть Отечества.

Ответ Алису удивил: она не ожидала подобного тонкого рассуждения от столь молодого человека, к тому же не вполне русского. И обратилась мыслями к себе: что такое долг — ей хорошо известно, а ее честь? Не девичья, которую она то ли забыла, то ли не считала необходимой для жизни, а просто — честь человека? То качество, которое делает его *честным*? Частью какого Отечества является честь человека Алисы Жданко? Частью Галичины, которой она не знала? Частью Соединенных Штатов, которых она не любила, ибо понимала, что это государство разорило ее семью? Или частью тысячелетней Руси, в которой ее малая родина называлась Червенной, то есть Красной, Красивой?..

Тогда, на корабле, Алиса рассуждала, так сказать, теоретически, а сейчас, лежа на плоской крыше в ожидании атаки штатовской кавалерии, она никак не могла отделаться от мысли, что судьба сыграла с ней не самую добрую шутку, поставив перед категорическим выбором, цена которому, может быть, не один десяток человеческих жизней. Опять же, чьих жизней? Американских рейнджеров, которые рвутся вывести свое молодое государство на берега Великого океана, не жалея для этого ни себя, ни тем более тех, кто встает у них на пути — индейцев, мексиканцев, русских? Или жизней тех же русских, индейцев, мексиканцев, которые преграждают путь рейнджерам?

Самое печальное, что ответа не находилось.

Впереди, в горловине улицы, взметнулось и начало разрастаться облако пыли — видимо, явился этот самый кавалерийский полк. И Алиса вдруг почувствовала облегчение: чего она мудрит, ведь выбор

уже сделан и сделан давно, еще тогда, когда она вышла из палатки на защиту русского геолога Антона Козырева. Все последующее было лишь подтверждением этого выбора, а сейчас, через несколько секунд, она в нем поставит точку. Или — восклицательный знак!

Она охватила беглым взглядом соседние параллельные улицы — там тоже за клубилась пыль. Понятное дело: полк идет широким фронтом, его командиры не так глупы, чтобы лезть в «мешок». Но и Эмильен не дурак — просчитал все варианты. Защелкали выстрелы — над крышами домов запорхали клубочки темного порохового дыма, обнаруживая стрелков-волонтеров. Сквозь пелену пыли Алиса увидела, как падают всадники на соседних улицах, как затоптались там, притормаживая, лошади — атака начала захлебываться. Но на нее, Алису, лава катилась по-прежнему: Эмильен Текумсе предоставил ей все возможности для испытания нового оружия. Она уже различала злые напряженные лица кавалеристов — они скакали по-индейски, бросив поводья, с карабинами наизготовку...

Алиса наметила впереди, метрах в пятидесяти, ориентир — тряпку, висящую на створке окна, — от которого надо начать останавливать лаву, и повела стволом, определяя угол стрельбы. Как раз вовремя — первые всадники миновали ориентир, и первые пули из черепановской винтовки достались им.

Расстреляв менее чем за полминуты первую ленту, Алиса мгновенно сменила ствол и вставила новую. Лаву она уже остановила: атакующие сбились в кучу, вертели головами, пытаются понять, откуда на них обрушился ливень пуль, и не видя нигде стрелков. Несколько сбитых выстрелами кавалеристов шевелились на земле, другие, спешившись, торопились отнести пострадавших под стены домов.

Алиса начала вышибать каждого, кто попадал под прицел. Ее заметили по клубкам черного порохового дыма и, несмотря на потери, ринулись вперед, стреляя из карабинов. Пятьдесят метров — это несколько секунд конского галопа. Алиса успела переменить ствол и ленту, привстала на колени и, уже не целясь, стреляла прямо в конские морды и лица кавалеристов. Пороховой дым полностью окутал ее, прорвался в легкие, она закашлялась, и тут случилось самое ужасное, о чем подозревали сами механики Черепановы: в перегретом стволе расширился канал, патрон вошел в него целиком, гильзу заклинило, следующий взорвался и вырвал ствол и затвор из ствольной коробки.

Затвор саданул Алису в лоб, развернув ее боком к атакующим, и вражеская ружейная пуля вошла в левую руку, задела кость и через подмышку проникла в грудную клетку.

Даже не охнув, Алиса рухнула на плоскую крышу, и черная тишина накрыла весь мир.

Когда она вынырнула из черноты, ей показалось, что до пробуждения ее, Алисы, вроде бы и не существовало, а вот открыла глаза — и она есть! Сильно болело в груди, туго стянутой тряпичной лентой; в комнате, почти неосвещенной одинокой свечкой на столе, плотным облаком висела жаркая духота. И жажда коростой облепила губы...

– Пи-ить, — прошептала Алиса, и над ней тут же возникло нечто темное, косматое, слабо озаренное с обратной стороны светом свечи, а с этой — ее напугали сверкавшие на темном фоне два глаза.

С большим трудом Алиса поняла, что над ней склонился Эмильен Текумсе, и снова прошептала — теперь уже этим горящим глазам:

– Пи-ить...

В то же мгновение у ее рта оказалось горлышко походной фляги, и прохладная жидкость обожгла потрескавшиеся губы.

Водка! Тьфу!..

Алиса подскочила и села, отплевываясь во все стороны. Схватила за бок — ужасно больно!

– Ну вот и ожила, держи меня за ноги, — удовлетворенно пробасил Эмильен и подал девушке глиняную кружку: — Пей! Водичка родниковая, шаманом заговоренная. Вэмигванид принес, сказал: «Выпьет и выздоровеет. Но обратно уже не уедет, земля к себе привяжет». Как ты решишь, так и будет.

Алиса взглянула в блестящие глаза и вспомнила свое задание: ей же поручалось ликвидировать Текумсе. Ну уж нет!

Она выпила воду. Всю кружку, до дна. И сказала Эмильену:

– Бороду подстриги, яшкин пёс, а то любить не буду.

Глава 24

Ноябрь — декабрь 1825 года

– Я сделал все, что мог, и хочу уйти. Именно сейчас все складывается удачно. Поеду в Таганрог и умру.

Голос императора был настолько тих, что Сперанский вынужденно напряг слух, чтобы не пропустить ничего важного.

Смысл произнесенного потряс его до глубины души.

В кабинете, кроме них, никого не было. Александр Павлович стоял у окна боком; чуть повернув голову влево, он видел разделявший Зимний дворец и Адмиралтейство сквер, угнетенный сейчас самодержавием — император улыбнулся уголками губ — ноябрьского ветра, порывисто дующего от Невы; повернув чуть вправо, упирался взглядом в длинный стол, за которым сидел человек, еще недавно бывший генерал-губернатором Сибири, а чуть больше десятка лет назад — всемогущим государственным секретарем.

Сам император был в мундире с эполетами, но без орденов — так он обычно одевался для работы с деловыми бумагами. Сперанский, наоборот, пребывал в гражданском сюртуке, поскольку теперь не служил ни в одном ведомстве, но — при всех орденах, заслуженных за семнадцать лет беспорочной службы, исключая два года ссылки в Пермь, как раз во время Наполеоновского нашествия.

Сквер император любил, Сперанского уважал. Знал, что тот ни при каких обстоятельствах не поступится данным словом. Слово с него он и взял тотчас, лишь только тот переступил порог рабочего кабинета, куда для сугубо конфиденциального разговора император вызвал его как самого преданного подданного, исключительному уму которого был обязан всеми своими государственными достижениями (не считая, разумеется, военных).

Сперанский удивился требованию наивысшей секретности, но ни один мускул на его лице не дрогнул, словно он каждый день давал подобные клятвы.

Михаил Михайлович происхождение имел низжайшее — сын сельского церковного причетника, — однако, благодаря выдающимся способностям к государственной службе и умению нравиться всем, всего за четыре года поднялся от частного секретаря до тайного статского советника и положения второго человека в империи. (Правда, это — до ссылки; все-таки всем понравиться, видимо, невозможно в принципе: те, кому очень захотелось, нашли рычаги, чтобы отодвинуть «выскочку» в тень.) Вернувшись в столицу, после губернаторства в Пензе и генерал-губернаторства в Сибири, он был снова приближен к трону, но, конечно, не так, как прежде. Тем не менее никогда ни на что не жаловался, усердно работал по личным поручениям государя. За многие годы досконально изучил его характер, безошибочно знал все тонкости диалога с самодержцем всероссийским, но сейчас был, попросту говоря, ошарашен.

— Куда вы намерены уйти, Ваше Императорское Величество? — Опытнейший сановник позволил себе нарушить напряженную тишину после весьма продолжительной паузы, деликатно обойдя слова о смерти. Посчитал их фигурой речи: смерть, уход — иногда это равновелико. Спросил, а сам думал, глядя на оплывшую фигуру, на усталое, обрюзгшее лицо: «Нацарствовался... Ликом темен, а волос инеем присыпан. Столько войн, столько событий! А начинал — легкий был, как мотылек, и надежды были такие же легкие. Люди, мол, в России хорошие, а законов нет; чтобы сделать их счастливыми, надо начинать с установления законов. Ах, государь, государь, законов-то много, да все они — вразнобой, а должны помогать друг другу...»

Император, не ответив на прямой вопрос, отошел от окна, отодвинул от стола тяжелый стул с жестким сиденьем и высокой спинкой и сел напротив конфидента. Взглянул на него со странным отчуждением и заговорил. Медленно и тяжело.

— Мы с вами, любезный друг, сделали больше, чем задумывал когда-то мой Негласный комитет. — Александр Павлович поморщился, вспомнив, как всего через три года начал расходиться во взглядах с членами этого комитета — графами Кочубеем и Строгановым, князем Чарторыйским и Новосильцовым. Но воспоминание о добрых делах пересилило, морщины разгладились, и он с внезапным внутренним облегчением продолжил: — Помните, как тогда, в первые годы после

моей коронации, все мы мечтали о превращении России в просвещенное европейское государство...

Александр Павлович снова сделал паузу, и Сперанский не преминул ею воспользоваться:

– Это были ваши мысли, государь, ваши мечтания. Число вашего рождения — единица, а она, как вы, должно быть, помните, управляет начинаниями и полна энтузиазма. Человек с этим числом уверен в себе, имеет цель и решимость ее достигнуть, и мы, ваши верноподданные, не единожды убеждались в справедливости определений нумерологии.

– Да... да... — кивнул Александр Павлович. — Я помню... Вот и батюшка ее любил...

Лицо его снова потемнело — память о мартовской ночи 1801 года так или иначе не отпускала императора всю жизнь, отравляя своим ядом все благие начинания, реформы и военные победы. Сперанский — единственный, кто, оказавшись в близком к трону круге, попытался снять с него невыносимый груз вины в смерти отца: Михаил Михайлович убедительно доказал ему, что Павел Петрович пал жертвой заговора англичан, которые испугались союза России и Наполеона. А исполнители — тупые гвардейские офицеры, обученные опытом всего Восемнадцатого столетия, считали себя вправе менять властителей. Павел Петрович сломал золотую цепь дворцовых переворотов, установил закон наследования власти и за одно это не мог не поплатиться. Груз вины у сына облегчился, не исчезнув окончательно, тем не менее благодарный за духовную помощь Александр Павлович с той поры проникся к Сперанскому особым доверием (которое только однажды, и то ненадолго, поколебалось под напором ненавистников «выскочки-нищеврода»), потому-то и пригласил для сверхсекретного разговора именно его, своего наперсника.

Сперанский ждал, государь собирался с духом. В мыслях все было просто — на деле оказалось невыносимо трудно.

Наконец, он заговорил снова. Но опять вроде бы не о главном. Начал с неожиданного вопроса:

– Вы знаете о существовании в России тайного общества, которое намерено свергнуть монархию и установить республику? — Сперанский отрицательно качнул головой и внутренне насторожился:

государь не назвал его, как обычно, «любезным другом», и это не могло быть случайностью. Император понял и усмехнулся. — Более того, заговорщики предполагают первым президентом избрать вас, *любезный друг*...

От неожиданности брови Сперанского взлетели вверх, глаза выкатились из орбит; он схватился за горло, пытался что-то сказать, но лишь сипел; лицо посинело, по щекам потекли слезы.

Александр Павлович не спеша налил в стакан воды из графина, стоящего на столе, подал Михаилу Михайловичу — тот схватил стакан дрожащей рукой, благодарственно кивнул и выпил, расплескивая воду на лацканы сюртука и ордена.

– Ну, ну, — с печальной улыбкой сказал император, — не надо так нервничать...

– Да как же, Ваше Величество... да я бы разве позволил себе! — все еще задыхаясь, воскликнул Сперанский. — Да как они посмели! Это же уму непостижимо!

– Постижимо, Михаил Михайлович, постижимо. Вы у нас уникальный реформатор, первый законник — кому, как не вам, вести народ к свободе... Это они так решили, не я, — поспешил добавить Александр Павлович, заметив, как лицо визави снова стало синеть.

Помолчали. Император барабанил пальцами по столу, смотрел куда-то поверх головы своего верноподданного.

– Ваше Величество, государь, — отдышавшись, заговорил Сперанский, — надо же что-то делать? Этого нельзя допустить! Это же революция, а опыт французов, он же просто вопиет... Реки крови, ужас, мятежи...

– Да, да, — покивал Александр Павлович, — революции ни к чему хорошему не приводят. Реформы — дело другое, и мы в России, благодаря вашим глубоким суждениям, в этом уже убедились.

– Что бы значили мои суждения без вас, государь! — вскричал Сперанский. — Без вашего споспешествования! Да ничего бы не значили — так, досужие помыслы! Настоящий реформатор — это вы, Ваше Величество! Вы изменили все государственное управление, вплоть до того, что дали автономию Сибири и нашим колониям в Америке, и я-то знаю достоверно, как этим двинули их развитие! Вы же видите, Ваше Величество, что на Аляске, по мановению царственной руки, появились новые заводы и рудники, что вся Русская

Америка и Гавайи уже не требуют финансовых вложений из бюджета — наоборот, сами пополняют государственную казну, и как пополняют! На деньги американских провинций России мы перевооружаем армию, строим дороги, больницы, новые фабрики... Вы бы видели, какое шоссе уже проложили от Томска до Иркутска! А в самой Русской Америке механики Черепановы запустили завод паровых машин и собираются строить железную дорогу на паровой тяге! На Россию стали оглядываться европейские колониальные державы! И это все — с вашего благословения, государь, все — благодаря вашей решительности и политической воле! Не каждый монарх на это способен! Вы отправили в отставку воров-казнокрадов и привлекли во власть истинных патриотов. Осталось полностью отменить крепостное право и ввести конституцию, дать гражданские права всем сословиям...

— Вот-вот, этого и хотят господа заговорщики, — остановил реформаторские излияния император. — Потому и метят вас в президенты Российской республики.

— Они что, с ума сошли? Зачем им республика?!

— Ну, кто-то нахватался вольнодумства в Западном походе, а кто-то под шумок революции хочет списать свои долги перед казной. Вы знаете, у некоторых заговорщиков их о-о-очень много.

— Да кто же они, наконец, эти заговорщики?! — в отчаянии воскликнул Сперанский. — Назовите, государь, и я любого вызову на дуэль!

— Вы же, мой друг, стрелять не умеете, да и на шпагах — не мастак, — не удержался от грустной улыбки император. — А они, почти все, боевые офицеры. Тот же ваш сибирский секретарь Батеньков. Вы знаете, что в одном из сражений с французами он получил десять штыковых ран?

— Он никогда об этом не упоминал, — растерянно откликнулся Сперанский. — А он что, тоже... заговорщик?!

— Слишком скромн или слишком горд, — покачал головой император, не обратив внимания на последний вопрос. — Что ж, вы и его вызовете?

— Дуэль может быть и словесная, Ваше Величество. Они не понимают, что выборный властитель, тот же президент, — всегда временщик, что он непременно будет искать возможность остаться во

власти навсегда и, следовательно, станет деспотом и тираном, которого грех будет не свергнуть. Либо поторопится набить мошну — свою, своих родичей и друзей, чтобы, уйдя с трона, ни в чем себе не отказывать. — Сперанский снова возбудился, поначалу дрожащий голос его окреп и зазвучал почти торжественно. — Только наследственный монарх, правильно воспитуемый с младых ногтей, может быть истинным хозяином своей земли, заботником-отцом своего народа! Вот как вас, государь, воспитывала ваша бабка, великая императрица Екатерина!

– Все-то вы говорите правильно, все справедливо — только будут ли вас слушать те, кто понимает лишь язык ружей и пушек? Оставим это моему преемнику.

– Вашему преемнику?! — Голос Сперанского мгновенно упал почти до шепота, но тут же снова начал нарастать: — Зачем — преемнику?! Какому преемнику?! Вам, государь, до завершения величайшего дела осталось каких-то три-пять шагов, и вы хотите отступить?! Ваше Величество, я упадаю на колени, умоляя вас не делать этого!

Сперанский действительно выскочил из-за стола и упал на колени, из глаз его полились слезы.

– Стоп! — хлопнул по столу ладонью император. — Немедленно прекратите истерику и встаньте. Перейдем, наконец, к делу. Садитесь и слушайте. — Он подождал, пока Сперанский утвердится на своем месте, и продолжил: — Я ухожу, потому что силы мои на исходе, а оставшиеся, как вы говорите, пять шагов тянут еще на одно царствование. А может, и больше. С другой стороны, решительные, сделанные, они помогут моему преемнику возвыситься в глазах общества — как нашего, так и европейского.

Сперанский открыл было рот, чтобы что-то сказать, но поймал тяжелый взгляд императора, и смолчал, еще усерднее изобразив внимание.

– Однако победитель Наполеона и создатель Священного союза не может просто так отказаться от трона: это — полный нонсенс! Никто не поймет! — «Вот-вот!» — усердно закивал Сперанский, но Александр Павлович не обратил на него внимания — сейчас он был занят только собой — и продолжал: — Насколько я знаю историю, был единственный случай добровольного отказа от высшей власти — это

уход римского императора Диоклетиана. Он ушел выращивать капусту и весьма в этом преуспел. Я же хочу уйти незаметно, пройти по земле России никем не признанным, как идут калики перехожие, хочу своими глазами увидеть ее изнутри и осесть в каком-нибудь монастыре, чтобы остаток жизни молиться за свой народ и свою страну и, если будет возможно, помогать советами своему преемнику. Какой монастырь в Сибири вы посоветовали бы мне, Михаил Михайлович?

– Монастырей, государь, много... — осторожно начал Сперанский, но император перебил его.

– Впрочем, не надо. До какого хватит сил дойти, там и останусь. Это не главное. Главное — незаметно уйти! И поможете вы, любезный друг.

– Я?! — несказанно удивился Михаил Михайлович. — Да каким же образом, государь?!

– Организуете мою смерть и похороны.

– Что-о-о?! — неприлично поразился Сперанский, смешался от своей оплошности и мучительно покраснел.

Император выждал некоторое время, давая confidentу прийти в себя.

– Простите меня, государь... это так неожиданно, — пробормотал сконфуженный Михаил Михайлович. — Сделайте милость, простите! Мне одному не по силам...

– Разумеется, вы не должны быть один, — сердито, словно досадуя, сказал Александр Павлович. — Два помощника у вас уже есть. Это мой лейб-медик Джеймс Уилли и его племянник Яков Виллие.

Боясь прервать императора словом, Михаил Михайлович поднял руку. Александр Павлович вспомнил, что учиться Сперанский начинал в церковно-приходской школе, где так принято показывать учителю свое желание задать вопрос, усмехнулся и кивнул, разрешая.

– Ваше Величество, а почему вы доверяете этому племяннику, который так неожиданно появился при дворе? Вынырнул неизвестно откуда...

Он не решился напрямую спросить о причине доверия дядюшке: знал, что после той мартовской ночи именно Джеймс Уилли написал в заключении о смерти Павла Петровича «умер от апоплексического удара», — но надеялся, что император поймет невысказанное вслух.

Ведь и сам Уилли объявился, как черт из табакерки: был полковым врачом, удалил какой-то прыщик царскому брадобрею графу Кутайсову и через эту ничтожную услугу взлетел аж в лейб-медики царской семьи. Сперанский был более чем уверен, что этот пронырливый шотландец активно участвовал в том страшном заговоре, что именно через него от английского посла тянулись нитки к марионеткам-гвардейцам. А теперь вот прожект мнимой смерти государя — и опять британцы, целых два! Может, и весь нелепый прожект — их рук дело?

— За Виллие поручился Джеймс, — сухо ответил император. Очень сухо! Значит, понял и, тем не менее, остался при своем. Значит, ему, Сперанскому, нечего соваться, куда не следует. И, как бы подтверждая эту нехитрую догадку, Александр Павлович столь же сухо продолжил: — Ваша задача, Сперанский, в кратчайшие сроки представить мне кандидатуры надежнейших людей, без которых не обойтись и которые никогда, ни при каких обстоятельствах не проговорятся о доверенном секрете. Я уверен, что круг моих приближенных вы знаете лучше, чем я. По крайней мере в этом отношении.

— Ваше Величество, задачу я понял, — осторожно подбирая слова, склонил голову Сперанский. — Но позвольте узнать, как вы себе представляете общую картину. Почему надо ехать в Таганрог, если умереть можно и здесь? В Петербурге даже удобней.

— Во-первых, в столице невозможно учесть все щели, через которые секрет может просочиться наружу. Круг посвященных должен быть крайне узок. Во-вторых, и это главное, в Таганроге живет человек, абсолютно похожий на меня. Двойник! Он давно у меня на примете...

Император замолчал, снова устремив свой взгляд поверх головы Сперанского, будто увидев там, вдали, образ этого человека. Михаил Михайлович воспользовался паузой:

— Государь, его, наверное, видели сотни людей и не могли не заметить этого сходства?

— Нет, не видели и не могли. Он — в психиатрической лечебнице. Это в деревне, рядом с Таганрогом.

— Хорошо... Но как же он... умрет? — с трудом выговорил Сперанский. Мысль о том, что человека убьют ради сохранения

монаршего секрета, привела его в ужас.

Император, казалось, видел конфидента насквозь и мгновенно уловил его состояние.

– Убийства не будет, — печально улыбнулся он. — Мой двойник при смерти. Мне об этом сообщили три часа назад, и я уже отдал распоряжение об отъезде в Таганрог. Выезжаем завтра утром, в семь часов. Сегодня вечером я должен знать, кто будет посвящен в тайну. Так что поторопитесь, мой друг.

– Что же будет с реформами? — невольно вырвалось у Сперанского.

– Преемнику — а им станет Николай, поскольку Константин предпочел трону любимую женщину, — так вот, преемнику я оставляю подробное письмо. Ради блага России, ради блага народа он обязан все выполнить, иначе империя многое потеряет. Надеюсь на его благоразумие. Кроме того, он — военный инженер, следовательно, человек практический.

– А что — заговор? Как ваш преемник поступит с заговорщиками?

Император усмехнулся:

– Николай — человек решительный и в любом случае с ними разберется. А я прошу его назначить вас председателем Верховного суда над заговорщиками. Уверен, вы каждому воздадите по заслугам, не более того. Постарайтесь обойтись без казней, виновных отправьте лучше в Русскую Америку — там остро не хватает образованных людей.

– А не сбегут в те же Соединенные Штаты?

– Истинные патриоты не сбегут, а болтунам и всяческим ловчилам — скатертью дорога!

...Сперанского в Таганроге не было, тело императора привезли в закрытом гробу, а в Петербурге Уилли никому не позволил его открыть, объясняя опасностью заразиться брюшным тифом. Михаил Михайлович подозревал, что дело тут нечисто, однако предпочел остаться в неведении. Он не стал даже выяснять у кого-либо из тех, чьи имена назвал государю, как *все прошло*, а они сами не выразили желания что-то ему сообщить. Сверхнадежными оказались. Однако от народа ничего не скроешь, и вскоре поползли слухи об уходе

императора в отшельники. Если его и убили, подумал Сперанский, то лучшего прикрития и не придумаешь.

Главных заговорщиков арестовали 13 декабря, и полки не вышли на Сенатскую площадь. Молодой император Николай Павлович прочитал прощальное письмо венценосного брата и назначил Сперанского председателем чрезвычайного суда, в ведение которого передали все дела по заговору. По распоряжению государя был образован также Следственный комитет во главе с прославленным генералом Отечественной войны Александром Христофоровичем Бенкендорфом. К этому времени генерал оставил военную карьеру и вступил на административную стезю, обратившись к царю с предложением создать в России жандармерию по типу французской и тайную полицию — следить за порядком в империи. Наблюдая во время Западного похода за жизнью в Европе, он пришел к убеждению, что все успехи европейцев зиждутся на их законопослушности и стремлении к повседневному порядку. Возможно, давали о себе знать немецкие корни, но Александр Христофорович всей душой не принимал русскую расхлябанность, которую он презрительно называл *Promiskuität*, подчеркнуто заменяя «к» на «х», и ненавидел склонность к бунтарству. Поэтому, возглавив следствие, он рьяно принялся вылавливать заговорщиков, невзирая на то, что многие из них оказались его бывшими боевыми товарищами. Правда, его коробила та готовность к предательству, которую выказывали почти все подследственные, сдавая, что называется «с потрохами», всех и вся, называя новые и новые имена, так что круг арестованных постоянно расширялся. В то же время он с большим уважением относился к тем немногим, кто держался с достоинством и, если говорил, то лишь о себе, не связывая свое имя с именами другими.

Генерал ежевечерне лично докладывал императору подробности допросов. На правах царского друга он позволял себе небольшую вольность: ироническая улыбка то и дело проскальзывала по его тонким губам при чтении записей пафосных речей, коими подследственные пытались оправдать свои замыслы. Только замыслы, потому как на деяния, по мнению Александра Христофоровича, они вряд ли были способны. Все-таки одна диспозиция — «Сабли ввысь и марш-марш на врага!» в окружении таких же отчаянных храбрецов и

совсем-совсем другая — ворваться с той же саблей наголо в Зимний дворец и рубить защитников империи, своих соотечественников. Страшно! А более того страшно — остаться один на один с вкрадчивым голосом: «Так как же вы, милейший, собирались поступить с императорской семьей? По-якобински? Всех под корень? И с кем вместе замыслили сие преступление?» Поневоле все выложишь.

Начальник Следственного комитета передержал ироническую усмешку на своем лице — она пришлась и на цитируемые вопросы и вызвала взрыв ярости у молодого императора.

– Ты полагаешь, это смешно?! — свистящим шепотом спросил он, схватив верноподданного друга за эполет и притянув его лицо к своему. — Моих крошек собирались убить — это смешно?!!

Младшим детям двадцатидевятилетнего монарха исполнилось — Олечке три года, а Сашеньке всего пять месяцев, да и старшим — цесаревичу Александру семь лет, Марии — восемь, воистину все еще беззащитные крохотули. Вдруг осознав, что должен чувствовать любящий отец, Александр Христофорович облился холодным потом.

– Простите, государь! — хрипло сказал он. — Не подумал, виноват! Простите, ради бога!

– Тебя прощу, а их — нет! — Император оттолкнул Бенкендорфа, отошел к окну, в котором ничего не было видно из-за густо падающего снега. Минуту смотрел на растущий на глазах белый валик за стеклом, передернул плечами, будто внезапно озябнув, и медленно произнес: — Снег забвения. В пустыне — пески, а у нас — снега... Забыли господа офицеры про честь, совесть, присягу... Как такое простить?!

Бенкендорф открыл было рот, но Николай Павлович, не оборачиваясь, махнул рукой:

– Да знаю, знаю, что ты скажешь. Мол, не успели они ничего совершить из задуманного, за что же судить... Но ведь главное — не успели! А если бы успели?! А?! Венценосный брат мой просил никого не казнить, но как без казней показать всем опасность крамолы?!

– Ваше Величество, казни, конечно, ужаснут общество и заставят задуматься потенциальных революционеров, однако сегодня в России каждый образованный человек на счету, потому ум и знания преступников надо использовать во благо Отечества по максимуму. Они хотели изменений — пускай потрудятся на эти изменения. Мне

сказывал Михаил Михайлович Сперанский, что ваш покойный брат имел намерение отправлять заговорщиков не только в Сибирь, но и далее — в Русскую Америку и Гавайи...

— Да, — кивнул император, — мне это известно из письма Александра. Он просил на те области обратить особое внимание, полагая, что именно оттуда пойдут полезные преобразования. Там нет помещиков и крепостной зависимости, все слои населения уравнины в правах с русскими, там неплохо платят за наемный труд...

— Вот, государь, вот! — воскликнул ободрившийся Бенкендорф. — Это и нужно привносить в Россию! Это выбьет козыри из рук любых заговорщиков.

— Ага! — совсем по-мужицки сказал император. — И даст козыри российским помещикам. Они безо всяких заговоров от нас мокрого места не оставят! — Он махнул рукой. — Да и крестьяне не очень-то рвутся из крепостного хомута. В голодные годы у них одна надежда — на своего барина. А отменим крепостное право, и останутся они с голодом один на один. Еще и бунтовать начнут.

— В Сибири, а теперь и в Русской Америке, отродясь крепости не было, и ничего, живут, даже зажиточные имеются. А чтобы крестьяне не бунтовали, и помещики остались довольны, крепостной хомут надо снимать постепенно. Сперанский вашему брату подсказывал и вам, государь, подскажет, как это делать.

В дверь постучали, вошел секретарь, поклонился.

— Ваше Величество, господин Сперанский просит принять его.

— Легко на помине, — усмехнулся император. — Зови.

Сперанский явился, и уже одно то, как он появился, способно было поразить кого угодно: он вполз в кабинет — именно вполз! — как-то по-крабьи, боком, и тут же, на пороге, упал на колени. Обращенное к государю лицо потрясло своей потерянностью и жалкостью: залитые слезами морщинистые щеки обвисли, а седые негустые бакенбарды клочковато топорщились.

Николай Павлович и Бенкендорф в немом изумлении воззрились на вельможу, в то время как секретарь безуспешно пытался поднять его с колен. Сперанский сопротивлялся, воздевал руки к небу, издавая какие-то нечленораздельные звуки.

— Да встаньте же, наконец! — воскликнул император, и этот гневный окрик возымел немедленный успех: Сперанский довольно

бодро вскочил и уронил голову в поклоне. — И вытрите слезы, — добавил Николай Павлович, брезгливо морщась: будучи военным, он не терпел подобные проявления чувств, считая их недостойной мужчины слабостью.

Сперанский утерся большим батистовым платком, извлеченным из кармана сюртука, и тяжело, со всхлипом, вздохнул.

— Что такое случилось, сударь, — сухо спросил император, — что вы позволили себе подобное... — не найдя сразу нужное слово, он покрутил рукой, изобразив какую-то конфигурацию, и облегченно закончил: — ...подобную демонстрацию?

— Я не смог сдержать свое огорчение, государь, — понуро сказал Сперанский, — от тех сведений, которые должен сообщить вам как председатель суда.

— И что же это за сведения, из-за которых мы с Александром Христофоровичем едва не сочли вас безумным? — иронически усмехнулся император.

— Трагические, Ваше Величество. По совокупности преступлений я буду вынужден приговорить нескольких заговорщиков к высшей мере наказания.

— Вот как?! — Император переглянулся с главой Следственного комитета. Бенкендорф изобразил на лице непонимание. — И кто же первый в вашем списке?

— Вы не поверите, государь, но это блестящий офицер, герой Отечественной войны...

— Все они — герои, — заставив Сперанского запнуться, проворчал Николай Павлович, но тут же махнул рукой: продолжайте.

— ...однако именно он умышлял истребление императорской фамилии, исчислил всех ее обреченных членов и возбуждал к тому других. Он учредил и диктаторски управлял Южным тайным обществом, имевшим целью бунт и введение республиканского правления. Именно он составлял планы, уставы, конституцию... — Сперанский передохнул и снова вытер лоб платком.

— Могу добавить, — вмешался Бенкендорф. — Из допросов подследственных интересно, что все отмечают его холодный логический ум, непреодолимую волю и надменность в суждениях. Он не смущался демонстрировать свое право управлять другими людьми,

свое превосходство в дарованиях и, вообще, свою исключительность. Бонапарт, да и только!

– Вот как! Русский Бонапарт! — покачал головой император.

– Он немец, Ваше Величество, — снова взял слово Сперанский. — Сын моего предшественника в Сибири, полковник Пестель Павел Иванович.

– Немец, русский — какая разница, если он — государственный преступник, — поморщился император. И начал закипать: — Каков мерзавец! Чудовище! Монстр! Замыслил всех истребить! Безжалостно убить невинных стариков, женщин, детишек малых!

– Не один он, Ваше Величество, — скорбно сказал Сперанский. — Выявлены еще четыре человека, достойные высшей меры наказания, те, кто поддерживал страшный замысел. Остальные противились и, смею надеяться, не позволили бы ему осуществиться.

– Так отчего же вы рыдали, мой друг? — саркастически поинтересовался Николай Павлович. — Мой благословенный брат при вашем усердном участии уже многое выполнил из программы заговорщиков. Все бы закончилось к вящему удовольствию.

– Не уверен, — пробормотал Бенкендорф.

Император услышал.

– Что ты сказал, Александр Христофорович? — повернулся он к наперснику.

– Заговорщикам нельзя потакать, государь. Чем больше им потакаешь, тем большего им хочется. Из этого зерна вызревают революции.

Император взглядом одобрил суждение и снова обратился к Сперанскому:

– Вы не ответили на мой вопрос, сударь: отчего рыдали?

– От невозможности оправдать их по закону, государь, — склонил голову председатель суда. — Но они еще могут принести неоценимую помощь Отечеству, потому уповаю на милость к падшим, Ваше Величество.

– Это — как? — то ли в наигранном, то ли в естественном недоумении Николай Павлович вновь повернулся к Бенкендорфу. — Мне, царю, превысить закон? Помилуй Бог! Что подумают подданные! Вы, Сперанский, наш первый законник, к чему вы меня призываете?!

– Я призываю вас, государь, к милосердию, а оно иногда вступает с законом в противоречие. Законы составляются людьми, милосердие же дается от Бога. Проявляя милосердие, человек следует не букве закона, а Божьему промыслу.

– Ишь ты, как повернул! — Император испытующе посмотрел в лицо Сперанского — тот не опустил голову, не отвел глаза. — Каков молодец! — вдруг сказал молодой самодержец. Он произнес это слово вкусно, с особым нажимом, потом повторил: — Нет, правда, каков молодец, а?! — и внезапно рассмеялся. Открыто, по-доброму.

Такой смех после недавнего гнева и даже ярости по поводу замышленных убийств был подобен солнечному лучу на сером декабрьском небосклоне — он принес облегчение и надежду на лучшее. И эта надежда не замедлила оправдаться.

– Значит, милосердие от Бога? — Николай Павлович прошелся по кабинету. Вопрос задал, явно не ожидая ответа от присутствующих, — казалось, он прислушивался к кому-то внутри себя и, похоже, нашел ответ. — Что ж, так тому и быть! — Император поднял голову, и глаза его сверкнули. — Ради блага России я переступлю через себя. Всех, кто должен быть осужден, независимо от разряда, отправим в автономные провинции — в Сибирь, на Аляску, в Калифорнию. Не на каторгу в рудники, а служить прогрессорами — отдавать свои силы и знания на пользу этих автономий и всей России.

Император подбоченился и по-мальчишески молодцевато глянул на верноподданных: как, мол, я, не ударил в грязь лицом?

Бенкендорф позволил себе несколько раз неслышно хлопнуть в ладоши, вызвав одобрительную улыбку самодержца, Сперанский же заглянул ему в лицо — вроде бы подобострастно и в то же время требовательно:

– Ваше Величество, позвольте спросить? Когда прикажете представить на обсуждение проекты конституции и указа об отмене крепостного права?

Улыбка медленно сползла из-под закрученных усов императора, глаза погасли.

– Ты, Сперанский, займись пока собранием российских законов в единый Свод. Чтобы у конституции — как я понимаю, наиглавнейшего закона государства — был прочный фундамент.

Глава 25

1826 год

На причал Охотска для посадки на пароход они вышли строем — пять бывших смертников впереди, остальные сто двадцать человек — колонной, по четыре в ряд. Без чинов и регалий, в собственной гражданской одежде, поскольку мундиров и всего прочего, связанного с военной службой, их лишило решение Верховного суда. Навсегда или до какого-то времени, неважно — это уже не угнетало, как в первые дни после ареста и начала допросов. В колонне были и совсем молодые, как двадцатидвухлетние Петр Беляев и Николай Панов, и пожилые, как сорокатрехлетний Михаил Лунин или сорокасемилетний Василий Тизенгаузен. Возглавлял колонну тридцатидвухлетний Павел Пестель. Он как был руководителем заговорщиков, так им и остался. Авторитета ему добавил и ореол мученика-смертника, и Пестель воспринял это как должное, хотя остальные его товарищи по приговору — Михаил Бестужев-Рюмин, Сергей Муравьев-Апостол, Кондратий Рылеев и Петр Каховский — таким же авторитетом не пользовались. И как-то само собой получилось, что глава Северного общества бывший князь Сергей Трубецкой добровольно уступил Пестелю первенство, предпочтя остаться в рядах товарищей.

Собравшееся на берегу немногочисленное население Охотска молча взирало на их проход — последний по собственно российской земле. Дальше были море, океан и неведомая колония — Русская Америка.

Четыре с половиной месяца двигался караван от Петербурга до Охотска. Сначала на сорока, по зимнему пути, кибитках, потом на трех десятках повозок, затем на пяти больших лодках-паузках по Лене до Якутска, а далее к морю — верхом на лошадях и оленях по так называемому Охотскому тракту — через горы и болота, порой прорубаясь сквозь непроходимую тайгу. И все это время Павел Иванович Пестель нет-нет да возвращался к мысли: а стоило ли затевать все эти тайные общества ради свержения власти, если сама

власть в лице императоров за последний десяток лет сделала для блага России больше, чем за все предыдущие столетия? Взять хотя бы дороги. В свое время, вступив в должность сибирского генерал-губернатора, отец, Иван Борисович Пестель, проехался по подопечной территории. Не по всей, конечно, — вся была слишком велика — так, по южному краешку, от Тюмени до Иркутска. Старший сын Павел, юноша двенадцати лет, отпущенный из Дрезденского университета на летние вакации, сопровождал его в поездке. И отцу, и сыну хватило двух месяцев путешествия по ужасающей грязи (лето выдалось дождливое), чтобы навсегда возненавидеть эти рытвины и ухабы, по чьей-то злой иронии называвшиеся дорогами. А вот теперь, всего через двадцать лет, тот же тракт от Томска до Иркутска — полторы тысячи верст! — потряс Павла Ивановича своим европейским благоустройством: широкий, ровный, без крутых подъемов и спусков, отсыпанный речной галькой и щебенкой и плотно укатанный, он совершенно законно носил свое новое звание — шоссе.

В одном месте, где-то после Тулуна, майский ливень размыл полотно, и группа рабочих занималась ремонтом: трое совковыми лопатами подсыпали в промоину глину, четверо двумя трамбовками — это толстые сутунки с приколоченными сверху длинными ручками, — дружно ухаю, уплотняли ее; на обочине лежали кучи щебня, приготовленные для отсыпки. Руководил работами молодой парень в поддевке и картузе.

Пестель попросил своего возницу задержаться на минуту возле мастера. Поинтересовался:

– Где научились так дороги строить, любезный?

– Дак ить в Америке, сударь, — ответствовал мастер, приподняв картуз, а когда вопрошавший удовлетворенно кивнул, добавил: — В Русской Америке, в Калифорнии. Там таких дорог нонче много.

И так пристально, глаза в глаза, посмотрел, что Павел Иванович отчего-то смутился и даже покраснел. Понял, что покраснел, и смутился еще больше.

– Поехали, — кивнул вознице и до самого ночлега не проронил ни слова. Думал: не зря говорят, что в России две беды — дороги и дураки. Одна беда уже изживается, а вот как будет с дуростью... Мы ведь, по сути, тоже дураки и совсем неважно, что намерения у нас

были самые благие. Издревле известно, куда они ведут, эти благие намерения.

Ну ладно, с дорогами и дураками более или менее ясно, но разве можно было предположить, что после кропотливого расследования и бескомпромиссного суда заговорщики будут собраны в Петропавловской крепости на площади перед собором и перед ними выступит начальник Следственного комитета Бенкендорф, который объявит царское прощение всем, в том числе и готовившим убийство императорской фамилии?

— По закону, господа, вы все — государственные преступники, ибо замыслили революцию, — говорил Александр Христофорович, стоя на невысоком деревянном помосте, огражденном перилами. — Революции же, как известно, несут с собой прежде всего разрушение государства, а вместе с тем — кровь и смерть многих и многих невинных людей. В революции сосредоточивается все зло, ибо революция прежде всего восстает против Бога, а в Боге, как известно, сокрыта вся доброта мира. Христос сказал: «Никто не добр, кроме одного Бога». А доброта Его заключается в долготерпении, прощении грешников и милосердии к падшим. Поэтому, следуя сердцем и душою Божьим установлениям, наш всемилостивейший государь решил дать всем злоумышленникам возможность усердным трудом на благо Отечества искупить свою тяжкую вину перед государством Российским и народом Российским...

Генерал был при полном параде, из-под распахнутой шинели с бобровым воротником высверкивали звезды и кресты орденов, полученные, кстати, за реальные боевые заслуги. Не менее блистательно выглядели за его спиной военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга Милорадович, военный министр Татищев и даже седовласый глава морского ведомства (среди заговорщиков было немало моряков) адмирал де Траверсе. Однако парадность эта казалась неуместной и почти издевательской в сравнении с серой от арестантских бушлатов толпой бывших офицеров, многие из которых еще не так давно тоже красовались в армейских мундирах и флотских сюртуках с такими же, или почти такими, звездами и крестами.

Присутствовавший на церемонии Сперанский кутался в цивильную шубу и, сердцем воспринимая этот контраст, чувствовал себя весьма неуютно.

А Бенкендорф тем временем повысил голос:

– Но служить на благо Отечества вы будете не в России, а в автономных провинциях империи — на Аляске, Русских Гавайях и в Русской Калифорнии. Там остро не хватает образованных людей, и там вы сможете показать жизнеспособность своих идей, тех самых, что изложены в «Русской правде» господина Пестеля и «Конституции» господина Муравьева. А потом Правительствующий Сенат и Государственный совет во главе с Его Императорским Величеством рассмотрят результаты и решат, годятся ли они в употреблении в империи.

В речи генерала возникла пауза, и Сперанский не преминул вставить свое слово.

– Александр Христофорович, — вполголоса сказал он, — они уже не арестанты, им бы переодеться...

Бенкендорф кивнул, не поворачивая головы, и, как бы передохнув, продолжил в прежнем духе:

– Сейчас, господа, вы будете отпущены под роспись по домам. Неделя вам на отдых, после чего явитесь во всем своем на сборный пункт в указанное в ведомости время полностью готовыми к дальней дороге.

Ни Пестель, ни остальные близкие ему декабристы — как с чьей-то легкой руки стали называть не только арестованных в декабре, но и всех участников тайных обществ, Северного и Южного, — не верили, что дело о заговоре завершилось так просто. Искали подвох. Предполагали, что о прощении заговорщиков оповестили через газеты лишь в целях успокоения общества, а на самом деле их увезут в страшные нерчинские рудники и прикуют к тачкам. При движении каравана со дня на день ожидали появления усиленной стражи и телег с кандалами... Однако ничего не случилось. Наоборот, в больших сибирских селах их размещали в богатых избах и угощали обильными обедами. Хозяева охотно рассказывали о послаблениях в налогах, о справедливых ценах на закупки зерна и мяса, показывали ухоженный скот и славили государя за то, что дал наместной власти такое право — самой устанавливать, что годится для хорошей жизни крестьян, а что вредно и нежелательно.

Декабристам все яснее становилось, что они совершенно не знали жизни народной, вернее, знали лишь до Урала, и не представляли, что

творится в автономиях. Что же нас ждет в Америке? — думал Пестель.

И вот они погрузились на пароход, чтобы плыть в эту самую Русскую Америку. Поскольку пассажирские каюты преступникам, пусть и прощенным, не полагались, разместились в отсеках трюма: кто постарше — в натянутых между переборками гамаках, кто помоложе — на рундуках или просто на полу, на тюфяках, набитых сухими водорослями. Пестеля капитан пригласил в свою каюту — у него было место на диване. Павел Иванович попытался отказаться — мол, должен быть рядом с товарищами, — однако Филипп Артамонович Кашеваров (так звали капитана) сказал, что ему просто хочется побеседовать со столь необыкновенным человеком и, может быть, что-то подсказать на будущую жизнь.

— Я ведь с тринадцати лет в Америке, — просто сказал он. — Много чего повидал, много чему научился.

— Не отказывайтесь, Павел Иванович, — посоветовал Сергей Муравьев-Апостол. — В новой жизни все пригодится.

И Пестель с облегчением согласился.

Перед самым отплытием случилась заминка: какая-то пассажирка вздумала вернуться на берег. Никто бы этому не придавал особого значения — мало ли что могло подействовать на ее решение, — если бы не одно обстоятельство. Пассажирка, стройная молодая дама, возможно, даже девица, оказалась весьма капризной: ни одна из шести предложенных ей на выбор пассажирских кают ее не устраивала. Помощник капитана, 17-летний гардемарин, занимавшийся распределением помещений, в конце концов не выдержал:

— Как же вы, мадам, собираетесь жить в Русаме: там ведь удобств маловато?

— Во-первых, я еще не замужем, то есть мадемуазель, — с легким налетом высокомерия ответствовала пассажирка. — Во-вторых, удобства удобствам — рознь. В одном месте меня не устраивает туалет...

— То есть ваш внешний вид, — саркастически уточнил гардемарин.

— То есть отхожее место. Так теперь его называют на цивилизованном Западе, — столь же саркастически парировала мадемуазель. — В другой каюте вид из иллюминатора заслоняют какие-то стойки...

– А здесь-то чем плохо?! И отхожее место, и вид — все в лучшем виде!

– А машина за стенкой? Впрочем, ладно... По соседству с машиной — даже интересно. А то эти лошади, олени надоели до смерти!

– Ну, слава богу! — облегченно выдохнул помощник капитана. — Располагайтесь, сударыня, и постарайтесь не отлучаться: отплытие через два часа, а мне еще остальных надо разместить. Позвольте вашу карточку, я вставлю ее в рамку на двери.

Пассажирка порылась в ридикюле и подала картонный прямоугольник.

– «Ксения Михайловна Филиппова, баронесса», — вслух прочитал гардемарин и, не удержавшись, присвистнул: — Кого же вы осчастливите в Русаме, госпожа Филиппова?

– Вам бы не помешала толика деликатности, господин... Вы, кстати, не соизволили представиться...

– Гардемарин Алексей Тараканов, — поклонился юноша. — И прошу покорнейше простить мою нескромность.

– Хорошо, хорошо, — кивнула баронесса, как-то странно вглядываясь в лицо молодого моряка яркими карими глазами. — Вы случайно не родственник знаменитого Тимофея Тараканова?

– Я его старший сын, — снова наклонил голову Алексей. — Только чем же знаменит мой отец?

– Ну, если о нем знаю даже я, значит, знаменит, — улыbnулась баронесса. — Думаю, вы тоже будете знамениты.

– Надеюсь, — покраснел юноша. — Мне шаман племени мака Вэмигванид предсказал счастливую военную карьеру. Правда, не на море, а на суше, но это даже к лучшему: я наше море не люблю.

– Это уж как судьба повернется, — философски заметила баронесса. — Благодарю за каюту.

Гардемарин понял, что его выпроваживают, поклонился и вышел.

И вот за несколько минут до отчаливания, когда матросы уже собрались убирать сходни, по железной палубе простучали каблучки, и с криком:

– Stop the World — I want to get off^[31]. — На охотский причал спрыгнула баронесса с саквояжем в руках.

Декабристы, столпившиеся у борта, даже не подумали ей помешать — наоборот, охотно расступились, как бы поощряя стремление женщины вырваться на свободу. И матросы, отдававшие швартовы, оставили на время свое занятие: столь необычно было поведение явно небедной пассажирки.

— Она что, сбрендила? — набивая трубку табаком, поинтересовался капитан у своего юного помощника, глядя с мостика, как баронесса довольно неуклюже взбирается по скользким ступеням деревянной лестницы, ведущей к домику портовой команды.

— Да нет, при мне не пила.

— Чего не пила? — Капитан разжег трубку и затянулся.

— Бренди не пила. Вы же сказали: «сбрендила».

Кашеваров захохотал так, что захлебнулся дымом, закашлялся, еле отдышался.

— Сбрендила, малыш, значит, свихнулась, спятила...

— Я верну ее! — рванулся юный помощник, но капитан удержал его за рукав форменной куртки:

— Не стоит, малыш, это ее право. А для нас даже лучше: баба на борту может принести беду. Ушла, и Бог с ней.

Глава 26

Время то же

Погода на Охотском море стояла хорошая, до осенних штормов было еще около месяца. Пароход бодро шлепал плицами больших колес по обоим бортам, то взбираясь на пологие волны, то скатываясь в долины между ними; высокая труба попыхивала угольным дымом. На двух мачтах было и парусное оснащение, но при встречном ветре его не использовали.

Кашеваров пригласил Пестеля на мостик. Они стояли плечом к плечу — седобородый поджарый моряк в черном сюртуке и черной фуражке с лакированным козырьком, круто нависшим над густыми бровями и толстым обветренным носом, и невысокий крепыш в серой шинели и треуголке, нервное лицо его чем-то неуловимо напоминало известного по портретам Наполеона Бонапарта.

Кашеваров курил трубку с прямым мундштуком, Пестель — тонкую сигариллу.

Молчали.

Капитан подошел к рулевому проверить курс по компасу, удовлетворенно кивнул и, похлопав матроса по плечу, вернулся к Пестелю.

– Мой старший сын Александр тоже готов был выйти на Сенатскую, — пыхнув ароматным дымком, негромко сказал он.

– Сколько ему? — спросил Пестель.

– Шестнадцать. В училище Штурманском учится. Я прошлым летом был в Петербурге по делам Компании, отговаривал его от этого безумства. Так ведь слушать не желал. «Я, говорит, свободы для народа хочу. Я против крепостного права!» А я ему: «Где ты на Аляске или в Калифорнии видел крепостных?» Он мне: «Ты сам был крепостным!» А я, и верно, был крепостным, аж до осьмнадцатого года, а теперь записан мещанином Курской губернии. Все никак не соберусь переписаться в нашу автономную провинцию. Жена моя, алеутка крещеная Александра Петровна, и детки младшие записаны

гражданами Русама — так правитель наш, адмирал Гагемейстер, Русскую Америку прозывает. А я вот все не соберусь, — и Филипп Артамонович сокрушенно покачал головой.

Пестель слушал, не перебивая. Сигариллу он докурил, теперь просто стоял, крепко держась за железный поручень: морской болезнью, к счастью, не страдал, но мерная качка донимала. Да и басовитый ровный говор Кашеварова действовал завораживающе. Так, что хотелось закрыть глаза и ни о чем не думать. Но не думать Пестель не умел — голова была в состоянии постоянной работы. Еще в годы учебы в Дрезденском университете его кумиром стал диктатор Наполеон, только-только возложивший на себя императорскую корону. Властитель Европы потому и возвысился до небес, что не позволял себе праздничать, и юный студент Пауль Бурхард, еще до того, как превратился в Павла Ивановича, офицера русской армии, следовал великому примеру. Недаром и в проекте «Русской правды» он был представлен как будущий диктатор.

Однако диктатор не состоялся, и, похоже, слава Богу, что не состоялся. Если все, что было сказано Бенкендорфом, правда, то, как был уверен Пестель, адепты этой самой «Правды» смогут доказать императору благотворность своих замыслов (исключая, разумеется, уничтожение царской фамилии; пускай остается империя — лишь бы процветали страна и народ).

– Давно построен этот пароход? — спросил Павел Иванович, когда пауза затянулась.

– «Святой Николай»? Да лет девять тому. А что? Думаете, устарел супротив винтовых? Это как посмотреть. С виду неуклюж, конечно, однако узлов-то дает поболее иного винтового. Первенец нашего нового флота! Даже повоевать успел, когда штатников с Гавайев выгоняли. И браконьерам перцу давал.

Говоря, капитан выбил из трубки пепел в железный коробок, привязанный к поручню, и снова зачерпнул ею табаку из расшитого кисета. Примял пахучую траву большим желтоватым пальцем, достал из кармана белых форменных брюк блестящую коробочку, откинул крышку — под ней оказались маленькое зубчатое колесико и нитяной язычок. Кашеваров прикрыл коробочку сбоку широкой ладонью, крутанул колесико, брызнули искры, и нитяной язычок вспыхнул бледно-желтым пламенем. (Фитиль, изумленно догадался Пестель.)

Филипп Артамонович, пыхнув пару раз, прикурил и закрыл коробочку крышкой, погасив огонек.

– Позвольте? — Павел Иванович протянул руку.

Кашеваров взглянул с недоумением на него, на коробочку, и, поняв суть, улыбнулся:

– Вам удивительно? И то сказать — новинó! В России об ней мало кто знает, почитай, никто. Мы ж ее называем просто — зажигалка. Механики Черепановы мастерят. Вот, гляньте: тут кремешок зажат, колесико по нему чиркает, искру высекает, а искра фитиль поджигает. Здорово?!

– Здорово! — искренне похвалил Павел Иванович. — А что в коробочке? Масло?

– Не-а, — по-мальчишески весело мотнул головой капитан. — Это раньше горным маслом называли, а теперича — нефть! Белая нефть! Есть черная, та, что с подземли добывается, а это — белая. Какой-то ученый из Европы ее керасином называет. А у нас шуткуют: мол, не керасин это, а переименованный герасин. — Заметив непонимание на лице собеседника, Филипп Артамонович заторопился пояснить: — Химик у нас самоучка, Герасим Дубинин, белую нефть из черной получает. Их, сказывают, три брата Дубинина... не припомню, как старшóго и малшóго кличут, а середний — наш Герасим. Ну, нашенским-то он совсем недавно стал, его братовья сюда прислали — придумку свою тут приноравливать. Они, вишь, первыми догадались, как черную нефть в белую перегонять и перегонку свою на Кавказе поставили — там черную вроде как из колодцев черпают. А у нас на Аляске Антон Захарыч Козырев... слышали про такого? Нет? Жаль! Отменного ума человек — все, что под землей, наскрозь видит. Так вот он нашел у нас цельные озера черной нефти — куда там Кавказу с его колодцами!

Пестель крутанул колесико — полетели искры, крутанул еще раз — загорелся огонек, но тут же был потушен порывом ветра.

– Гениально, — задумчиво сказал он. — Равноценно изобретению колеса. Всегда огонь в руке — и для костра походного, и для очага мирного, и для бомбы или гранаты. Кто это придумал, интересно?

– Кто придумал — не ведаю, — честно признался Кашеваров. — Может, сами Черепановы — они люди головастые. Вот на нашем «Святом Николае» паровая машина ими сработана. От рудников к

заводам железные дороги они проложили — руду возить. Не сами, конечно, проложили — алеуты да колоши трудились, но по их чертежам. Паровозы опять же... Теперь вот...

– Паро... возы? — перебил Пестель. — Это что такое? Пар возят?

– Нет, что вы! — засмеялся капитан. — Это машины такие, паром двигаются и тележки за собой цугом тянут. По железным дорогам. А тележки есть грузовые, есть пассажирские. Да все скоро сами увидите.

Павел Иванович вспомнил, как их караван полтора месяца прорубался через дебри Охотского тракта, и поежился. Это что же получается? Дикая Аляска по железным дорогам катается, а Россия-матушка — все на лошадаках да по рытвинам и ухабам? И тут наконец-то ему стал ясен смысл слов Бенкендорфа о проверке в провинциях революционных идей. Это же так просто! Эксперимент! Не ввергать всю огромную страну в хаос революционных преобразований, не подвергать народ страданиям перестройки — а страдания при этом неизбежны! — но спокойно, без риска больших потерь опробовать на ограниченной территории новые идеи, а потом все хорошее перенести в Россию. И стократно прав император, простив заговорщиков: зачем бессмысленно отправлять в расход превосходно образованных людей, когда можно их ум и таланты пустить в дело? Да похоже, что все эти автономии — сплошной эксперимент! Какой же станет Россия, когда его результаты хлынут на ее просторы?! Дух захватывает, господа!

Павел Иванович улыбнулся и всей грудью вдохнул солоноватый, с легкой горчинкой воздух. Он словно впервые почувствовал себя по-настоящему свободным от висевшей долгие месяцы над головой мрачной петли, и это невероятно волнующее ощущение подлинной свободы наполнило его душу таким счастьем, какого он не испытывал никогда.

– Филипп Артамоныч, — взлетел на мостик запыхавшийся Алексей Тараканов, — у нас, похоже, беда!

– Что за беда? Гардемарин, доложите, в чем дело.

Кашеварова, похоже, невозможно выбить из равновесия, подумал Пестель. Или он красуется передо мной?

– Я проходил по пассажирской палубе и заметил, что забыл убрать карточку с двери каюты, предоставленной баронессе. Она осталась незанятой, и я зашел проверить, все ли в порядке. Тут нас крепко качнуло, и из-под койки вывалилось что-то вроде сундучка.

Небольшой такой, как раз в саквояже можно пронести. Подумал, что баронесса забыла в спешке, подобрал, поставил на стол, а у него крышка вроде как стеклянная, и что-то тикает! Как часы.

– Так что же мы стоим? А ну, пошли!

Невозмутимость капитана как рукой сняло. Алексей первым рванулся к трапу, Кашеваров и Пестель поспешили за ним. Однако молодые ноги опередили namного: когда старшие только ступили с трапа на коврик коридора, гардемарин уже выскочил из каюты с «сундучком» в руках.

– За борт его, за борт! — крикнул капитан и посторонился, пропуская юношу наверх.

Каблуки Алешиных сапог простучали по железу палубы и затихли. Кашеваров поднял руку ко лбу, видимо, хотел перекреститься, но не успел: послышался грохот, пароход резко качнуло на левый борт, и множество криков возвестило о том, что страшное что-то все же произошло.

Глава 27

Через три недели

Контр-адмирал Гагемейстер, правитель Аляски и одновременно главный правитель всего Русама, с удовольствием оглядел новоприбывших. Они расположились прямо на траве на пологом склоне холма. Внизу, на утоптанной дорожке, ведущей к двухэтажному зданию правления, служащие поставили стол с бумагами (с моря задувал ветерок, и Леонтий Андрианович придавил бумаги камнем, подобранным на обочине дорожки) и три стула — один для Гагемейстера, а два заняли его ближайшие помощники — правители: Русской Калифорнии — Павел Иванович Шелихов (Иван Александрович Кусков, основатель крепости Росс, скончался в 1823 году) и Русских Гавайев — Тимофей Никитич Тараканов. В сентябре главный правитель обычно подводил итоги за прошедший год, за Шелиховым с Таракановым отправлялся корабль, и они являлись с отчетами и своими семьями — отдохнуть в стольном граде и немного попраздновать. К этому времени в Ново-Архангельске всегда скапливалось довольно большое количество новопоселенцев с Большой земли, и правители отбирали из них тех, кто был годен, а главное — нужен, для работы в их «хозяйствах».

В этот раз к распределению подгадал караван декабристов. Сто двадцать пять еще не старых высокообразованных мужчин — как же Леонтию Андриановичу не радоваться и не быть довольным?! А кроме того, на «Святом Николае» прибыли долгожданные атрибуты наградений и повышений в чинах служащих Русама (те же Шелихов и Тараканов получили по «Владимиру» 4-й степени, благодаря чему перешли из мещан в сословие дворян), в том числе высочайший указ о присвоении Леонтию Андриановичу звания контр-адмирала. Главный правитель, солидный остзейский немец, обрадовался новым эполетам как ребенок и тут же водрузил их на плечи черного морского сюртука, чтобы появиться перед офицерами при полном параде. Пускай они и бывшие, а некоторые даже в отставке, но, вообще-то, бывших боевых

офицеров не бывает. Пусть увидят, что их судьбами распоряжается не чиновный штафирка, и попусту не оскорбляются.

Да-а, прибыть-то они прибыли, а ведь могли и не доплыть. Кому-то очень хотелось, чтобы прощенные бунтовщики исчезли в пучине океана. Но — кому? Неужто господину Бенкендорфу? А что — отличный ход для неизбежного наказания: государь являет милосердие ко всем, даже жаждавшим его смерти, но у Бога свой суд, и суд этот беспощадный. Мало ли кораблей гибнет на пути в Русам?! То бишь прежде гибло, теперь это — большая редкость, однако бывает, можно и не дойти. Что делать — стихия! А вот бомба — отнюдь не стихия! И весьма любопытно, как была устроена: что-то там тикало... До воды не долетела — взорвалась. Ежели это случилось бы в каюте возле машинного отсека, «Святому Николаю» пришел бы капут. А так — в борту образовалась лишь вмятина с трещинами, пришлось пластырь брезентовый накладывать. Ну да это — пустяки! Вьюноша героический, весь переломанный, в госпитале лежит, но главное — живой. Вечер Таракановы всем семейством его навещали, да и от декабристов Пестель с Трубецким и Волконским приходили с благодарностью. А поэт Рылеев сочинил даже нечто вроде оды. Вот и сам он, главный правитель, контр-адмирал, сегодня с утра почтил героя-гардемарина...

Гагемейстер и хотел начать свою речь со столь яркого примера исполнения гражданственного долга. Но подумал, что это прозвучит выпендрено, особенно перед людьми, которые сами готовы были пожертвовать жизнью ради блага Отечества (они так думали — ради блага, а во что бы вылилось их выступление — ведает лишь Господь Бог), и поступил очень просто.

— Господа, перед вами правители автономных провинций Российской империи, — звучным, «летающим» голосом, каким отдаются команды на корабле, начал контр-адмирал. — Меня зовут Леонтий Андрианович Гагемейстер. Волею ныне почившего в бозе государя Александра Благословенного и Главного правления Российско-Американской компании восемь лет назад я был назначен правителем всей Русской Америки, или Русама, как мы ее называем промежду собою. Наши Аляска, Калифорния и Гавайи — места, с нетерпением ждущие приложения ваших незаурядных умственных и физических сил. Я адмирал российского флота, говорить красиво не

умею, поэтому предлагаю вам задавать вопросы, а мы, — он оглянулся на сидящих за столом Тараканова и Шелихова, — мы все постараемся на них ответить. Да, вот еще... Вопрошающих покорнейше прошу называть себя, поскольку мы пока что не имеем чести знать вас всех в лицо.

Первым поднялся Пестель, представился, поклонившись Шелихову и Тараканову, поскольку с Гагемейстером был уже знаком, попросил разрешения обращаться по имени-отчеству.

— Разумеется, господа, разумеется, чувствуйте себя свободно, — поспешил главный правитель, прекрасно поняв мягкий упрек: вот, мол, сам назвался, а остальные как бы на обочине. — Прошу извинить, что не представил моих коллег, и исправить ошибку. Павел Иванович Шелихов и Тимофей Никитич Тараканов — люди в Русаме весьма известные и уважаемые. Кстати, Тимофей Никитич — зять императора Орегона Маковаяна Ютрамаки. — На этих словах Леонтий Андрианович невольно оглянулся на сидевшего за спиной Тараканова, успел заметить, как недовольно дернулась его борода, и поспешно добавил: — Я это говорю не ради повышения авторитета господина Тараканова — он в этом не нуждается, — а чтобы всем стало понятно, насколько тесно с нами связано молодое индейское государство. — Он хотел было сказать, что гардемарин, спасший всех новоприбывших, — прямой племянник того же индейского императора, но это посчитал уже излишним.

Пестель снова поклонился.

— Леонтий Андрианович, а не соблаговолите ли немного подробнее поведать нам о достижениях Русама? Тех, кои послужат всей России?

Гагемейстер мог поведать о многом. Например, об Антоне Козыреве, чьи открытия нефти, железной и медной руды, черного каменного угля, песков для производства стекла и многого другого решительно двинули вперед горнозаводское хозяйство. Правда, не будь Черепановых с их талантами и необычайно изворотливой смекалкой, столь успешного развития могло и не быть. Взять хотя бы железные дороги с паровозами или укатанные шоссе опять же с паровыми повозками — Мирон Черепанов придумал заливать эти дороги «варом» — густыми отходами от перегонки черной нефти в белую — и выравнивать специальным катком. Ехать по ним потом — одно

удовольствие! А для необъятной России отсутствие хороших дорог — это же не просто бедствие, это — бездонная пропасть на пути развития! Вот черепановские придумки и станут мостами через эту пропасть.

Можно рассказать и о дубининском керосине, который те же Черепановы используют в паровых машинах для кораблей; об Уильяме Райте, приблудном англичанине, оказавшемся отличным доменным мастером, который наладил выплавку чугуна и литье стали в таком количестве, что в новом поселении Шелихове поставили завод по производству всего железного — от сковородок и плугов до пушек и ружей. Можно и о школах для местных ребятишек, начало которым положила Наталья Алексеевна Шелихова, а теперь этих школ более трех десятков, да вот учителей не хватает. Можно о святителе Иннокентии, который переводит Священное Писание на местные языки, чем привлекает в лоно православной церкви сотни аборигенов, при том что в необъятной России тьма народов и народностей, не ведающих на родном языке Слова Божьего...

Да мало ли еще о чем мог поведать главный правитель, однако на просьбу Пестеля ответил коротко:

— Что у нас сделано, господа, вы скоро увидите собственными глазами, а что сгодится для России, решать будут Правительствующий Сенат и государь император. — Передохнул и продолжил, уже проникновенно: — От вас же нам потребно живейшее участие в тех прожектах, где остро ощущается нехватка ученых и образованных мужей, как то: строительство кораблей для Тихоокеанского флота здесь, в Ново-Архангельске, в Якутате, крепости Росс и Шелихове, строительство базы флота на Гавайях, основание военно-морского, пехотного и артиллерийского училища, строительство военного завода по производству пороха, пушек, ружей и даже ракет конструкции генерала Засядко, а также бумажной фабрики, основание технического училища с отделением высшего разряда, помощь архиепископу Иннокентию в возведении православных храмов. Нам нужен оптический телеграф, нужны хорошие мосты и еще много чего, а рук и умных голов не хватает. Катастрофически не хватает толковых руководителей, а без них появляются уныние и брожение в умах...

— Нас не поставят руководителями, — слышался чей-то голос. — Мы — вне закона.

— А вот это не так! — воскликнул Гагемейстер. — Я уже заготовил распоряжение о назначении господина Пестеля начальником упомянутого военного училища, а господина Юшневского — начальником управления по снабжению. Господин Кристиан Вольф возглавит лечебное управление, а господин Берстель займется пушками и ракетами. Господин Рылеев заведовал канцелярией в Главном правлении нашей компании, так что ему и карты в руки. Важнее всего, господа, чтобы каждый на своем месте служил с таким же рвением, как наш юный герой гардемарин Тараканов. Если бы каждый гражданин так относился к своему долгу, Россия была бы величайшим государством на планете.

Среди слушателей возник ропот.

— Она и сейчас величайшая, — донесся высокий голос из центра сидящих на склоне холма. — Правда лишь за счет территории. Слишком жадно откусила от общего пирога, а прожевать не может — давится и задыхается.

Леонтий Андрианович окинул взглядом новоприбывших — все смотрели на него в ожидании ответа на явный вызов. Заявленному пафосу следовало соответствовать.

— Простите, сударь, вы — кто? — первым делом поинтересовался главный правитель.

Встал длинный и худой, обросший рыжеватой бородкой молодой человек:

— Лейтенант Восьмого флотского экипажа Дмитрий Иринархович Завалишин.

— Завалишин... Дмитрий Завалишин... Мне знакомо это имя... Не вы ли служили на фрегате «Крейсер» под началом Михаила Петровича Лазарева, помогли нам против штатовских и прочих браконьеров?

— Так точно, — кивнул Завалишин.

— Но ведь вы уже тогда могли видеть, как меняется Русская Америка, — откуда же такой пессимизм по отношению к России? — удивился Гагемейстер.

— Русская Америка, да, меняется, но вот вы, Леонтий Андрианович, можете назвать хотя бы одно большое начинание в России, которое бы не провалилось, благодаря высокому патриотизму наших чиновников, да и высшей власти — тоже? — Пропитанные

ядом сарказма слова лейтенанта, казалось, отравляли сам воздух вокруг него, и сидящие рядом невольно отодвигались.

Наступила пауза, довольно напряженная.

— Я могу, — встал из-за стола Шелихов. — Наша Российско-Американская компания. Ее зачинали русские купцы и промышленники, в числе первых — мой брат Григорий Шелихов, и Компания не только не провалилась, но и процветает, благодаря патриотизму именно высшей власти. Мы нашу Компанию называем РАК, но наш РАК, в отличие от крыловского, не пятится назад, а совсем даже наоборот — движется вперед.

Первыми заплодировали бывшие князя Трубецкой и Волконский. Спустя мгновение к ним присоединились остальные декабристы. Растерявшийся Завалишин оглянулся по сторонам, махнул рукой и опустил на траву.

— Ты бы, Андреяныч, про свои дела поведал, ли чё ли, — подал голос Тараканов, дотоле будто бы равнодушно взиравший на происходящее. — Не то господам поблázнится, что все у нас делается само собой, по щучьему веленью, по твоему хотенью.

Гагемейстер, не оглядываясь, неодобрительно покачал головой — на лице его явно читалось раздражение — и снова обратился к декабристам:

— То, что делал я, господа, можно сказать, делали все мы. Ежели у кого-то будет интерес — найдутся и желающие рассказать, и не все эти рассказы будут хвалебными. Однако таков уж удел власти — вершить не только то, что нравится гражданам, но и то, что необходимо...

Леонтий Андрианович, наверное, хотел сказать что-то еще, но его остановил разбойничий посвист. Взоры всех присутствующих обратились в сторону въездных ворот, из которых появилась живописная конная группа. Впереди на пегих пони ехали два мальчугана лет 6–7 в индейских нарядах — один ярко-рыжий, голова второго светилась светлым золотом кудрей. За пони спокойно вышагивали каурый жеребец и вороная кобылка, неся на себе соответственно мужчину и женщину. Мужчина был, можно сказать, богатырского телосложения, индейские куртка и штаны, украшенные кожаной бахромой, словно подчеркивали ладность фигуры; но главное, что привлекло внимание декабристов, это наличие на плечах золотых эполетов с канителью, которые, несомненно,

свидетельствовали о высоком воинском звании, не ниже генерал-майора. Завершала экзотический образ широкополая шляпа с большим золотым значком, красовавшаяся на буйных рыжих кудрях. Судя по всему, свистел именно он.

Спутница богатыря, молодая красивая блондинка, была также облачена в индейский мужской костюм, с той лишь разницей, что кожаная бахрома по его швам была разноцветной, а эполеты — простые, без канители.

– Пугач! Алиса! Вот радость-то!

Тараканов вскочил и устремился навстречу нежданым гостям. По пути торопливо приобнял было спешившихся мальчишек, однако один из них сделал ему ловкую подножку, Тимофей Никитич рухнул, тут же перекатившись на траву на обочине, а сорванцы, издав боевой индейский клич, дружно навалились на него.

Завязалась шутейная борьба с возгласами, воплями и смехом.

Не обращая на свалку никакого внимания, Пугач и Алиса подошли и поздоровались с главным правителем и Шелиховым.

– Что за народ? — спросил Емельян, мотнув головой в сторону сидящих на склоне.

– Декабристы, — коротко ответил Гагемейстер.

– Это которые супротив царя замышляли? Государственные преступники, держи меня за ноги?!

– Прощенные государем, — заметил Шелихов и покосился на свой новенький орден.

От Емельяна не ускользнул этот взгляд.

– Проздравляем вас, господа хорошие, с новыми званиями и орденами, — захохотал он. — Алиска, от всего нашего волонтерского корпуса целуй новорожденных кавалеров.

Алиса без малейшего жеманства поцеловала «в щечку» сначала контр-адмирала (тот смущенно закашлялся), затем Павла Ивановича, оттащила за шиворот своих сорванцов от Тараканова, помогла ему подняться и троекратно расцеловалась с ним.

– Господа, — откашлявшись, сказал Гагемейстер, — позвольте представить вам командующего волонтерским корпусом империи Орегон генерала Эмильена Текумсе, его супругу майора Алису Жданко и все их семейство в лице сыновей Артема и Александра.

– Господин генерал, — вскочил молодой светловолосый человек, — позвольте обратиться?

– Валяйте, обращайтесь, — хохотнул Емельян.

– Только представьтесь, — напомнил Леонтий Андрианович.

– Бывший прапорщик Московского полка Владимир Толстой, — отчеканил молодой человек. — Господин генерал, вашему корпусу офицеры не нужны?

– Еще как нужны! — вмиг посерьезнел Текумсе. — И не только нашему корпусу, но и всей армии Орегона. На восточных границах империи перестрелки почти что каждодневные: штатовские рейнджеры, держи меня за ноги, лезут во все щели, как тараканы на кухню. Индейцы — воины ладные, но воюют, как Бог на душу положит... — Емельян вздохнул, оглянулся на Алису, стоящую позади, обняв за плечи мальчишек, она ему кивнула, и генерал продолжил: — Да и наши волонтеры такие же — те же алеуты, эскимосы, индейцы... русских и вообще расейских — мало. Так что, ежели есть среди вас боевые офицеры, — милости прошу.

– Есть... есть... — вразнобой послышались голоса.

– Стоп, господа! — вмешался главный правитель. — Военная помощь Орегону — задача весьма серьезная и ответственная. Спору нет — боевые офицеры там нужны, но люди образованные — а многие из вас имеют прекрасное образование — нужны и здесь, и в Калифорнии, и на Гавайях. Поэтому при распределении будем учитывать все, а не только ваши желания. Уж не обессудьте, господа, от вас во многом зависит будущее нашей автономии. А может быть, не побоюсь предположить, и будущее всей России.

Глава 28

Взгляд назад. 1825 год

Хотя Гагемейстер и выразил недовольство пожеланием Тараканова («Ты бы, Андреяныч, про свои дела поведал, ли чё ли»), но рассказать Леонтию Андриановичу было что. За восемь лет его правления сделано столько и решения приняты такие важные, что Александр Андреевич Баранов мог бы искренне порадоваться за своего преемника (увы, правитель РАК умер в океаническом пути на родину и похоронен в пучине вод где-то возле Сингапура). Кстати, одним из первых славных дел Гагемейстера на Аляске было оправдание самого правителя, злокозненно обвиненного в лихоимстве. Главное Правление РАК пришло в изумление, когда узнало, что на самом деле за 20 лет управления столь большой и богатой колонией Александр Андреевич не присвоил ни копейки казенных денег, оставшись, как говорится, нищ и гол. Этим обстоятельством незамедлительно воспользовался Михаил Матвеевич Булдаков, обратившись к императору с ходатайством от имени Правления о даровании семейству Баранова потомственного дворянства и назначении вдове и детям достойной пенсии. Ходатайство было удовлетворено без обычных в таких случаях проволочек.

Леонтий Андрианович лично обследовал береговую линию вплоть до Калифорнии, организовал экспедиции в глубь Аляски (одной три года руководил Антон Козырев, которого главный правитель назначил заведующим Геологическим отделением Управления), заключил договоры с индейцами, мирно приведя их в российское подданство, поддержал военным снаряжением и волонтерами империю Орегон в ее противостоянии Соединенным Штатам. Когда Гагемейстер начал ставить людей на должности не по протекции, а по способностям, в Санкт-Петербург, в Главное Правление РАК посыпались жалобы, однако председатель Булдаков категорически пресек все эти поползновения и поддержал нового главу Русской Америки. Тогда

жалобщики нашли тропинку к императору. Тот, недолго думая, вызвал председателя «на ковер» и предъявил ему челобитные.

– Что скажете, Булдаков? — сурово спросил Александр Павлович.

От такой суровости у многих вельмож начинали трястись коленки, но только не у Михаила Матвеевича. Нет, поначалу-то, когда государь одарил его вниманием за организацию первой кругосветной экспедиции, у него тоже голос подрагивал во время благодарственного ответа, но то, пожалуй, больше было от волнения, что вот из ничтожных купчишек на такую высоту вознесся, а от суровости-то монаршей чего дрожать, коли этой суровости никогда по-настоящему и не случалось. Павел Петрович ему благоволил, правда всего два года до своей безвременной кончины, но то были годы истинного счастья; Александр Павлович тоже всегда приветлив и радушен. Ну а тут проявил строгость — так ведь имелся для того полный резон: Михаил Матвеевич, можно сказать, покровительствовал Леонтию Андриановичу, поскольку двумя руками был за то, чтобы Баранова сменил именно Гагемейстер. Он знал его, еще молодого лейтенанта флота, с того момента, как тот получил в свои руки знаменитый шлюп «Нева», только-только завершивший вместе с шлюпом «Надежда» первую русскую «кругосветку». Получил корабль изрядно потрепанным и всего за три месяца подготовил его к новому кругосветному плаванию. Финансировала путешествие опять же Российско-Американская компания, и Булдаков, естественно, содействовал назначению Гагемейстера главой экспедиции. А тут письмо подошло от Баранова насчет преемника — кого ж лучше Леонтия Андриановича найдешь? Правитель, как говорится, от Бога. Компания под крылом Сената, император не против, но с конкретного покровителя и спрос за грехи его креатуры.

Государь был весьма строг, однако Булдаков не струсил.

– Ваше Величество, осмелюсь напомнить: когда на заседании Правления Компании утверждали кандидатуру Гагемейстера, я почтительнейше испрашивал для будущего правителя Русской Америки особых полномочий в управлении подведомственными территориями, в поддержании инициатив по развитию хозяйства Аляски, Калифорнии и Гавайев, в военном строительстве и оказании всемерной помощи новым государственным образованиям

индейцев. — Михаил Матвеевич едва ли не единым духом выпалил эту тираду и продолжил уже спокойнее: — То вы, государь, изволили с одобрением отозваться о моем ходатайстве и даже добавили поручение правителю вести с соседствующими государствами консультации во благо Российской империи...

— Так-то оно так, — проворчал император, — но смещать чиновника только за то, что он чего-то не знает или не умеет... Учить надо, учить, а не гнать палкой!

— Так они же не хотят учиться! — воскликнул председатель Правления. — Они желают получать жалованье лишь за то, что являются к месту службы и проводят время за пустопорожними разглагольствованиями. Они считают, что заслужили таковые привилегии уже тем, что приехали в Америку. Разве вы, Ваше Величество, самолично трудясь на благо Отечества и народа российского, допустили бы возле себя столь мерзопакостное, столь растленное отношение к своему долгу и своим обязанностям? Мы все знаем, что нет, тысячу раз нет!!

Михаил Матвеевич последние слова вскричал в полной ажитации, но в момент наивысшего вдохновения поймал взгляд Александра Павловича — не императора, а сорокашестилетнего, то есть еще в самом расцвете, но уже смертельно усталого человека, — и смешался, вдруг осознав: ничего доказывать не надо, все-то Он понимает, ведь разгильдяев вокруг Него не меньше, чем вокруг того же Леонтия Андриановича. И по какому-то наитию догадался председатель Правления: согласен с ним государь, полностью согласен, а если и строжится, то это так, для порядка...

— А что ты ответишь на обвинение правителя в потакании убийцам и каторжанам? Одного он назначил начальником геологического отделения, другой командует бригадой военных волонтеров...

— Бывшие убийцы и каторжане, Ваше Величество, — возразил Булдаков. — То, что им было судом назначено, они отбыли полностью, а в Америке стали новыми людьми, полезными и законопослушными. Вообще, государь, я был свидетелем, как некоторые люди, даже преступившие закон, казалось бы, вконец отпетые, вдалеке от родной земли проникаются к ней особенной любовью и готовы ради ее блага на любые деяния и даже на подвиги.

– Вот именно, что не все, а лишь некоторые, — по-прежнему ворчливо заметил император. — Полагаю, они изначально были хорошими, а преступниками стали по обстоятельствам, от них не зависящим.

– Воистину так, Ваше Величество! — склонил голову председатель Правления. — Просто Америка все лучшее в них выявляет. А Гагемейстер — поддерживает, — не преминул он замолвить последнее слово за своего любимца.

Император понимающе усмехнулся, однако тут же посерьезнел и строго спросил:

– А как там у нас с дивидендами для акционеров?

Уж не это ли главная причина вызова? — внутренне усмехнувшись, подумал Булдаков, а сам ответил почтительно:

– Дивиденды по итогам года, Ваше Величество, будут хорошие. И в казну поступления, несомненно, увеличатся. И многожды благодаря трудам бывших каторжан, того же, как вы изволили заметить, начальника геологического отделения Антона Козырева.

– Ну, значит, не напрасно мы приняли указ о переселенцах, — сразу повеселев, заключил император и мановением руки отпустил председателя Главного Правления.

А Леонтий Андрианович и не подозревал, что по его поводу в столице вскипели некие страсти, — просто работал не за страх, а за совесть, поскольку страха отродясь ни перед кем и ни перед чем не испытывал, а совесть у немцев, как издавна известно, следует сразу за долгом и даже порой его заменяет. И уж тем более он помыслить не мог, что его деяния меняют историю государства, а вместе с тем — всей планеты.

Глава 29

Середина июля 1837 года

Два выстрела раздались одновременно — огромный бизон уронил голову, уткнувшись рогами в пахучее сплетение трав, и завалился на правый бок.

— Кто еще стрелял?! — Алексей окинул взглядом прерию, по которой стремительно удалялось стадо бизонов, напуганное выстрелами, и успел заметить пороховой дым, рассеивавшийся над невысокой каменной грядой. — Там, — показал направление Артему и Александру. — Проверьте, но будьте начеку: здесь все-таки Техас, а не Орегон.

Братья-близнецы дружно кивнули и, взяв наизготовку винтовки-«черепановки», снаряженные не лентами, а небольшими дисками на десяток патронов (на охоте самое то), поскакали к гряде, сразу разделившись, чтобы охватить ее с двух сторон. В седле они держались по-индейски, без поводьев, как были приучены с детства, лошадьми управляли движением ног.

Алексей покачал головой: до чего ж похожи — лицом, повадками, голосом! Различить можно лишь по волосам: Сашка в отца огненно-рыж, Артемка по матушке — светло-рус. Знаменитые на весь Русам Епифанцевы! Эмильен Текумсе — четырехзвездный генерал, командующий войсками Орегона, Алиса — полковник, эти вот сорванцы — прапорщики, с отличием закончившие училище и в свои семнадцать успевшие нюхнуть боевого пороха в схватке с рейнджерами из Британской Колумбии. Кстати, за победу в этой схватке капитан Тараканов получил звание майора и разрешение на двухнедельный отпуск. Такой же отпуск получили прапорщики, и все вместе они решили «сгонять» в Техас поохотиться. Бизоны, конечно, водились и в Орегоне, но там их берегли, заботились об умножении стада, поскольку для империи они были надежной статьей дохода, а в Техасе царили безалаберность и беззаконие, и уж одного-то бизона (а

больше и не надобно) можно завалить без каких-либо осложнений с властями.

Близнецы между тем доскакали до гряды и остановились, потому что навстречу им выехали четыре всадника; трое в широкополых шляпах и традиционных костюмах ковбоев, а одна (это была женщина!) — в амазонке. У всех — ружья стволом вниз, что означало мирные намерения, однако Алексей, зная о коварстве юсовцев — так с недавних пор стали называть штатников, — свою «черепановку» снял с предохранителя.

Переговорив с «ковбоями», прапорщики развернулись и поскакали обратно; женщина последовала за ними, а ее спутники направились к туше бизона. Алексею это не понравилось — все-таки на быка есть и его право, — но он решил повременить с правами, посмотреть, что будет дальше.

Женщина, пустив своего вороного в галоп, опередила близнецов. Они сами придержали коней, уступая женщине, — это не укрылось от зоркого глаза командира, он усмехнулся: рыцарствуют мальчишки, начитались благородных романов Кондратия Рылеева, министра народного просвещения Орегона. Не доскакав десятка метров, «амазонка» резко натянула поводья, заставив лошадь подняться на дыбы и протанцевать оставшееся расстояние.

Алексей невозмутимо приложил два пальца к шляпе, приветствуя всадницу по-военному, хотя и он, и прапорщики были в гражданской одежде — такой смеси индейской и европейской: на ногах мокасины, далее кожаные штаны с бахромой по швам, рубашка апаш и суконная куртка. Только шляпы майор и прапорщики предпочитали военного образца.

Не ответив на приветствие, всадница, стройная брюнетка лет тридцати пяти с тонкими чертами лица, сейчас искаженными раздражением, если не сказать злобой, подняла ружье и направила его ствол в грудь Алексею:

– How are you, Mexican bastard, dare to hunt here without permission?!^[32]

Она разглядела в лице Алексея индейские черты и решила, что он — мексиканец, поскольку мексиканцы почти поголовно были метисами, и англосаксы, как было широко известно, считали их неполноценными.

Тем временем подскакали близнецы, и Антон немедленно перехватил ружье незнакомки со словами:

– Miss, major Tarakanov is not Mexican! He is Russian!^[33]

Лицо незнакомки вспыхнуло краской стыда. Она поспешно сунула ружье в седельную кобуру и протянула Алексею руку в изящной перчатке:

– Forgive me, sir!^[34]

Алексей поставил винтовку на предохранитель, закинул ее за спину и лишь после этого пожал руку всадницы.

– Do you speak English?^[35] — легко, словно ничего не произошло, поинтересовалась она.

Разумеется, майор Тараканов и оба прапорщика Епифанцевы хорошо говорили по-английски: Павел Иванович Пестель знание языка возможного противника ставил в училище на одно из первых мест, а юсовцы и рейнджеры из Британской Колумбии были не возможными, а самыми реальными противниками и нередко даже врагами. И те, и другие рвались к Тихому океану. Но, если Британской Колумбии принадлежало примерно 400 миль побережья от острова Дандас-Айленда до пролива Королевы Шарлотты, то юсовцы были отрезаны от океана наглухо империей Орегон, Русской Калифорнией и Мексикой. Они ненавидели русских больше, чем индейцев и мексиканцев, однако силу уважали и вели себя с подданными России более пристойно.

Незнакомка не была исключением. Впрочем, выяснив, кто перед ней, она тут же назвала себя:

– Джейн Казно, журналистка, сотрудница журнала «Democratic Review» и газеты «New York Weekly Sun».

– Рад слышать, — сказал Алексей, — однако меня интересует, почему разрешение на охоту в этих местах мы должны испрашивать у вас? Как я понял, вы — из Нью-Йорка или Вашингтона, а здесь — Техас, территория независимой Мексики.

Джейн засмеялась:

– Мы, новые американцы, очень практичные люди, стремление к бизнесу у нас в крови. Поэтому я занимаюсь не только журналистикой, но и торговлей недвижимостью, в частности землей. Покупаю, продаю...

– То есть спекуляцией?

– Можно и так сказать. Спекуляция — один из видов бизнеса, в ней нет ничего постыдного.

– Я этого не говорил, просто уточнил термины. Значит, как я понял, в настоящее время вы — владелица этой земли?

– Именно так, — весело заявила Джейн. — И как владелица предлагаю вам устроить прямо здесь пикник. В знак окончательного примирения. Убитый бизон обеспечит нас прекрасным мясом, приправой послужит дикий чеснок — возле скал его целая поляна, — а напитки, надеюсь, предоставите вы, господа. Что там в ваших седельных сумках?

– Русская водка, мисс Казно.

– Водка мне нравится. И давайте просто — Джейн. У нас страна демократическая, без реверансов.

– Тогда я — просто Алексей, можно Алекс, а эти ребята — Артем и Александр.

– Алексей Тараканов... — всматриваясь в лицо майора, словно пытаюсь что-то вспомнить, задумчиво произнесла журналистка. — Где-то я слышала это имя и фамилию...

– Вы мне тоже напоминаете одну женщину... из моей юности.

– Судя по вам, это было не так уж давно, — засмеялась она. — Вы так молоды, и уже майор. А кто была эта забытая женщина?

– Так... Случайная встреча... — Алексей зябко передернул плечами.

– Тогда и вспоминать не стоит, — весело заявила журналистка. — Давайте пировать!

Джейн не спросила, а Тараканов не назвал фамилии прапорщиков, так как опасался, что юсовцы могли знать настоящее имя их отца, и это поставило бы под угрозу жизнь славных пареньков. Но и она не представила своих спутников, небрежно кивнув в их сторону: «*Mu mongrets*»^[36].

...Пикник получился на славу. «Ковбои» соорудили вертел над костром и зажарили целую ногу бизона. Сочные куски мяса, разложенные на широких листьях какого-то местного лопуха, посыпанные мелко порубленным диким чесноком, сводили с ума своим ароматом. Таракановская фляга пшеничной водки, настоящей на апельсиновых корках, опустела, пройдя всего два круга, и юсовцы достали фляжки с виски и джином. Джейн пила и закусывала наравне

с мужчинами, приводя в восторг юных близнецов, которым майор вообще запретил пить, и они довольствовались чистой водой из протекавшего неподалеку ручья. Сам Алексей притворялся, что делает крупные глотки и быстро хмелеет, а на самом деле только пригубливал спиртное. Он не доверял «дворнягам», а те и не проявляли особого дружелюбия, изредка ухмыляясь чему-то да скалясь на шутки своей хозяйки.

По завершении пиршества «ковбои» и прапорщики разошлись по своим палаткам; у догорающего костра остались майор и журналистка.

Курили — Алексей индейскую трубку, Джейн длинную сигариллу, — какое-то время молчали, глядя, как налетающий из прерии ветерок поигрывает рдеющими углями.

Над ними раскинулся безлунный черно-синий полог небосвода с крупными мигающими звездами. Казалось, этот затухающий костер и два слабо освещенных человека возле него — это все, что осталось в мире, — остальное кануло в море мрака.

— Как вы себя чувствуете, Алекс? — спросила Джейн, докурив сигариллу. Она бросила окурок в угли и посмотрела, как вынырнувший из-под красного уголька огненный язычок жадно подхватил его и мгновенно «докурил». Женщина чему-то улыбнулась и повернула лицо к майору. — Вы не слишком опьянели?

— Русские не пьянеют, — ухмыльнулся Алексей и крепко потер ладонями лицо.

— Но вы же не настоящий русский. Метис. Как минимум кварталон. — Она старалась быть дружелюбной, но в интонации, тем не менее, просквозило презрение.

— Моя матушка индеанка мака, — согласился Алексей, вроде бы не заметив тона собеседницы. Язык его слегка заплетался. — Но мы все — русские.

— Мака-а... — протянула Джейн. — Ядро союза орегонских племен...

— Вы, наверное, хорошая журналистка: все знаете.

— Неплохая, — скромно потупилась Джейн.

— А что вы еще скажете про мака? Насколько глубоки ваши знания?

— Ну-у... Язык мака — официальный язык Орегона...

— Империи Орегон, — уточнил Алексей.

– Пускай империи, — неохотно согласилась Казно. — Мака — единственное индейское племя, имеющее письменность европейского типа.

– Во-от, — торжествующе сказал Алексей, — это, пожалуй, самое главное. Письменность мака стала письменностью всего союза племен... всей империи... У каждого племени — свои школы, но везде учат читать и писать на языке мака. Это скрепляет племена в единый союз! — Он помолчал и вдруг встрепенулся: — А кто ее дал индейцам, эту письменность? А?

– Кто? — У Джейн, видимо, проснулось профессиональное любопытство.

– Вижу: не знаете. — Алексей погрозил пальцем и пьяно вздохнул. — Архиепископ наш, владыко Иннокентий... Он придумал алфавит и даже перевел на язык мака Священное Писание... И служба в храмах теперь идет не на церковно-славянском, а на языке мака. Индейцам это нравится, они охотно крестятся... — Алексей снова потер лицо, как часто делают пьяные, желающие протрезветь. — И на Гавайях то же самое — все гавайцы православные, детей крестят... Все в Русаме православные! — возгласил он.

– В Русаме?!

– Вы и этого не знаете? В Русской Америке... А вот почему вы называли меня мексиканским ублюдкой? Чем вам не нравятся мексиканцы?

– Чем? — Джейн брезгливо поморщилась. — Нечистоплотные хвастуны и лентяи. Удивляюсь, как им удалось получить независимость. Впрочем, Испания ничем не лучше. Так что эти качества они получили по наследству.

– Эти качества есть у людей из любого народа, — возразил Алексей. — В том числе и у англосаксов.

– Англосаксы — трудолюбивая и целеустремленная раса, особенно мы, свободные американцы, — заявила журналистка. Получилось слишком пафосно и высокомерно, однако это ее не смутило. — Мы призваны Богом оплодотворить истинной демократией эти земли — от океана до океана и от льдов до тропиков. Это наша святая миссия — нести свободу и утверждать права человека, права частной собственности! Это — наше святое предназначение! Судьба!

– Ого! — сказал Алексей. — Цельный манифест.

– Вот именно! Манифест! Манифест судьбы!

– Только как быть с правами других? Той же империи Орегон... или России, которая владеет Калифорнией и Аляской? Или — Мексике? Они ведь все на вашем пути к океану.

– Стоят стеной — не обойти? — засмеялась Джейн. — Да мы купим эти земли, как купили у Наполеона Луизиану. Даже дешевле.

– А если — нет?

– А нет — возьмем силой. Северная Америка должна принадлежать Соединенным Штатам. С нами Бог!

На последних словах Джейн вскинула руки вверх, и в этот миг яркая звезда прочертила по черноте сияющую полосу с запада на восток и где-то за горизонтом небо осветилось вспышкой.

– Вот оно, предзнаменование! — воскликнула журналистка.

Алексей засмеялся:

– Падающая Звезда — имя Текумсе, а этот вождь не раз бивал ваших хваленых демократов.

– И был разбит и убит в битве на Темзе, — торжествующе заявила журналистка.

– Убит подло и коварно, — тяжело сказал майор. — И, пожалуй, хватит дискуссий... Извините, но я иду спать.

Он встал и, пошатываясь, направился к палатке неподалеку от скал, в которой разместились прапорщики.

Джейн, прикусив губу, проследила за ним до того, как он скрылся за пологом, потом вскочила и, почти бегом добежав до своей отдельной палатки, нырнула внутрь.

Стояла тишина, наполненная лишь неумолчным стрекотом цикад. Костер догорел, угли покрылись пеплом. Пущенные на свободу лошади бродили вокруг лагеря, выискивая вкусную траву. Койотов не опасались: в скалах их не было, а легкодоступной пищи в это время года у них достаточно, чтобы не связываться с крупными животными, тем более с человеком.

Спустя некоторое время Джейн осторожно вышла с ружьем в руках и приблизилась к палатке русских. Оттуда раздавались сонные вздохи и похрапывание. Убедившись, что все на месте, журналистка заглянула к своим «дворнягам» и скрылась за пологом.

Начало светать. Юсовцы один за другим выползли из своего убежища. В руках у них были капсюльные винтовки «Кентукки» горного образца. Они окружили палатку русских, и загремели выстрелы. От брезента полетели клочья. Выпустив пули, стрелки быстро перезарядили винтовки и повторили расстрел. Остатки палатки задымились, из-под них не доносилось ни звука.

Подошла Джейн. «Дворняги» посмотрели на нее.

– Что, уже все? Вы их убили?

– Выходит, убили, — откликнулся старший из «дворняг». — Ты же сказала: «Русских надо убрать». Или — передумала? Тогда, не обессудь, поздно.

– Поздно... Воистину врач пришел тогда, когда больной уже умер^[37].

– Ошибаетесь: доктор пришел, а больного нет.

Громкий и совершенно трезвый голос майора раздался, словно глас Божий с небес. Юсовцы оглянулись и отпрянули: среди скальных выступов на фоне быстро светлеющего неба четко обрисовывались три головы в шляпах.

Русские!

«Дворняги» вскинули ружья, но тут же среди камней замигали яркие вспышки, кто-то выбил барабанную дробь, и земля у ног юсовцев вскипела бугорками.

– Оружие на землю! Или следующая очередь пройдет по ногам.

– Сложите оружие, — хмуро сказала Джейн. — Он нас переиграл, ублюдок!

Мрачные «дворняги» бросили винтовки в траву.

– Что дальше? — спросил старший. Видимо, спросил слишком громко, потому что ответ прозвучал из-за камней:

– Дальше садитесь в седла и уматывайте отсюда. Винтовки и палатки останутся нам в качестве компенсации за материальный урон. Ну и частично — за моральный.

Юсовцы спорить не стали. Вскочили на своих коней и пустили их в галоп. Джейн с сожалением посмотрела на свою винтовку и сунула ее в седельную кобуру. Убрать Алексея Тараканова не получилось — ладно, он хотя бы не вспомнил, где ее видел. И еще до зубовного скрежета досадовала, что русские проявили истинное благородство, не расстреляв нападавших, на что имели законное право.

– Мы еще встретимся, — вскочив в седло, прокричала она, утешаясь тем, что последнее слово оставила за собой.

Глава 30

Зима 1841/42 года

– Ваше Величество! — Начальник Генерального штаба империи Орегон генерал Эмильен Текумсе вошел в кабинет Маковаяна, как всегда, без доклада и, как всегда, без сюртука с эполетами (они ему давно надоели). Рубашка «апаш» болотного цвета была распахнута, открывая грудь, заросшую рыжим волосом. В рыжей шевелюре и бороде просверкивали серебряные нити: генералу уже пошел шестой десяток, да и множество сражений, больших и малых, оставшихся позади, молодости не добавляли.

Кабинет был затоплен утренним солнцем, лучи которого свободно вливались через широко распахнутые высокие окна в небольшое помещение и уже успели основательно его нагреть. Лишь один уголок оставался в тени и там в креслах за невысоким столиком чаевничали император и министр народного просвещения, знаменитый на всю Америку поэт Кондратий Рылеев. Издалека, сквозь поредевшую по случаю зимы листву, доносился шум столичной улицы — трехэтажный императорский дворец русамовский архитектор расположил в глубине фруктового сада, — но он ничуть не мешал беседе двух седовласых любителей китайского напитка.

Император и министр обсуждали очень важный вопрос — учреждение первого университета. Начальник Генштаба придерживался мнения, что нужно развивать военное образование и укреплять армию, а не стишками баловаться, однако и жена его Алиса Васильевна, и сыновья поэзию любили, особенно Пушкина.

Маковаян с явной неохотой прервал разговор.

– Что у тебя, Эмильен? И давай без церемоний.

Говорили они по-русски. С некоторых пор русский язык стал в империи как бы модным: его преподавали во всех школах наряду с языком мака.

– Сообщение по оптическому телеграфу из Рио-Гранде. Команчи, Маковаян. Команчи и апачи, держи меня за ноги. Нападение на поезд,

в котором, представь себе, — в голосе генерала явно прорезался сарказм, — к нам ехал Ламар. Охране пришлось применить «черепановки». В поезде никто не пострадал, но у команчей много убитых и раненых.

Император встал и подошел к окну. Несмотря на возраст — недавно исполнилось пятьдесят восемь — и седину в длинных прямых волосах, он был строен и легок, как истинный воин; не хватало лишь медвежьей шкуры на широких плечах — ее теперь заменял сюртук тонкого светлого сукна с алмазной Звездой Текумсе на левой стороне груди (Звезды его удостоил Большой Круг Вождей за создание империи). Замшевую рубашу из шкурки теленка карибу заменила белая батистовая с небрежно повязанным черным шелковым галстуком.

Молчание затянулось. Эмильен шумно пододвинул к чайному столу еще одно кресло, уселся и налил в чашку китайского фарфора кофе из стеклянного кофейника. Попробовал, скривился: «Холодный!» — и отставил чашку. Посмотрел в спину императора, перевел взгляд на министра — тот пожал плечами — и крикнул:

– Ну и долго мы в молчанку будем играть, Ваше Величество? В чем дело-то?

Спросил, хотя и сам отлично понимал — в чем.

Дело было не в том, что команчи и апачи, не пожелавшие присоединиться к Союзу племен, на кого-то напали с незамысловатой целью — пограбить. Этим они занимались можно сказать регулярно в течение многих десятилетий, а может, и столетий. Издревле нападали на соседние более-менее мирные племена, с появлением европейцев начали грабить их; жертвы собирались в отряды и гоняли грабителей по прериям и предгорьям, там и сям вспыхивали перестрелки, естественно, с потерями с обеих сторон — в общем, текла нормальная колониальная жизнь. Ну, может, ненормальная, но довольно привычная.

Однако после провозглашения империи начались стычки, а нередко и схватки на ее восточных и юго-восточных границах: юсовские трапперы и рейнджеры не желали мириться с новыми жесткими порядками на приграничных территориях. Особенно с охраной оленьих и бизоньих стад и огромными штрафами за незаконный промысел пушного зверя. А спустя два года аналитик имперского Генштаба полковник Алиса Епифанцева обнаружила

странную закономерность — каждая крупная пограничная стычка обязательно сопровождалась бандитским налетом команчей и апачей, нередко с жертвами среди должностных лиц имперской администрации.

— Боевые действия явно координируются, — заявила Алиса на заседании Генштаба. — Команчи служат юсовцам.

— Разве такое возможно? — усомнился Эмильен Текумсе. — Индейцы стоко натерпелись от Штатов! Давно ль чокто, чероки и семинолы прошли Дорогой слез, а потаватоми — Дорогой смерти? Неужто забыть успели, держи меня за ноги?!

— Команчей и апачей это не коснулось. Они, слава богу, не в Соединенных Штатах, — с сарказмом ответила Алиса, — и могут спокойно предавать своих братьев.

На том заседании ни к чему определенному не пришли. Правда, было предложение направить для усмирения команчей бригаду специального назначения, но начальник Генштаба не согласился: бригада состояла из волонтеров Русама, ее участие в операции против индейцев создало бы для Орегона и Русской Америки немалые проблемы. Поэтому приняли паллиативное решение — бороться с набегами прежними методами и одновременно следить за подозрительными совпадениями действий грабителей и юсовских рейнджеров. Следили долго, вплоть до открытия железной дороги Текумсе — Рио-Гранде. Первый же пассажирский поезд был ограблен команчами буквально в двух-трех верстах (в империи действовала русская система мер и весов) от конечной станции. После этого Маковаян Ютрамаки немедленно издал указ о создании имперской службы охраны, и проводниками в вагонах стали работать агенты этой службы, или попросту охранки, вооруженные «черепановками» (так волонтеры, а за ними и другие военные Орегона и Русама, прозвали смертоносную машинку, сработанную Мироном Черепановым). Очередной налет на поезд был успешно отбит с немалыми потерями среди нападавших, и угроза железной дороге, казалось, сошла на нет. И вот это происшествие с Ламаром. Дело было как раз в нем, в президенте недавно провозглашенной независимой Техасской республики.

— Почему он вообще появился у нас, этот Ламар? — спросил в пространство Эмильен Текумсе.

— А то ты не знаешь! — наконец подал голос Маковаян. Он вернулся за стол и налил себе чашку чаю. — Кондратий Федорович, — обратился он к Рылееву, который с момента появления начальника Генштаба не проронил ни слова — сидел с прямой спиной, время от времени поднося к губам и аккуратно прихлебывая из чашки остывший чай, — вопрос с университетом придется пока отложить, но вы, если желаете, можете остаться.

— С вашего позволения, Ваше Величество, я останусь. Может быть, мы еще успеем обсудить этот важнейший для империи вопрос. Помимо прочего у меня есть некоторый военный опыт. — Рылеев допил чай, перевернул на блюдце чашку вверх дном, поставил прибор на стол и с невольным вздохом облегчения откинулся на спинку кресла.

Эмильен захохотал, отчего его рыжая борода стала шире вдвое и встопорчилась, хлопнул министра по колену:

— Ну, Федорыч, ты, смотри, никак не отвыкнешь от своих церемоний!

Рылеев поморщился, аккуратно снял с колена руку генерала и ничего не сказал.

— Да ладно, не обижайся, я ж любя, держи меня за ноги... — хохотнул Эмильен и тут же совершенно серьезно, даже сурово обратился к императору: — Маковаян, что я должен знать про Ламара, однако, видит Бог, не знаю?

Индейский император с непроницаемым лицом, на котором не дрогнула ни одна из глубоких морщин, опустошил чашку холодного жасминового чая, закурил длинную трубку, передал ее Эмильену и только после этого заговорил.

А говорил он вот о чем.

По совету генерала император решил собрать в столице внеочередной Большой Круг вождей, чтобы обсудить возможность нападения Соединенных Штатов на Орегон и меры защиты от нее. Разумеется, Круг должен быть закрытым для посторонних. Пригласил одного лишь главного правителя Русской Калифорнии Александра Гавриловича Ротчева (тот занял этот пост после Павла Шелихова). Во-первых, без помощи Русама, как небезосновательно полагали император и начальник Генерального штаба, Орегон обойтись не мог: слишком сильна была юсовская армия против разношерстных

индейских сил; бригада спецназа под командованием полковника Тараканова, конечно, являлась крепким ядром вооруженных сил империи, но хватит ли ее мощи — вопрос весьма серьезный. У Русама же имелись в распоряжении еще две подобных бригады, возглавляемые офицерами, обученными в пестелевской Военной академии (так по указу императора Николая Павловича стало именоваться бывшее военное училище). Во-вторых, сам Ротчев, хоть и не был военным, но обладал умом универсально-аналитическим, обостренным поэтическим воображением, и это могло принести неожиданные плоды.

Короче говоря, Маковаян Ютрамаки не мыслил будущего империи без русских.

— Все это мне ведомо, — нетерпеливо перебил его Эмильен Текумсе. Рылеев осуждающе покачал головой, но генерал не обратил на него внимания. — Однако ж ты не ответил: откуда в нашем поезде взялся Ламар, держи меня за ноги?! Ты что, позвал его на Большой Круг? — Маковаян сдержанно кивнул. Эмильен хлопнул руками по коленям: — Мать... моя Россия! Глупее не придумать!

— Емельян Корнеевич! — возмутился Рылеев. — Поимейте совесть: перед вами император! О чем вы только думаете!

— Уж точно не об верситете... тьфу на него — не выговоришь! — ощерился генерал. — Об империи думаю, Кондрат, об ейной безопасности. Ламар, этот вшивый полковник, точно каку-нито гадость удумал, а Маковаян с ним в обнимашки играть собрался, держи меня за ноги...

Мирабо Бонапарт Ламар был вторым президентом Техасской республики. Избран в 1838 году после генерала Сэма Хьюстона, героя Техасской революции. Эмильен назвал его «вшивым полковником» за то, что тот получил высокий чин сразу из рядовых за спасение двух теханос — так называли местных патриотов.

Император прервал излияния генерала, подняв правую руку ладонью наружу. Эмильен, зная индейские правила, мгновенно замолчал и тяжело задышал, сдерживая эмоции.

— Я понимаю тебя и во многом с тобой согласен, — размеренно и четко заговорил Маковаян. — Безопасность империи сейчас важнее всего. Поэтому я и пригласил на Большой Круг вождей президента Ламара. Он выступает за независимость Техаса от Соединенных

Штатов, а значит, по сути, является нашим союзником. — Эмильен протестующе фыркнул, но подать голос не решился: понимал, что сейчас говорит не старый друг и товарищ, а — император. У Маковаяна же не дрогнула на лице ни одна морщинка. Продолжил как ни в чем не бывало. — Конечно, союзник он ненадежный. Во-первых, сам юсовец и в любой момент может перевернуться на сторону Штатов. Во-вторых, по его указанию наши братья чероки и команчи... да, несмотря ни на что, команчи — наши братья по крови... они изгоняются из Техаса с применением артиллерии, так что неудивительно, что именно команчи напали на поезд, в котором ехал Ламар. И все-таки, пока он не поддерживает Штаты, он работает на Орегон и Русам.

Император сделал паузу, и Эмильен тут же поднял руку с открытой ладонью, однако его опередил Рылеев.

— Ваше Величество, Соединенные Штаты, несомненно, используют этот случай с поездом как повод для военного конфликта. Они объявят Орегон территорией зла, угрожающей свободе и правам человека. Ламар — явный провокатор, своими действиями против индейцев чероки, апачей и команчей он нагнетал напряженность на юге Орегона и в Техасе, прикрываясь заявлениями о независимости, на самом деле действовал в интересах Соединенных Штатов. И это понятно: ведь так называемую революцию совершили американские колонисты при поддержке добровольцев с востока континента, из тех же Штатов...

— А я чё говорю, — пробурчал генерал. Император промолчал, разрешая министру продолжать, чем тот и воспользовался.

— В истории с поездом есть одна странность. — Рылеев перевел взгляд с Маковаяна на Эмильена и обратно, как бы призывая их присоединиться к своим мыслям. — Ламар получил приглашение, конечно же, не открытой почтой, — император кивнул, подтверждая, — но команчи каким-то образом узнали о том, что он поедет по железной дороге, и организовали нападение, хотя до этого уже давно поезда не трогали. Отсюда два вывода: либо Ламар сам известил их, и они действовали по его плану, либо в его ближайшем окружении есть шпион. Однако белые вряд ли возьмутся шпионить в пользу аборигенов, а самих аборигенов Ламар не потерпит возле себя.

Таким образом остается одно: нападение организовано с ведома или по плану президента Техаса и является грандиозной провокацией.

— Есть у меня сумление, — поднял руку Эмильен. — Команчи ведают об охране с «черепановками». Навряд ли нашлись бы охотники подставляться заради белого, держи меня за ноги, без надежды поживиться добычей. А поживиться там было нечем.

— Бледнолицые развратили наших братьев, — сказал Маковаян, — и в последние годы появилось много нарушителей наших древних правил. Раньше таких преступников предавали смерти, но теперь так поступать значит наносить урон племени, поэтому казнь откладывается либо до очередного нарушения, либо до исправления, чаще всего кровью. Вот из таких преступников могла быть собрана команда налетчиков.

— Пожалуй, — кивнул Эмильен. — А вот почто нападали не в Техасе, а у нас? Там-то железных дорог нет — обычные грунтовки. Выбери удобное местечко и хватай кого-нито за мошонку. Хотишь бедолагу ковбоя — хватай ковбоя, хотишь президента...

— Кстати, где сейчас Ламар? — прервал генерала Рылеев.

— Хороший вопрос, держи меня за ноги, — проворчал тот. — Я ужо подумал — никто и не спросит. Развели тут говорильню: бля-ляля, бля-ляля...

Император поднял руку, останавливая генеральскую воркотню.

— Не тяни пуму за хвост, — назидательно сказал он и неожиданно улыбнулся. — Так правильно?

Маковаян всегда уточнял произношение русских пословиц и поговорок.

— У нас говорят «кота», однако пума вроде кошка, сойдет, — сварливо ответил генерал и тоже улыбнулся, правда лишь одной стороной рта, вроде бы нехотя. — Ну да ладно... Значитца, Ламар... президент, держи меня за ноги... — Эмильен еще чуть-чуть «потянул пуму за хвост» и заржал: — Похоже, побег твой союзник, государь!

— Как побег?! Почему?! — одновременно воскликнули Маковаян и Рылеев.

— Откуда сия информация? — добавил министр.

— Информация сия, Кондратий Федорыч, с того же телеграфа. Ламар после нападения на поезд вернулся в Рио-Гранде и убыл в свои пределы.

– Чего ж вы тут крутили?

– Я не крутил... Подготовливал, — усмехнулся Эмильен.

– Значит, инцидент исчерпан...

– Не думаю, — нахмурился император. — Эмильен, надо срочно направить разведчиков в места сосредоточения американских войск у наших границ и в Техас. Ламар может пропустить юсовские отряды через свою территорию. В группы разведки взять лучших следопытов, во главе поставить русских офицеров: они хорошо умеют распоряжаться.

– Уже выполняется, Ваше Величество. — Генерал встал. — Пойдут две группы. Командирами я назначаю поручиков Епифанцевых.

– Твоих сыновей? Это очень опасное задание!

– Они справятся!

– Алиса Васильевна согласилась?

– Полковник Жданко выполняет приказы. — Эмильен почувствовал, что сказал слишком сухо, помялся, кашлянул в кулак и добавил, понизив голос: — Она их благословила.

– Она же вроде неверующая, — подал голос Рылеев. — церковь не посещает.

– Ей в церковь ходить не надо: Бог у нее в душе.

Глава 31

Весна 1842 года

Артем Елифанцев сидел, привязанный к стулу, в хижине, служившей штабом юсовского кавалерийского полка «Серые бизоны», превозмогал боль и пытался осмыслить, что же произошло, где он допустил ошибку, подставив под удар трехмесячный рейд своей разведгруппы по тылам армейского корпуса США. Хозяин хижины, полковник Финеас Кобб, отправился завтракать в компании с человеком, который опознал и выдал Артема. Вернее, опознала и выдала, но поручик об этом старался не думать, хотя понимал — что толку стараться: по всему выходило, что ошибки не было, и лишь внезапное появление этой нью-йоркской журналистки... как ее? Джейн Казно... ввергло его в нынешнее незавидное положение. Ладно еще, Джейн не знала, что он, Артем, — сын ненавистного юсовцам генерала Эмильена Текумсе, а представила его полковнику Коббу просто как русского шпиона. Впрочем, этого тоже вполне достаточно для расстрела.

А до сего дня все шло замечательно. Группа скрытно проникла в глубину расположения американских войск, пришедших в Техас вскоре после Рождества — по просьбе президента они явились «для защиты Техасской революции от империалистов», — и провела тщательную рекогносцировку размещения частей и вооружений.

Самым ценным оказалось обнаружение двух странных машин. Их доставил из Штатов в разобранном виде целый караван фургонов, каждый из которых был запряжен четверкой першеронов. Разведчики следили за машинами целую неделю — сначала за разгрузкой их частей и деталей, потом за сборкой, с изумлением наблюдая, как на их глазах рождаются неведомые создания, напоминающие гигантские механические птицы. Размах крыльев, обтянутых, как определил Артем, перкалью, по прикидкам на глаз, достигал 30 сажен; решетчатое «туловище» до хвоста было также обшито этой прочной тканью; лишь в том месте, куда устанавливали двигательную паровую

машину, корпус обили жостью. Хвост, развернутый веером, был снабжен вертикальным килем, похожим на спинной плавник акулы. «Птица» стояла не на лапах — четыре довольно больших колеса со спицами размещались под крыльями, два гораздо меньших — под носовой частью и хвостом.

Паровая машина, кстати, показалась необычайно легкой: ее несли и устанавливали всего четыре человека. Эта машина должна была приводить в движение четыре больших воздушных винта, закрепленные на крыльях. Разведчики своими глазами увидели, какой сильный ветер получился от их вращения —гнулись молодые деревья, а кусты вообще прижало к земле, — после чего Артем сказал, что эти винты поднимут «птицу» в небо.

– Да разве Бог позволит человеку добраться до его вигвама? — усомнился шошон Хитрый Следопыт.

Православие в империи Орегон, с легкой руки архиепископа Иннокентия, прозванного Апостолом Америки за его неустанную миссионерскую деятельность, процветало. Индейцы толпами собирались в церкви (их только в Орегоне построили почти три десятка; могли бы и больше — не хватало священников, и владыко подумывал об устройстве духовного училища для аборигенов), с умилением слушали службы и проповеди на своем языке и охотно крестились. Сохранившиеся кое-где испанские католические миссии хирели со своей латынью, непонятной даже самим святым отцам, и не пытались конкурировать с православными батюшками. Поэтому вполне естественно, что в группе Артема были крещеные индейцы. Конечно, при крещении они получали имена по святым, но в быту пользовались индейскими.

– Думаю, Бога это ничуть не беспокоит, — успокоил шошона Артем. — Летают же в Русаме воздушные шары... Правда без винтов, но мы вернемся, расскажем об этом самолете, и наши механики сделают такие же, даже еще лучше. Я думаю о другом: зачем юсовцам эти машины?

– Понятно, зачем, — сказал мака Быстроногий Карибу. — Вон там, на носу «птицы» корзина, посадят в нее остроглазых стрелков и будут сверху выцеливать, кого убить в первую очередь.

– А еще оттуда можно бомбы бросать, — добавил Хитрый Следопыт. — Сжечь бы их, и дело с концом.

В носовой части самолета действительно располагалась решетчатая корзина, вмещавшая человека три-четыре, и рассуждения разведчиков показались Антону весьма и весьма здравыми. Отсюда следовало, что «птицы» эти являются боевыми машинами, в отличие от воздушных шаров, расплотившихся в Русаме, с легкой руки Мирона Черепанова, в великом множестве. Шары — различного размера и разнообразной формы, снабженные хитроумными управляющими приспособлениями, — использовались для перевозки грузов и пассажиров по всей Русской Америке. Мирону Ефимовичу и в голову не пришло оборудовать их для войны, а теперь — придется. Впрочем, это несложно для любого хорошего механика, а в Русаме и Орегоне недостатка в них не было, благодаря отделению техники и оборудования в Якутатском горном училище, которым руководил заслуженный геолог Антон Козырев. Якутат, кстати, за сорок, без малого, лет своего существования превратился из крохотного поселка в 50-тысячный город, центр волости, в котором, помимо упомянутого училища, было две гимназии, пять четырехклассных и четыре семиклассных школы, большая верфь, три военных мануфактуры по производству оружия и снаряжения, железоделательный и медеплавильный заводы, несколько мелких фабрик и производств, в том числе превосходное пивоваренное. Вот с железной дорогой, которая связала бы волостной центр с другими, хотя бы близлежащими, поселками и городками, не получилось, по причине сложности горного рельефа в любую, кроме океана, сторону. Поэтому для связи с окружающим миром якутатцам служили пароходы, конные многоместные кареты (дороги все-таки построили неплохие), а с недавнего времени — воздушные шары.

— Сжечь, конечно, надо, но — потом. Мне интересно, откуда взялись эти самолеты, кто их придумал? — задумчиво сказал Артем, собственно, ни к кому не обращаясь. — Не та ли пара гражданских, которые тут всем распоряжаются?

В подзорные трубы разведчики давно заметили двух джентльменов, которых слушались даже офицеры.

Артему никто не ответил, поскольку он никого не спрашивал, и поручик принял решение.

— Значит, так, братцы: я пойду к юсовцам, как обычно, под видом охотника. Попробую разговориться с этими двумя. Вернусь — сожжем

самолеты и направимся домой. Пока меня нет, за старшего, как всегда, остается Хитрый Следопыт.

Поручик не однажды проникал к американцам под видом свободного охотника, зная, как дружелюбно они относятся к своим пионерам. Для этого у него было все — костюм, шляпа, сапоги, винтовка Мортимера и крепконогий Орлик под ковбойским седлом с переметными сумами. Вкупе с хорошим английским, приправленным крепкими ковбойскими словечками, и фляжкой доброго джина экипировка всегда срабатывала. Проблем с получением нужной информации не было.

Ничто не предвещало неудачи и на этот раз.

Артем лихо прискакал в лагерь, его даже не задержал часовой на контрольно-пропускном пункте, спросил лишь имя и цель приезда, на что поручик небрежно бросил:

– Арти Зденкс, фрихантер. Хочу распить бутылочку с твоим командиром, — и проехал мимо.

Часовой завистливо вздохнул и снова устремил настороженный взгляд на дорогу, разрезавшую цветущую по весне прерию от его ног до первого поворота, где-то в полумиле от лагеря. Что там, за поворотом, скрывали травы, такие высокие, что не всякий бизон мог показать над ними свою спину?

Артем разыскал полковника Кобба, представился и попросил разрешения посмотреть на диковинных механических птиц, слух о которых расползается по прериям.

– Вот как! — досадливо крикнул полковник, подтянутый офицер с седыми висками, которые не скрывало военное кепи. — А мы-то надеялись сохранить их в тайне до начала боевых действий. Поэтому и забрались в такую глушь!

– Боевых действий? — удивился Артем. — Против кого?! Неужто мексиканцы снова нападут на Техас?

– Ну-у... есть противники и посерьезней, — неопределенно покрутил пальцами полковник и обрадованно показал на подходивших к ним джентльменов в цивильных костюмах. — Вот, кстати, познакомьтесь, мистер Зденкс, это английские инженеры Хэнсон и Стрингфеллоу, изобретатели механических птиц, которых они называют аэропланами.

– Я просто счастлив... просто счастлив... — повторял Артем, потрясая по очереди руки изобретателей. — Вот уж свезло так свезло! Хотел поглазеть на чудо из чудес, а встретился с его создателями! Неужели они летают?

– Будут летать, мистер не-знаю-как-вас-называть, — угрюмо усмехнулся один из инженеров.

– О-о, простите мою невоспитанность, — смутился поручик. — В прериях совсем одичал, на меня самого уже можно охотиться. Арти Зденкс, фрихантер.

– Уильям Сэмюэл Хэнсон...

– Джон Стрингфеллоу...

– Весьма польщен, господа. Могу ли я удовлетворить свое непомерное любопытство? Полковник сказал, что вы англичане...

– И вы хотите знать, как мы оказались в американской армии? — засмеялся Хэнсон, более молодой изобретатель, попыхивая ароматным дымом из кривой вишневого дерева трубки.

– О, да! Ведь Англия не очень жалует нас, американцев.

– Все очень просто, — хмуро сказал Стрингфеллоу. — Великобритания не приняла наше изобретение, а Джон Кэнфилд Спенсер, военный министр США ухватился за него двумя руками, и вот мы здесь. Ничего личного — бизнес!

– Мы собираемся совершить пробные полеты, — вмешался Хэнсон, видимо, не любитель длинных разговоров. — У нас все готово, полковник.

Все вместе они прошли к стоянке аэропланов. Машины стояли в очередь в начале широкой и длинной полосы очищенной от травы и утрамбованной земли.

– В корзины можно положить какой-нибудь груз, — говорил Хэнсон, — чтобы имитировать вес пассажира.

– Зачем имитировать?! — почти закричал Артем. — Возьмите меня!

– Это может быть очень опасно, — мрачно сказал Стрингфеллоу. — Мы не можем гарантировать вашу безопасность.

– А вашу?

– Мы — изобретатели и конструкторы. Нам полагается рисковать, — улыбаясь, заявил Хэнсон.

Какие они разные, подумал Артем, сошлись же противоположности. А сам заторопился:

– И мне не гарантируйте! Я могу дать расписку, что отвечаю за себя. Могу вам даже заплатить за полет. Правда, совсем немного. У фрихантера, как вы понимаете, денег куры не клюют. — Артем поймал недоуменные взгляды инженеров, полковника и пришедших посмотреть на испытания офицеров и солдат и засмеялся: — Спросите: почему? Да потому, что кур нет.

– Но деньги есть. — Хэнсон погрозил пальцем и тоже засмеялся. Смешок пробежал и среди собравшихся. — А у нас с Джоном ни денег, ни кур.

– Зато собраны аэропланы, — пробурчал Стрингфеллоу.

– Да, господа, это — дороже любых денег, не говоря о каких-то птицах, — вполне серьезно сказал Хэнсон. — Наши «птички» и летать будут, и клевать... кого найдут. — Он помолчал, оглядывая Артема. — Хорошо, мистер Зденкс...

– Зовите меня Арти.

– Хорошо, Арти, я возьму вас в свою машину. Даже без расписки. Но вы будете не просто пассажиром...

– Да? А кем же еще я могу быть? — округлил глаза Артем, хотя уже догадался кем, и Хэнсон только подтвердил догадку.

– Вы будете наблюдать за работой движка — нашей паровой машинкой. В ее топку не надо подкидывать уголь — горючим служит легкий керосин, но вы посмотрите, как она будет вести себя в полете, и расскажете нам. Это будет ваша плата за удовольствие. Согласны?

– Конечно, еще бы не согласен! — горячо заверил Артем.

Испытание аэроплана Хэнсона проходило без сучка и задоринки. Он как-то легко и даже, как показалось Артему, весело прокатился по взлетной полосе и оторвался от земли. Поручик проводил немного растерянным взглядом уплывающие вниз и назад фигуры собравшихся поглазеть на дотоле невиданное зрелище и вдруг почувствовал, как аэроплан проваливается в невидимую яму. Желудок поручика сначала подпрыгнул к самому горлу, а затем медленно пополз вниз, заставляя думать о возможных весьма неприятных последствиях. Только этого не хватало, мелькнула ужаснувшая его мысль, и Артем все силы направил на сопротивление столь болезненным ощущениям. Что-то получилось,

по крайней мере опасность осрамиться отступила, и он смог трезво посмотреть вперед, на приближающиеся облака.

Так вот они какие вблизи, эти прекрасные округлые горы, похожие на сугробы, какие они с Сашкой видели в Ново-Архангельске, пока три года занимались в военном училище. Какое было удовольствие, кубарем скатываясь с крыши казармы, плюхаться в мягкие объятия матушки Зимы и потом до упаду хохотать, видя залепленную снегом физиономию любимого брата. Впрочем, Сашка видел то же самое и тоже покатывался со смеху. Где-то сейчас братишка, как у него идет разведка? От избытка чувств у Артема повлажнели глаза, но тут аппарат вошел в облако, сразу стало серо и сыро, и очарование полета пропало.

Артем заглянул под настил решетчатой корзины, где фыркал и трещал движок, не заметил там ничего настораживающего и приуныл: испытание шло слишком хорошо. Правда этого нельзя было сказать про аппарат под управлением Стрингфеллоу: оглянувшись на взлетную дорожку перед заходом в облака, поручик увидел, что второй аэроплан завалился набок и у него, похоже, сломано крыло. Вот бы и с этим случилось что-то подобное, потому как сжечь — дело нехитрое, можно построить новые, а не прошли испытания — совсем другое! Но как это сделать? Что-нибудь сломать? Только, пожалуй, распорки крыла, но и до них не добраться. И потом, свалиться с такой высоты — Артем прикинул на глазок, взяв за основу размеры всадников, группа которых направлялась по дороге в лагерь, получилось не меньше двух сотен сажен — костей не соберешь. А результат — такой же, как при сожжении аппаратов, то есть нулевой. Интересно, подумал он, на какой высоте наши «черепановки» смогут достать эту «птичку», и сколько таких машин в американской армии. Судя по тому, что воздушные испытания проводятся впервые, сейчас эти два аэроплана единственные, но после успешных полетов их, конечно, начнут строить десятками. Воздушные стрелки и бомбометатели — весьма грозная военная сила.

– Ну, как вы там? — обернувшись в своей кабине, прокричал Хэнсон.

Артем поднял два больших пальца. Хэнсон улыбнулся, показав прокуренные до желтизны зубы, и помахал ответно рукой. Убить его, подумал поручик, — тоже не годится. Да, есть напарник, который

может уцелеть, — но главная заставка в том, что они не военные преступники, а гениальные изобретатели, давшие людям возможность быстрого передвижения по воздуху. Вон в какую даль мы улетели всего за несколько минут! А в том, что их изобретение попало в руки военных, — ничего странного: порох тоже был придуман не для войны, а вот поди ж ты!

Между тем аэроплан сделал разворот и стал снижаться. Внизу сустились солдаты, убирая с взлетной полосы покалеченный второй аппарат. Артем не знал, что предпринять, буквально метался из угла в угол пассажирской корзины, и вдруг взгляд его наткнулся на гвозди, которыми рейки-перекладины корзины крепились к стойкам. То ли от беспокойных движений поручика, то ли от перекосов, возникавших при изменении полета, то ли просто от небрежной работы сборщиков аппарата несколько гвоздей вылезли из своих отверстий, и две перекладины держались буквально на честном слове. Я честного слова не давал, мелькнуло в голове Артема (отец бы точно посмеялся), в то время как он торопливо отдирает рейки от стоек. В образовавшуюся дыру были видны металлические тросики — тяги управления паровой машиной. До одного еще можно дотянуться рукой, до трех других — вряд ли, а вот рейкой — вполне удастся!

Аэроплан приближался к полосе. Еще несколько секунд, и колеса коснутся земли. Артем ударил концом рейки сразу по двум тягам. Ровный стрекот оборвался, в следующее мгновение из-под кожуха двигателя с сильным хлопком вырвалось пламя, и аппарат затрясло. Артем ударил еще по одной тяге. Аэроплан накренился на правое крыло; оно зацепилось за землю, всю конструкцию резко развернуло, одновременно переворачивая, что-то трещало, рассыпалось, Артема швырнуло на горящий движок, он налетел головой на что-то твердое и потерял сознание.

Очнулся поручик на походной койке. Несколько секунд смотрел на мутно-серое брезентовое небо, не понимая, где находится. Потом на этом «небе», словно облако наплывом, появилось чье-то лицо, приблизилось, становясь четче. Незнакомое.

Артем постарался глубоко вздохнуть, в груди что-то закрипело, надавило болью.

— Что со мной? — Хотел спросить в полный голос, получилось — шепотом. — Где я? Где мистер Хэнсон?

– Все о'кей, сэр. — Наклонившееся лицо расплылось в улыбке. — Вы в полковом лазарете. Хэнсон в своей палатке. Герои не умирают.

– Какие, к дьяволу, герои! — просипел Артем.

– Ну как же, сэр! Мистер Хэнсон и вы. Мы даже с земли видели, как вы пытались спасти аэроплан. Да, тут к вам целая депутация из штаба армии. Она как раз подоспела с инспекцией. Есть даже журналисты из Вашингтона и Нью-Йорка.

– Я не хочу никакой депутации...

– Мы уже здесь, мистер Зденкс. — У койки Артема образовалась группа военных. — Мы просто хотим пожать вашу руку.

Полковник, два майора, капитан называли себя, пожимали вялую руку пострадавшего и тут же отходили в сторону, разговаривая там о чем-то своем. Артем никак не реагировал на эти пожатия, не вглядываясь в расплывчатые лица, воспринимая их присутствие как обязательную медицинскую процедуру, вроде глотания горьких таблеток или микстуры.

И вдруг его зрение мгновенно обострилось — к нему наклонилась яркая брюнетка в военном кепи. Миловидное и в то же время хищное лицо, яркие синие глаза; тонкие пальцы крепко сжали его неожиданно одеревеневшую ладонь.

– Джейн Казно, военный корреспондент от журнала «Democratic Review» и газеты «New York Weekly Sun», — представилась она.

Первую половину фразы журналистка произнесла певуче, почти нежно, глядя в глаза Артема, но внезапно рука ее отдернулась, взгляд обострился, последние слова затвердели, и поручик понял: узнала, стерва, теперь — все!

...И вот он сидит, привязанный к стулу, полуобнаженный и перебинтованный. Его допрашивали битый час — полковник Кобб и молодой подтянутый капитан — о разных военных секретах Русама и Орегона. Артем даже не вникал в суть вопросов — просто молчал, думая о том, что выражение «битый час» может быть буквальным. Весь этот час его была Джейн Казно, видимо, мстила за то давнее унижение. Хлестала гибким ивовым прутом. Наотмашь, с остервенением таким, что полковник Кобб морщился, морщился и в конце концов приказал:

– Прекратите, мисс! Это вам не раб на сахарной плантации, а русский офицер-разведчик.

– Он — шпион, а не разведчик! Грязный шпион! Они тут давно разгуливают, как у себя дома, в дикой России! А к этому — у меня личные счеты! — кричала журналистка, сопровождая каждую фразу свистом прута. Кровь брызгала на нее после каждого удара, но она словно сошла с ума — ничего не замечала.

– Я сказал: прекратить! — рявкнул полковник, вырывая у нее окровавленную розгу. — Он молчит, а мужество надо уважать! Пойдемте лучше обедать... а он пусть отдохнет, расстрелять всегда успеем. Капитан, усильте внешнюю охрану. Русский наверняка не один, сообщники могут прийти на выручку.

Капитан вышел из палатки. Кобб и Казно направились следом, продолжая разговор.

– Сколько же надо сообщников, чтобы напасть на целый полк? — удивилась Джейн. — Они же не самоубийцы!

– У русских есть поговорка: «Сам умирай, а товарища выручай». У них так принято.

– Откуда вы это знаете, полковник?

– Я двадцать лет в армии США, мисс Джейн, и все годы — в стычках с русскими волонтерами... Это они себя называют волонтерами, а на самом деле — это специально обученные русские рейнджеры... — Полковник вдруг остановился. — О-о, простите, мисс, но вам следует переодеться: вы вся в крови.

Журналистка глянула на платье, заляпанное бурыми и красными пятнами, и побледнела:

– Боже, как я неосторожна! Этот русский мальчишка и тут мне напакостил!

– А что вас с ним связывает?

– Давняя история... Прошу меня извинить, полковник, я, и верно, схожу переоденусь. Встретимся за обедом.

Журналистка быстрым шагом, почти бегом, направилась в конец лагеря, где были поставлены гостевые палатки.

Полковник потянулся, расправляя плечи, осмотрелся. Солнечный полдень, лето еще только на подходе, а жара уже начала общее наступление — захватила цветущую прерию, накрыла ее колеблющимися волнами перегретого воздуха — вон даже контуры

строгoго ряда серых палаток расплываются и кажутся деталями миража.

Лагерь был занят обычной жизнью: звонко стучал молот о наковальню в походной кузнице, ржали лошади в загоне, сновали солдаты, кучка офицеров неподалеку от полковника вдруг дружно засмеялась — наверное, над анекдотом: недаром в центре группы возвышался записной остряк Билли Кеннеди...

Кобб оглянулся на свою палатку — у входа стояли на часах два кавалериста в полном снаряжении с карабинами, положенными на сгиб левой руки. Лица их блестели от пота, на кончиках носа и подбородках висели капли. Бедняги, подумал полковник, махнул им рукой:

– Вольно, парни, расслабьтесь, — и пошел вдоль строя палаток, направляясь в офицерское «стойло», diningstall, на обед.

Артем очнулся от забытья, в которое впал сразу после истязаний, ощутив, как резко ослабли и опали путы, притягивавшие его израненное тело к спинке походного стула. Открыв, скорее разлепив, глаза, он обнаружил склонившегося над его связанными ногами Быстроногого Карибу. Блеснул нож, и Артем непроизвольно вытянул освобожденные ноги: Господи, как невыразимо приятно!

– Ты один? — шепотом спросил он индейца.

Тот показал два пальца и добавил, тоже шепотом:

– Одинокoй Волк. Ждет за палаткой. Нас послал Хитрый Следопыт.

Артем не стал спрашивать, почему боевые товарищи явились среди бела дня, когда, казалось бы, все на виду. Ночью охрана обычно усиливается, а днем часовые невольно расслабляются, их бдительность ослабевает. Тем более в такую жару.

Быстроногий Карибу передал Артему свой шестизарядный черепановский пистолет и поманил командира в глубину палатки, где за пологом стояла кровать полковника. Друг за другом они нырнули под кровать. Там, чуть выше уровня земли, оказалась длинная горизонтальная щель, аккуратно прорезанная во внешнем полотне. Снаружи, в «ущелье», образованном задними стенками местных палаток, лежал Одинокoй Волк, сжимая в руках

винтовку-«черепановку». Увидев выползшего первым Артема, он радостно улыбнулся и пожал ему руку.

«Ущелье» протянулось до внешнего периметра лагеря, так что где короткими пробежками, где ползком разведчики быстро добрались до его конца, а дальше было самое сложное. По периметру, на расстоянии десятка саженей друг от друга ходили часовые, от палаток до них и от них до прерии было рукой подать, в сумме саженей пятнадцать, но как их преодолеть, не подняв тревогу? От кавалеристов по прерии не уйти, даже скрываясь в высокой траве. Ждать ночи? Но вернется с обеда полковник, обнаружит побег, бросит на поиски всех своих солдат и поймать беглецов — дело не столь уж долгого времени.

Лежа в «ущелье», Артем ломал голову так и этак, но, оказывается, зря: Хитрый Следопыт все предусмотрел. Поручик заметил, как Быстроногий Карибу вытащил часы, висевшие у него на шейной цепочке, открыл крышку, глянул и тут же захлопнул, сунув их обратно за пазуху.

— Будьте готовы, — только и шепнул, как в отдалении, похоже, на другой стороне лагеря, послышался взрыв, а затем — скорые выстрелы.

По лагерю пронеслась волна криков: сержанты и офицеры созывали солдат, и беглецы увидели, как несколько часовых пробежали мимо «ущелья». Одинокий Волк змеей прополз к периметру, выглянул и призывно махнул рукой. Быстроногий Карибу подхватил под руку Артема с одной стороны, Одинокий Волк — с другой, они чуть ли не на весу протащили командира через открытое место и уже почти нырнули в высокую траву, как раздался крик:

— Стой! Стрелять буду!

Они оглянулись и остановились, подняв руки за голову. К ним подбегал солдат с карабином наизготовку. Когда до него оставалось с десяток шагов, правая рука Одинокого Волка взметнулась из-за головы, и злосчастный часовой рухнул, роняя оружие: нож индейца вошел ему в шею по самую рукоять.

Короткие очереди «черепановок» Хитрого Следопыта и четвертого индейца, по имени Кваху (Орел), прекратились, когда Артем и его товарищи были от лагеря далеко и присели передохнуть.

— Ну, спасибо, братья, — сказал Артем. — Я уже в мыслях попрощался со всеми.

– Если нет надежды на победу, воевать бессмысленно, — сказал Быстроногий Карибу.

– А у нас говорят: надежда умирает последней, — улыбнулся Артем. — Как там наши, не пострадали?

– Хитрый Следопыт подумал обо всем. Он ждет нас. Ты можешь бежать ниже травы?

– Могу и ниже травы, и тише воды. Нас ждет не только Хитрый Следопыт — нас ждут Орегон и Русам.

Глава 32

1847 год

Николай Николаевич Муравьев смотрел в окно вагона на проносящиеся мимо картины Сибири. Вот уже который день они с женой, юной француженкой Катрин, после православного крещения ставшей Екатериной Николаевной, не отрывали глаз от захватывающего зрелища российской осени. Казалось бы, что от Петербурга до Москвы, что от Москвы до Екатеринбурга, что теперь — от Урала до Енисея, куда с невероятной скоростью, пятьдесят верст в час, мчался пассажирский поезд, — всюду одно и то же: березово-осиново-хвойные леса и перелески, разноразмерные поля с копнами убранных хлебов, редкие сады и множество огородов, почему-то разбитых вдоль железной дороги. Однако какая же талантливейшая художница русская осень, думал Муравьев, — как неустанно и изобретательно раскрашивает она бесконечно повторяющиеся картины своими яркими красками — порою дух захватывает и восторженные слезы выступают на глазах при виде буйного смещения веселого золота, тревожного багрянца, пугающей пламенности листвы и хмурой зелени хвои. Это вам не европейская размеренность и расписанность — тут липа, тут клен, там тополь, там вяз. В России все вперемешку и всего много, оттого и душа русского человека бунтарская и щедрая, не в пример западным прописям...

Что это я расфилософствовался, смутился Николай Николаевич и оглянулся на жену, которая сейчас спала, утомившись от длительного бдения у окна. Боже, как она вначале испугалась его внезапного назначения генерал-губернатором Восточной Сибири — этого почти самостоятельного автономного государства со своей столицей — двухсоттысячным городом Иркутском! Он тогда не обиделся и не расстроился — понимал, что ей, уроженке крохотной Гаскони, вся-то Франция казалась огромной, и Европу она вряд ли могла представить целиком, а тут Сибирь, больше всей Европы, и она, маленькая Катрин, жена полновластного хозяина этой страны! Как тут не испугаться! Но

постепенно привыкла к этой мысли и теперь, глядя на сибирские просторы, ничего уже не чувствовала, кроме восхищения и гордости за мужа, которому государь доверил управление столь великой провинцией.

Доверил управление!..

Николай Николаевич пока не посвятил жену в детали этой высочайшей милости, а дьявол, как известно, прячется в деталях.

Во-первых, вот эта самая железная дорога.

Пока новоиспеченный генерал-губернатор в течение месяца знакомился в Санкт-Петербурге с состоянием дел в своей «епархии» (так он с некоторой долей иронии называл автономную Восточную Сибирь), он вникал и в историю этих дел. Узнал, что его предшественник генерал Руперт был снят со своего поста, в частности, за то, что полностью «завалил» программу строительства железных дорог, разработанную под личным руководством его императорского величества. (Николай Павлович, имея военно-инженерное образование, по свидетельству министра внутренних дел графа Перовского, с увлечением занимался сим весьма перспективным как в экономическом, так и в военном отношении проектом.) За десять лет построили всего-то отрезок от Томска до Канска, полторы тысячи верст, а должны были — до Иркутска.

— Теперь это ляжет на твои плечи, Муравьев, — говорил император, глядя на генерала сверху вниз (он был выше на голову). — Договаривайся с Тебеньковым, это главный правитель Русской Америки, чтобы прислал тебе своих специалистов по железным дорогам, наши отчего-то плохо справляются. Им, конечно, платить надобно больше, но работа их того стоит. Да, и не надейся на Вронченко: этот скряга денег на них не даст, так что изыскивай на месте. — Муравьев хотел спросить, кто же денег даст на месте, но не решился, однако государь словно проник в его мысли: — Учись у наших американцев: они свои дороги, а их там сотни верст, строили, не прося ни у Канкринина, ни у Вронченко ни копейки. Как говорится — за счет внутренних резервов.

Николай Николаевич знал, что Русская Америка стала пионером строительства железных дорог — и не только в России, но и в Европе. Паровозы англичанина Стефенсона не выдержали конкурса с паровозами Черепановых, и европейские страны, наперегонки

бросившиеся покрывать свои территории железнодорожными сетями, вынуждены были покупать у России паровозы, а заодно и вагоны — грузовые и пассажирские. Паровозные заводы построили на юге Малороссии, где обнаружили большие запасы железной руды и угля, пригодного для выплавки чугуна и стали, и конечно же на Урале, в исконной демидовской промышленной вотчине. Вагоностроительные заводы возвели там, где было много делового леса — в Воронеже, Нижнем Новгороде, а потом и в Перми, Екатеринбурге. В 1820 году начали прокладывать дорогу между столицами, в ее проектировании участвовал юный Николай Павлович; по его настоянию тогда же начались работы по выбору и изучению трассы Трансроссийской магистрали, от Москвы до Иркутска через важнейшие губернские города. Теперь, как сказал император, последний участок этой магистрали ложился на плечи молодого генерал-губернатора.

Молодого, вздохнул Муравьев, конечно, молодого: только-только стукнуло тридцать восемь и женат чуть более полугода. Он снова оглянулся на раскинувшуюся во сне Катрин, залюбовался ее обнажившейся грудью... Хорошая это придумка — спальня вагон: тут тебе и гостиная, и спальня с широкой постелью, и удобный туалет со стульчаком, для слуг — отдельное купе. А как же иначе? Вон только от Петербурга до Москвы ехать двенадцать часов, а от Москвы — сутки за сутками, разве столько высидишь?! Муравьев вспомнил, как еще совсем недавно, какой-то десяток лет назад, ездили на перекладных, да в кибитках или колясках, и, улыбнувшись, покрутил головой: вот уж верно, к хорошему быстро привыкаешь.

Итак, во-первых, «железка» до Иркутска. «За счет внутренних резервов»! Где их только искать? Ну, ладно, посмотрим, а что во-вторых, в-третьих и так далее?

Во-вторых, понятно, нужна хорошая дорога к океану. Пусть пока не железная. Тут два варианта: водой до Якутска, а дальше — тракт до Охотска, либо по Амуру до моря. Но — Амур-то ничейный: маньчжуры полтора года лет как прогнали с него русских казаков, однако сами его так и не заняли. И что из этого следует? А из этого следует, что занятие Амура ложится тоже на твои плечи, ваше превосходительство. Впрочем, на Амур России надо возвращаться в любом случае. Петропавловский порт на Камчатке зимой замерзает, через Русскую Америку и Гавайи не больно-то наторгуешься, а

торговать просто жизненно необходимо, чтобы закрепиться на Тихом океане. То есть нужны незамерзающие или, по крайней мере, мало замерзающие порты. А к ним, опять же, — дороги, желательно железные!

Отсюда — в-третьих: требуется развивать промышленность. Не тащить же паровозы и вагоны через половину России. Да и рельсы тоже.

И здесь без помощи Русской Америки не обойтись. У них хорошие геологи, сталевары, опытные горные инженеры и, как это ни удивительно, рабочие руки. Если раньше Русская Америка страдала от нехватки людей, потому что опиралась только на прибывающих из России, то сейчас выяснилось, что индейцы и эскимосы не только охотники и воины, но и прекрасные рабочие.

Да, совсем забыл, усмехнулся генерал-губернатор, позарез нужен электрический телеграф. Придумали его не в Русской Америке, но она моментально подхватила новинку, профинансировала научные исследования в Императорской академии наук, и вот вам, пожалуйста, некий Якоби сделал буквопечатающий аппарат, который тут же пошел в работу. За три или четыре года этот телеграф охватил не только Аляску и Калифорнию — российские американцы протянули провод (они его называют кабель) по дну океана от Росса до Гавайев и от Шелихова до Петропавловска. Да еще и империю Орегон прихватили.

А в России только и сподобились — от столицы до столицы. Воздух там, что ли, другой, в этой Америке, что у них все спорится, а у нас тормозится? Если и дальше так дело пойдет, плюнут они на метрополию и отделятся от нее, как отделились английские колонии от своей империи. И поделом будет размазне России!

Эк, куда меня занесло, покачал головой Муравьев. С такими мыслями надо быть поосторожней: глядишь, и в революционеры-сепаратисты запишут...

За вагонным окном замелькали дома и домишки, улицы с людьми, лошадьми, повозками... закрытый полосатым шлагбаумом переезд, перед которым стояли два паромобилия, оранжевый и зеленый... двухэтажный кирпичный особняк, с портиком и колоннадой, над ним развевался на ветру государственный триколор — очевидно, городская управа...

Канск! Столица сибирских золотопромышленников! Вот они, внутренние резервы, возликовал генерал-губернатор, скинутся господа предприниматели и дорогу не только до Иркутска, но и до Пекина дотянем. Не задаром, конечно, для Китая, а баш на баш: мы вам современную дорогу, вы нам обратно Приамурье. Хватит быть собакой на сене: сам не ам и другому не дам. За сто пятьдесят лет ни одного маломальского городка не поставили, ни одной дороги не провели — не то что наши казаки: прошли два раза по Амуру и давай остроги рубить, в землю вращать, корни пускать — на веки вечные!

У генерал-губернатора даже глаза повлажнели от избытка чувств, но он постарался взять себя в руки. Служба, прежде всего служба. Поезд дальше не идет, надо пересаживаться на коляски и повозки. Тут, конечно, будет торжественная встреча с местной верхушкой общества и обед, вот на нем-то он и призовет настоятельно купцов и промышленников к участию в общепольном деле. Оно ведь и верно общепольное: железная дорога позволит им развернуться в торговле с Китаем и тем же англичанам укорот дать, а то они вообще распоясались — за тридевять земель от своих берегов ведут себя так, будто они в Поднебесной полные хозяева. Побили слабого и довольны: можно с него три шкуры драть, а взамен — кукиш и даже без масла! То ли дело мы, русские: куда ни придем, первым делом строить начинаем...

Однако пора будить Катюшу: ей тоже надлежит являться рядом с мужем.

Она легко раскрыла свои яркие карие глаза, потянулась, обняла за шею склонившегося мужа и поцеловала его волнистые рыжеватые волосы. Он замер, пронизанный нежностью, подумал: Господи, как же я ее люблю! Генерал был счастлив делить с этой бесконечно родной женщиной ложе, семейные радости и печали, но он и представить тогда не мог, что она станет почти на равных погружаться с ним в государственные заботы, деликатно поправлять его ошибки в отношениях с подчиненными и станет настолько уважаемой, что казаки в честь нее нарекут первую свою станицу на Амуре — Екатерино-Никольская.

Небольшой перрон станции был забит людьми. В первом ряду стояли городские чины (градоначальник со своими присными),

именитые горожане (те самые купцы и промышленники, «местные резервы»), разночинная, так сказать, интеллигенция (учители, врачи, артисты и художники). Сколько их может быть в таком городишке? Как раз на первый ряд и хватает. Далее толпился простой народ: любопытственно же поглазеть на нового генерал-губернатора, да еще, говорят, до неприличия молодого.

Муравьеву открыли дверь, и он ступил на перрон. Отдал честь и оборотился, подавая руку красавице-жене, выходящей из вагона. И услышал за спиной негромкий одобрителный гул, волной прокатившийся по толпе встречающих и затихший где-то возле флигелька вокзала.

Похоже, понравились. Но разве могли не понравиться?

Он — хоть и невысокого роста, но в ладно сидящем темно-зеленом мундире с генеральскими эполетами на плечах, в портупее с саблей на правом боку (раненая правая рука не владела оружием; а сабля, кстати, наградная, «За храбрость»), в походной фуражке на рыжеватых кудрях, непокорно вырывавшихся из-под околыша; темно-русые усы и бакенбарды без единого седого волоска, десятков боевых орденов — все говорило об уверенности, целеустремленности и самой высокой поддержке сверху. Ни для кого не было секретом, что император любил ставить на высокие посты боевых офицеров, потому что они знали, что такое дисциплина и исполнительность, а без оных качеств, говаривал Николай Павлович, ни одно дело не сладится.

Она — в бархатном малиновом салопе с пелериной, отделанной мехом куницы, в малиновой же шляпе с черной вуалеткой и павлиньим перышком с маленьким радужным «глазком»; на округлом лице, обрамленном каштановыми локонами, точеный носик с чуть приподнятым кончиком, огромные сияющие карие глаза и яркие чувственные губы — все дышит юной женственностью, влюбленностью в жизнь и своего мужа. Не женщина, а сплошное очарование!

Мужчины, как заметил Муравьев, все норовили скосить глаза на Катрин и только вынужденно переводили взгляды на генерала. Это его нисколько не огорчало, наоборот, он был доволен, что имеется еще рычаг воздействия на тех, кто вздумает сопротивляться его поискам «внутренних резервов». За жену он не беспокоился: она прелестна, но не легкомысленна, сумела дать отпор самому императору, когда тот

предложил прогуляться с ним по залам Зимнего дворца. А ему, Муравьеву, после этого случая, сказала:

– Милый, если я поллюблю кого-то другого, ты об этом узнаешь первым. Но учти: если мне будет не хватать твоего внимания, всегда найдется кто-то, желающий заполнить этот пробел.

Сказано было с милой улыбкой, но он почувствовал в шутке жесткое предупреждение и с той поры особенно старался не допустить «пробелов».

Для настойчивых ухажеров у Екатерины Николаевны была заготовлена убийственная фраза:

– Мне безумно приятно ваше внимание, но давайте не будем осложнять наши добрые отношения.

После чего умный человек понимал, что ему «не светит», и снимал «осаду», а на глупых Катюша вообще не обращала внимания.

Муравьев верил ей безоговорочно. С той поры как они встретились, чем бы он ни занимался, что бы ни делал, он делал это под знаком любви и ради любви.

Вот и Амур собрался вернуть, и с Китаем задружить — во имя любви.

...Из первого ряда встречающих вышли три здоровенных бородатых мужика; средний, чью окладистую бороду прошили серебряные нити, держал на вышитом рушнике огромный каравай душистого хлеба, увенчанный золотой солонкой с кучкой соли; двое помоложе, волосом чернявые, поддерживали крылья рушника — все трое они как бы олицетворяли единое целое. Православие, самодержавие, народность — вспомнил генерал-губернатор новомодную формулу Российской империи, предложенную министром народного просвещения графом Уваровым, и неожиданно для себя не согласился: нет, пожалуй, единство трех континентов — Европы, Азии и Америки — в границах Русской Империи, так будет верней!

Он отломил край каравая, разделил его с Екатериной Николаевной — они обмакнули хлеб в соль и вкусили гостеприимства земли Канской.

Народ закричал «ура!», вверх полетели шапки; первые ряды похлопали. Начались церемониальные речи. Пока что краткие, длинные предполагаются обычно на торжественном обеде, который, разумеется, и воспоследовал в доме главного золотопромышленника

края Гаврилы Машарова, того самого, который держал при встрече хлеб-соль вкупе с родными братьями. А дом этот стоял в тайге, на берегу красавицы-реки Кан, не дом, а настоящий дворец — трехэтажный, со стеклянными галереями, оранжереей, зимним садом с пальмами и фруктовыми деревьями. Хозяин, проведя именитых гостей по всем уголкам дворца, с гордостью показал главную достопримечательность — 8-фунтовую золотую медаль с выгравированной надписью: «Гаврила Машаровъ — императоръ всѣя тайги». Генерал-губернатор не преминул сказать о ней в своей довольно пространной речи. Инаугурационной — так насмешливо назвала ее Екатерина Николаевна.

— ...Одна из главных задач, которые назвал мне в напутствие государь, — говорил генерал Муравьев, — это прокладка железной дороги до Иркутска. Думаю, важность сего предприятия для всей России не вызывает сомнений. Однако мне видится ее продолжение — с юга вокруг Байкала и далее, до Пекина. Эта дорога поможет нам вернуть в лоно Отечества некогда утраченные земли по Амуру и крепко встать на берегу Великого океана. Но... у казны нет денег на сие предприятие. Однако деньги есть у вас, уважаемые купцы и предприниматели. Так не лучше ли вложить их в компанию по строительству дороги, позарез нужной вам самим, нежели пускать их на красивые безделушки типа медали «императора тайги»? Никто не будет «императором дороги», но каждый станет ее акционером. А главу компании выберете сами, хотя я, со своей стороны, предложил бы вашего «таежного Наполеона» Гаврилу Федоровича Машарова.

Генерал-губернатор сделал паузу, оглядел застолье. Лица торговцев и промышленников отражали глубокое раздумье, кое-кто взглядывал на Машаровых — как поведут себя они? И когда затишье стало уже нестерпимым, Гаврила встал и захлопал огромными ладонями, будто орел, разминающий крылья перед полетом.

Муравьев, не скрывая радости, зааплодировал встречно. Их дружно поддержало все высокое собрание.

Как там китайцы говорят: «Дорога в тысячу ли начинается с первого шага»?

Первый шаг был сделан, и он лег в копилку созидания нового мира.

Глава 33

Осень 1853 года

Турция в очередной раз — какой по счету, никто уже не помнил, кроме, может быть, любителей истории — напала на Россию. И, конечно, не по своей охоте. Султан и его визири были не дураки: они отлично знали, сколь силен Черноморский флот России, полностью паровинтовой, по примеру Тихоокеанского, который пока что не был имперским флотом, поскольку финансировался Российско-Американской компанией, но уже показал свою силу, изгнав из Русского океана (так стали называть северную часть Тихого, ограниченную с юга Гавайским архипелагом) иностранных хищников-браконьеров, уничтожавших все подряд — китов, дельфинов, морского зверя. В Севастополе базировались три линкора, шесть броненосных крейсеров и около двадцати более мелких кораблей. Кроме того, у причалов Одессы и Новороссийска швартовались канонерские лодки и миноносные катера конструкции лейтенантов-декабристов Николая Акулова и Епафродита Мусина-Пушкина. Первые такие катера они построили на гавайской базе под крылом правителя Тараканова.

Так вот, знали турки про русский флот, про железные дороги, протянутые в Бессарабию, Новороссию и Крым, — по ним легко теперь можно перебросить резервы на нужные участки фронта, — все знали и, тем не менее, затеяли войну. Поддались мощному давлению Англии и Франции, которые пригрозили лишить Османскую империю владений в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Это — в качестве кнута, а в качестве пряника пообещали союзническую помощь.

И, как ни странно, не обманули: хотя и не сразу после объявления войны, но все же присоединили свои экспедиционные корпуса к турецкой армии. Правда, кораблей современных в акваторию Черного моря не дали, заявив — как удалось выяснить русской разведке, — что они им нужны в Тихом океане, где вкупе с флотом Соединенных Штатов англо-французская армада должна не только разгромить русские морские силы, но и стереть с лица земли все портовые города

Аляски, Калифорнии, Гавайев и Камчатки. Собственно, вся война-то и была затеяна ради этой конечной цели, а начали с Турции, потому что и Лондон, и Париж были абсолютно уверены, что Россия очень быстро и чувствительно задаст османам перцу, дав тем самым повод Западу завопить: «Русские — звери! Слабых бьют!» — и ринуться на защиту обиженных. И защищать их будут, разумеется, везде, где встретят обидчиков, то бишь в первую очередь, как уже сказано, в тихоокеанском регионе.

— А почему британцы и их союзники надеются разгромить наш Тихоокеанский флот? — поинтересовался император у шефа русской разведки генерала Орлова. — Ведь, насколько мне известно, он мощнее Черноморского: и кораблей больше, и бригада морской пехоты имеется, каковой, к сожалению, в России пока что нет. Да, и, кстати, как это с англо-французами стакнулись Соединенные Штаты? Ведь мы с ними не воюем.

Орлов хмыкнул в пышные усы: мол, что тут непонятного, — но тут же смутился под недоумевающим взглядом государя, кашлянул в кулак и браво доложил:

— Штаты, и верно, формально с нами не воюют. Они частным образом хотят разделаться с Российско-Американской компанией, которая, по их мнению, не имеет права на занятые территории. А разгромить Тихоокеанский флот рассчитывают потому, что себялюбцы. Индейцев за людей не считают.

— Не понял, — поднял брови Николай Павлович. — Не соблаговолишь ли выразиться яснее, милейший Алексей Федорович?

— Все просто, Ваше Величество. В Русской Америке собственно русских не так уж и много, там давно открыты школы и училища для аборигенов — алеутов, эскимосов, индейцев. Аборигены служат в администрациях, работают на фабриках и заводах, составляют основную силу в воинских частях и на флоте. Как раз на флоте особенно много индейцев, они почему-то охотно идут в военные моряки. Есть уже морские офицеры. А британцы, да и французы тоже, не говоря уже про американцев из Соединенных Штатов, — все они считают их недочеловеками, следовательно, плохими матросами и никудышными офицерами. Потому и рассчитывают на легкие победы.

— А ты как считаешь? — Император с любопытством взглянул на генерала.

– Я лично с ними не сталкивался, государь, но мне довелось как-то побеседовать с генералом оregonской армии Алексеем Тимофеевичем Таракановым...

– Русский?

– Полукровка, креол. Отец — русский, покойный правитель Русских Гавайев, его усердными стараниями создана база Тихоокеанского флота в Жемчужной бухте. Мать — индеанка, сестра императора Орегона Маковаяна Ютрамаки.

– То есть генерал — племянник императора? — уточнил Николай Павлович. Орлов кивнул. — Продолжай.

– Так вот Тараканов в приватной нашей беседе говорил, что индейцы весьма и весьма способны к военной и морской службе. И офицеры из них получаются не хуже наших, а может, и лучше. Они усердны в познании нового и память у них отменная от природы. Они легко усваивают русский язык и даже с гордостью называют себя русскими.

– Но русский человек — православный, а у них — шаманизм!

– О, Ваше Величество! Благодаря апостольской деятельности в Америке архиепископа Иннокентия, православие давно стало первой, можно сказать главной, религией в Русской Америке.

– Значит, ты полагаешь, наши противники на Тихом океане получают хорошую взбучку?

– Не сомневаюсь, государь.

Но была ли в действительности основа для такой уверенности верховной власти России?

Муравьев досрочно выполнил задание царя — построил железную дорогу до Иркутска. Компания, возглавляемая Гаврилой Машаровым, вела такую же на Пекин (цинский император Сяньфэн скрипнул зубами, но вместе с Муравьевым подписал договор, по которому граница с Россией пролегла по Амуру и Уссури вплоть до Кореи). Никому дотоле не известный капитан-лейтенант Невельской, которого поддерживал генерал-губернатор, обследовал устье Амура и развеял заблуждение многих знаменитых мореплавателей, что Сахалин полуостров, а река непригодна для использования. Амурская экспедиция, возглавляемая Невельским, ставшим к тому времени капитаном 1-го ранга, усердно изучала возвращенные и вновь

приобретенные земли. До Николаевска, первого города на Амуре, из Забайкалья протянули оптический телеграф, но связь с Камчаткой оставалась на прежнем уровне, то есть по морю. Правда, теперь паровинтовой корвет добирался до Петропавловска в любую погоду в три-четыре раза быстрее, нежели парусник, однако зимой, как и раньше, почта шла кружным путем на оленях и собачьих упряжках. Зато инженеры Русама протянули кабель электрического телеграфа с последних островов Алеутской гряды Атту и Агатту до Командорских, а оттуда — в Петропавловск. Теперь специальное судно для прокладки подводного кабеля, построенное на Якутатской верфи (кабель, кстати, тоже производили на Якутатском медеплавильном заводе), передвигалось вдоль Курильских островов, связывая их в единую цепь, чтобы затем от Кунашира протянуть электрическую нить на Сахалин и далее, на материк.

По приказу генерал-губернатора строились береговые укрепления в Петропавловске, Охотске, Аяне, Де-Кастри и Николаевске. Возводились батареи из пушек, доставленных по Амuru (мало их было, еще очень мало!), на мысе Пронге (у входа в Амур), в Александровске на Сахалине (напротив Де-Кастри; вместе они предназначались для прикрытия пролива Невельского с юга) и Владивостоке. Новые города Благовещенск, Хабаровск, Албазин, Троицк и полтора десятка переселенческих сел и казачьих станиц по Амuru и Уссури должны были служить надежным тылом.

Крайний Восток со временем обещал стать мощной крепостью. Но это было вопросом будущего, а война на юге России уже шла полным ходом, и сводная англо-франко-американская армада, в составе полусотни больших и малых кораблей, приближалась к мысу Горн, чтобы, обогнув его, покатиться девятым валом, или даже цунами, на север, к Гавайям, разгромить базу русского Тихоокеанского флота и рассыпаться затем эскадрами, пройти огнем и мечом по российским владениям на восточном и западном побережьях Великого океана. Чтобы духу русского там не осталось!

На Гавайях об армаде узнали из сообщения по электротелеграфу, пришедшему из Росса. Правителем Гавайской провинции Русама после смерти Тимофея Тараканова стал его младший сын Павел, двадцатисемилетний капитан-лейтенант российского флота. Несмотря на свою молодость, Павел Тимофеевич к 1839 году уже имел немалые

заслуги в строительстве базы флота и изгнании браконьеров из Русского океана. Кстати, именно по его предложению корабли стали оснащать боевыми ракетами. К тому времени, несмотря на успешные действия ракетных частей в сражениях на суше и на море, интерес к ним военных в различных странах стал угасать — скорее всего из-за низкой прицельности каждого снаряда. А русские усовершенствовали ракетный станок генерала Александра Засядко и ракету Вильяма Конгрейва, которая применялась многими армиями, и получили бомбометы, позволяющие одним залпом накрывать цели на площади в несколько десятков квадратных сажен на расстоянии до двух верст. И Тараканов доказал командующему Тихоокеанским флотом вице-адмиралу Путятину, что эти бомбометы весьма и весьма эффективны на море.

Тут нельзя не сказать, что все работы по конструированию, изготовлению и испытаниям этого оружия были проделаны молодыми артиллеристами из числа декабристов под руководством подполковника Андрея Васильевича Ентальцева. Павел Иванович Пестель, став начальником Ново-Архангельского военного училища, первым делом создал кафедры по различным направлениям военной науки, в том числе Артиллерийскую, а при ней — Ракетный кабинет, поскольку сам был поклонником Конгрейва и Засядко и считал, что у ракетного оружия большое будущее. Полученные декабристами результаты были немедленно отправлены на Большую землю, в Петербург, и Засядко, будучи в то время начальником Михайловской артиллерийской академии и дав восторженную оценку работе, просил государя наградить всех ее участников. Император не остался равнодушным к этой просьбе, кстати, поддержанной великим князем Михаилом Павловичем, шефом артиллерийского ведомства: всем десяти артиллеристам не только вернули прежние звания, но и повысили на один чин, а Ентальцев получил орден Св. Владимира 3-й степени. Бомбометы же скорейшим порядком были запущены в производство, и через год первые их образцы участвовали в сражениях против мятежных поляков. Теперь же ими оснащали армейские части, действующие против турок и их союзников.

Павел Тараканов уже четырнадцать лет не только успешно управлял провинцией, дойдя до звания капитана 1-го ранга, — он женился на младшей дочери гавайского короля Камеамеа III, которая

родила ему четырех сыновей и двух дочек, и тем самым еще больше укрепил дружественные связи России и Гавайев. Гавайцы любили «Талаканалли» и называли его сыном короля. Наверное, потому, что сам он называл Камеамеа «Макуа кане» (отец). Они вообще очень хорошо относились к русским, охотно учили язык, крестились и давали детям русские имена. Школы на островах открыл еще Тимофей Никитич, но Павел Тимофеевич требовал от подчиненных знания гавайского языка и неукоснительного уважения прав и обычаев местного населения.

Весть о приближении вражеских кораблей не вызвала на Гавайях паники, но заставила правителя Тараканова и короля Камеамеа провести срочное совещание комендантов русских крепостей и князей островов. Несколько быстроходных катеров обошли архипелаг и сумели всего за четыре дня собрать их на Оаху.

Кроме вызванных, в совещании участвовали командующий и штаб флота, все начальники отделений русской администрации, а также члены Собрании старейшин. Учитывая почтенный возраст последних, правитель предложил разговор вести на гавайском языке и лишь в порядке исключения пользоваться русским. Никто не возражал хотя бы потому, что большинство комендантов были женаты на гавайках, и местный язык стал для них почти родным.

Вопрос был один: что нужно предпринять для защиты архипелага?

– Мы не знаем, какое количество и каковы классы кораблей противника, — говорил Тараканов, — но одно известно точно: в составе юсовской эскадры есть эвиеншип, или, по-нашему, самолетоносец. На его палубе — а она огромной длины — размещаются три или четыре самолета, которые взлетают с этой палубы и несут бомбы.

– Опасное оружие, — пробормотал начальник штаба флота капитан I ранга Селиверстов.

– Да, Степан Панкратович, весьма и весьма опасное. Но я думаю, бомбометы Ентальцева будут пригодны не только против кораблей, но и — самолетов. Надо лишь снаряжать ракеты гранатами меньшего, против обычного, веса и соотносить время их подрыва с расстоянием до подлетающего самолета. А для самого близкого расстояния стоит попробовать счетверить на одном станке усовершенствованные

скорострелы Черепановых, чтобы стрелять по аэронавтам и двигателям. Как вы считаете, Михаил Дмитриевич, — обратился правитель к командующему флотом контр-адмиралу Тебенькову, — найдутся у вас умельцы для такой комбинации?

— Найдутся, Павел Тимофеевич, — откликнулся седовласый адмирал, всего лишь три года тому назад сменивший жесткое кресло главного правителя Русама на боевой мостик линкора «Князь Меншиков», флагмана флота, чем был несказанно доволен. — Сегодня же будет распоряжение.

— Благодарю, Михаил Дмитриевич. У меня еще вопрос: готовы ли к боевым действиям подводные лодки? Ведь на них будет возложена главная задача — потопить как можно больше кораблей противника.

Вопрос Тараканова вызвал нешуточное удивление у всех присутствующих, кроме Тебенькова и Селиверстова. Дело в том, что четыре подводные лодки конструкции братьев-декабристов Бестужевых прибыли из Якутата в Жемчужную бухту в строжайшей тайне, укрытые на палубах бронированных крейсеров «Баранов» и «Резанов». Моряки же были недовольны преждевременным, по их мнению, раскрытием секрета, о чем прямо заявил контр-адмирал.

— Господа, — ответил на упрек правитель, — даже если здесь присутствует агент противника, в чем я глубоко сомневаюсь, все равно он не сможет оповестить армаду: выход в море жестко контролируется пограничной стражей. А иных путей для связи с внешним миром нет.

Начальник Управления разведки Генерального штаба империи Орегон (назначена после истории с Ламаром) полковник Алиса Васильевна Жданко праздновала свой юбилей — шестидесятилетие.

Собрались ближайшие к семье люди — как русские (считая русскими подданных Российской империи), так и орегонцы. Пришел старый император Маковаян с супругой Санилой, дочерью Манзи и сыном-наследником Антинэнко — они все, хотя и приняли православную веру, остались при своих именах. Приехал Антон Козырев с младшей дочерью Хелки и внуком Чэйтоном (жена Антона, индеанка Алита, старшая дочь Антонина и зять погибли два года назад при крушении поезда). С Алисой и Емельяном он обнялся как со старыми добрыми друзьями, и это не могло не порадовать тех, кто знал об их непростых семейных отношениях. Когда Алиса, уехав в

командировку к волонтерам на испытание нового оружия, не вернулась в Ново-Архангельск, оставшись с Емельяном, Антон порывался поехать и драться за нее, но мудрый Баранов не отпустил. Главный правитель посоветовал уважать выбор столь непростой девушки, а Тимофей Тараканов, случившийся при их разговоре, очень одобрительно отозвался об Емельяне как о смелом, решительном и — главное! — добром человеке. Прошло три десятка лет, не было уже на этом свете ни Баранова, ни Тараканова, выросли дети-внуки, а чувство благодарности к Александру Андреевичу и Тимофею Никитичу за их житейские наставления вспыхивало в сердцах старых корефанов при каждой встрече.

Сидели за общим столом и боевые товарищи Эмильена Текумсе и Алисы Жданко — пили за здоровье и закусывали. Россияне употребляли большей частью что покрепче, индейцы — легкие виноградные вина (император своим указом запретил подданным пить крепкие напитки, «во избежание потери разума и сил»; указ этот исполнялся неукоснительно). Все было просто и весело.

Седовласая и по-прежнему красивая Алиса Васильевна сидела в центре стола в окружении сыновей. Емельян — напротив. Огненноглавый Бизон тоже изрядно поседел, но шевелюра оставалась буйной, а борода, как в свое время приказала Алиса, аккуратно подстрижена. По случаю домашнего праздника оба начальника были в цивильном платье, а вот их тридцатипятилетние сыновья красовались в новеньких мундирах — Александр майор, Артем подполковник воздушных сил империи. К великому сожалению родителей, оба оставались неженатыми.

— Во-первых, — полусхотая заявил Александр, — мы оба влюблены в одну девушку, а она никак не может выбрать кого-то из нас...

— А во-вторых, — перебил Артем, — мы оба любим небо, и оно выбрало нас обоих.

Дело в том, что братья после возвращения Артема из разведывательной экспедиции, едва не стоившей ему жизни, увлеклись самолетами и лично испытывали все новые машины, построенные на заводах в Россе и Шелихове. И ко дню рождения матери сделали ей свой подарок — успешно испытали две модели скоростных и маневренных самолетов, предназначенных для сбивания

медлительных бомбовозов. Молодой конструктор морской лейтенант Можайский назвал свои детища истребителями.

Алиса Васильевна еще ничего не знала про подарок, сыновья только собирались об этом объявить с очередным тостом, и оба встали с бокалами в руках, как вдруг все смешалось: в зале появился офицер Генерального штаба, дежуривший на пункте телеграфной связи в доме генерала, и подал Эмильену Текумсе листок бумаги. Начальник Генштаба прочитал, передал через стол жене; она пробежала глазами текст, показала сыновьям (те моментально вскочили и вышли из зала), потом встала и проследовала к торцевой стороне длинного стола, где сидела императорская семья.

– Ваше Величество, прошу ознакомиться.

Маковаян прочитал, поднял глаза на начальника имперской разведки:

– Что вы предлагаете? Собрать Большой Круг?

– Некогда. План БВ разработан давно, утвержден на Круге, следует немедленно императорским указом ввести его в действие. С минуты на минуту вражеские самолеты-бомбовозы будут над столицей. Мы поднимаем в воздух истребители. — В наступившей тишине четкие слова Алисы звучали как выстрелы. Она обвела взглядом присутствующих. — Это — Большая Война, господа.

Глава 34

Лето 1854 года

Армада прибыла к берегам Гавайев утром 8 августа 1854 года.

Адмирал Тебеньков с платформы Западной береговой батареи у входа в Жемчужную бухту обозревал в подзорную трубу горизонт и всюду видел большие и средние корабли. Одни дымили, другие подбирали паруса. Михаил Дмитриевич насчитал десятков линейных — броненосных паровинтовых с орудийными башнями и трехпалубных парусных, двадцать три фрегата и брига, канонерки и миноноски считать не стал — и без них впечатлений хватало. Совсем малых было немного — они служили для личной связи командиров. Ближайшие — а они были самыми мощными — подошли на расстояние десятка кабельтовых от берега, парусники сразу же развернулись орудийными бортами к Жемчужной бухте.

Однако не мощь и количество надвигающейся силы потрясли адмирала, поразил главный козырь противника — самолетоносец. Огромный даже на расстоянии в полторы мили, он казался уродливым монстром, поднявшимся из глубин океана на поверхность. Несколько раз подзорная труба Тебенькова возвращалась к нему, и это заметили стоявшие рядом офицеры.

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, — сказал командир подводной лодки «Щука» лейтенант Мартыненко, — мы это чудо-юдо разнесем в первую очередь.

– Твоими бы устами, лейтенант, да мед пить, — откликнулся командующий и оглянулся на рейд Жемчужной бухты. Там разводили пары его корабли — два линкора, три крейсера-броненосца, пять канонерок и пять торпедных катеров, снаряженных каждый четырьмя торпедами, по две с каждого борта. Катера эти, между прочим, тоже были новинкой — у прежних было по две торпеды и скорость много меньшая. Да и торпеды стали самодвижущимися — на каждой теперь стоял электрический движок, работающий от гальванических элементов. Такие же использовались подводными лодками. Запаса

торпед, доставленных пароходом из Шелихова, должно было хватить и на большее количество кораблей.

Адмирал усмехнулся и вернулся к обозрению сил противника. Он обратил внимание на суету, начавшуюся на палубе самолетоносца. Из длинного ангара выкатили двукрылый самолет, в кабину управления забрался летчик в военном костюме; машина пыхнула белым паром, и заработали воздушные винты.

В подзорную трубу с десятикратным увеличением прекрасно было видно, как матросы удерживают самолет за крылья, видимо, давая винтам набрать нужную тягу, как летчик машет рукой, чтобы отпустили, как механическая птица стремительно катится по длинной, нависающей над водой палубе и поднимается в воздух.

– К нам летит, — сказал начштаба Селиверстов. — На разведку.

– Попробуем сбить? — спросил командир батареи гаваец Кеоколо, взявший при крещении имя Алексей, а местное имя оставивший в качестве фамилии (у гавайцев фамилий нет). Гавайцев, окончивших местное отделение Ново-Архангельского военного училища, было много на флоте и в крепостях по всему архипелагу.

– Зачем? — возразил адмирал. — Пуццай смотрит и радуется, что у нас кораблей мало. Они же не знают, что основные наши силы в открытом океане за Большим островом. Кстати, Степан Панкратович, надобно им весточку послать — пуццай подтягиваются к Оаху, но весьма и весьма осторожно, не раскрываясь прежде времени, и пуццай будут на световой связи.

Тебеньков, говоря о световой связи, имел в виду мощные фонари Кулибина, установленные на каждом корабле. Свет их был настолько ярок, что виден даже днем. Переговоры с их помощью велись по особой азбуке, разработанной кадетами военного училища.

Селиверстов козырнул и ушел на переговорный телеграфный пункт.

– А вот пушки дальнобойные, Алексей, — продолжил командующий, — и тем паче бомбометы на виду не держи, укрой сеткой маскирующей, как то — видишь? — сделал твой коллега на Восточной. Туда, кстати, разведчик и летит.

– Так точно! — Смуглое лицо Кеоколо потемнело от смущения, и лейтенант бросился выполнять указание.

Через минуту выскочившие из укрытия артиллеристы растянули над пушками маскировочную сеть.

Тем временем самолет пролетел над Восточной батареей, сделал круг над кораблями, еще один над верфями и столицей короля городком Гонолулу и направился к Западной. Шел низко, саженой двадцать над водой, и, достигнув бастиона, оказался почти на одном уровне (ну, чуть-чуть выше) орудийной платформы. Российские офицеры хорошо разглядели молодое усатое лицо под козырьком армейского кепи, белозубую улыбку. Летчик что-то крикнул и помахал рукой, потом показал вперед, на армаду, и назад, на корабли в бухте, и скрестил руки над головой: мол, всем вам каюк!

– Можно, я ему врежу? — командир батареи вскинул пистолет-скорострел, но адмирал отклонил ствол вниз и покачал головой: пущай летит.

– Напрасно, Михал Дмитрич, проявляете благородство, — сказал вернувшийся с переговорного пункта Селиверстов. — Он потом с бомбами прилетит и благородства не выкажет.

– Прилетит с бомбами — свое получит, — возразил адмирал, — а стрелять по безоружному негоже. Честь надобно блюсти!

– Так что, и превентивную атаку подводных лодок отменяем?

– Отменяем. До первого выстрела с их стороны. Мировая общественность должна знать, что не мы начинаем военные действия.

– Да мировой общественности плевать, кто в действительности начал, важно, кого объявят зачинщиком. А объявят, разумеется, нас: все основные газеты в их руках.

– Правда, Степан Панкратович, рано или поздно всплывет, и им будет стыдно.

– Да вы, ваше превосходительство, идеалист.

Тебеньков не успел ответить на иронию своего подчиненного.

– Смотрите, смотрите! — воскликнул Алексей Кеоколо. — Они начали стрелять! Господа, всем следует перейти в укрытие.

Орудийные порты парусников окутались пороховым дымом, и первые ядра ударили в скальные основания Восточной и Западной батарей. Платформа под ногами офицеров вздрогнула, со свистом пролетели осколки гранита и базальта.

На броненосных пароходах орудийные башни также развернулись в сторону бухты и озарились вспышками. В акватории Жемчужной

поднялись фонтаны от недолетевших снарядов.

— Ну что ж, — сказал адмирал, когда все переместились под защиту каземата, — видит Бог, не мы начали. Отдавайте распоряжения, Степан Панкратович — ответим по полной программе, как и задумывали. А вы, лейтенант, — обратился он к командиру «Щуки», — марш-марш на борт, и что вы там обещали? В первую очередь разнести самолетоносец? Вот и разносите.

Мартыненко бегом бросился вниз по лестнице к пирсу у подножия батареи, где стоял пришвартованный катер связи.

Селиверстов козырнул и удалился в переговорную. По электротелеграфу полетели приказы командиру эскадры в бухте и командующему отрядом кораблей, укрытых за островами.

Битва за Гавайи началась.

Командующий армадой адмирал флота Энтони Крюгер, невысокий плотный англичанин, похожий на Наполеона Бонапарта, держал флаг на линкоре «Индепенденс». Рано утром 8 августа он провел совещание с командующими союзными эскадрами и остался ими весьма недоволен. Аристократическое воспитание не позволило ему высказать командорам все, что он о них подумал, а подумал он плохо. Легкомысленный, как бабочка, но при этом толстый и неуклюжий, француз де Лонжери, узнав о результатах воздушной разведки, предложил войти в Жемчужную бухту группой линкоров и расстрелять там «ничтожный десяток» русских кораблей. Сухопарый американец Уоррен выразил с ним полное согласие, но — с добавлением:

— Сначала я пошлю бомбовозы на береговые батареи. Зря, что ли, мы гнали эвиеншип через два океана?

— По данным Интеллидженс сервис, у русских есть так называемые истребители, — сухо заметил Крюгер.

— Слышали! — отмахнулся Уоррен. — Наша разведка не хуже вашей. И она выяснила, что на Гавайях истребителей русских нет.

Большинством голосов (абсолютно в традициях демократии) решили операцию провести по плану этого самого большинства. Крюгер был вынужден согласиться.

— Как назовем? — потирая руки, осведомился американец.

— Что? — не понял Крюгер.

– Нашу операцию, — удивившись непонятливости товарища по оружию, ответил Уоррен. — Она же войдет в историю.

– Давайте сначала исполним задуманное. Назвать можно и после.

– Нет! — неожиданно горячо возразил де Лонжери. — Хорошее название — это знамя, зовущее к победе! Предлагаю название — «ЛЕФ». Аббревиатура «Liberté, Égalité, Fraternité» — «Свобода, Равенство, Братство».

– Вы, французы, никак не отвыкнете от революционного пафоса, — поморщился Крюгер.

– А мне нравится, — заявил Уоррен. — В нашем духе. Мы несем народам свободу и равенство.

– Угу, — хмыкнул Крюгер. — Индейцы и мексиканцы испытали это на своей шкуре.

– Господа, давайте оставим политику в покое, — примиряюще сказал де Лонжери. — Нас ждут великие дела. А какое название предлагаете вы, адмирал?

– Просто — «Пёрл-Харбор». Звонко и сразу указывает место битвы.

– А что? Годится! — сказал как отрезал американец. — Тоже по-нашему.

Француз поджал губы и согласился.

Артиллерийская дуэль длилась уже полчаса, когда русские подводные лодки вышли на охоту.

Перед этим с палубы самолетоносца один за другим взлетели три машины и направились — две на береговые батареи, а одна к русским кораблям. По всем трем ударили счетверенные скорострелы. Это для летчиков явилось полной неожиданностью. Самолеты заметались, стараясь уйти от свинцовых струй. Любая из пуль могла поразить пилота, но еще хуже — попасть в бомбу и вызвать общую детонацию. Эта опасность заставила летчиков сбрасывать бомбовый груз где попало. Два самолета вернулись на палубу несолоно хлебавши, с пробоинами в корпусах и крыльях, а третьему, ходившему на бомбометание вглубь бухты, не повезло: уже при возвращении его достала очередь с Западной батареи. Пули ударили в бак с горючим, пламя мгновенно охватило всю машину, и она, кувыркаясь, рухнула в океан.

Эта потеря вызвала ярость командования армады, и на батарее посыпались ядра и фугасы. Русские не остались в долгу. Первые же залпы бомбометов вдребезги разнесли два французских парусных линкора, а на паровых разворотили или заклинили несколько орудийных башен. Оставшиеся парусники спешно стали отходить на безопасное расстояние, теряя при этом возможность самим наносить удары, но броненосные пароходы лишь сменили позицию и продолжили дуэль.

Тем временем на эвиеншипе спешно снарядили самолеты новым боезапасом, и те снова направились к бухте, но уже на высоте, не достигаемой для снарядов и пуль. А на самом самолетоносце подняли из трюма еще одну машину и начали готовить ее для полета.

Именно в эти минуты подводные лодки выбрали свои цели: две направились к самолетоносцу, другие две — к тяжелым британским линкорам. Взрывы — один за другим — потрясли не только корпуса кораблей, но и экипажи всей армады. Ни эвиеншип, ни линкоры не затонули, но, завалившись на пробитые борта, из битвы выбыли бесповоротно.

— Представляю, каково сейчас летчикам, — заметил адмирал Тебенков, глядя в подзорную трубу на скособоченный самолетоносец. — Им некуда возвращаться. Молодцы подводники! Давайте, ребятки, в том же духе!

И русские моряки будто слышали своего командующего.

В боезапасе подводных лодок было по четыре торпеды, и следующие четыре тяжелых корабля противника, в том числе два отступивших из-под обстрела парусника, получили огромные пробоины в течение каких-то двадцати минут. Пароходы выбыли из боя, а парусники быстро пошли ко дну, поверхность воды забурлила от барахтающихся людей. На помощь тонущим поспешили малые суда.

— Прекратите стрельбу! — приказал Михаил Дмитриевич Алексею Кеоколо. — Дайте возможность спасти моряков. — И добавил, поводя трубой по горизонту: — Однако что-то наши долго идут... А-а, вот, кажется, и они!

Вдали, над четкой границей воды и неба, показались думы. Один... другой... третий... пятый... десятый... Основные силы Тихоокеанского флота шли к Оаху, охватывая полукольцом союзническую армаду.

Тебеньков обернулся к стоявшему чуть позади адъютанту, капитан-лейтенанту Мокроусову:

– Передайте капитану I ранга Селиверстову мой приказ: пустить в атаку торпедные катера, следом идти полным составом эскадры.

Мокроусов козырнул и убежал на переговорный пункт.

– Лейтенант Кеоколо, — позвал адмирал, и командир батареи вырос рядом, как из-под земли. — Как твои бомбометы, настроены на дальность?

– Так точно, ваше превосходительство! Выверены по дальномерам!

– Ну, тогда с Богом! Покажи им кузькину мать!

Через три часа битва была закончена. От капитуляции и плена ушли только полтора десятка малых судов, их не стали преследовать и добивать.

Какой ущерб понесли союзники, предстояло выяснить, но было ясно, что поражение их окончательное и бесповоротное.

Защитники Жемчужной бухты потеряли пятьдесят три человека убитыми и около сотни ранеными.

От снаряда, попавшего в дом правителя провинции, погибла семья Павла Тимофеевича Тараканова.

Глава 35

То же лето, те же дни

Боевые действия на континенте шли с переменным успехом. Главнокомандующий силами США генерал Уинфилд Скотт одержал несколько побед над линейными частями армии Орегона, за общее руководство которой (по мнению Эмильена Текумсе, совершенно напрасно) взялся сам император Маковаян, и несколько поражений потерпел в Техасе от корпуса спецназа, которым командовал генерал Алексей Тараканов. Юсовцы захватили обширную территорию империи и подступили к столице Орегона. Их дальнобойные пушки обстреливали окраины города, и без того уже имевшие значительные разрушения от налетов бомбовозов в начале войны. Правда налеты эти быстро прекратились — после того как истребители Орегона под руководством подполковника Александра Епифанцева сбили около десятка машин. Господство в воздухе перешло к управляемым воздушным шарам Орегона. Однако господство это было весьма условным. Опасаясь обстрела с земли, шары поднимались слишком высоко, сбрасываемые на позиции юсовцев бомбы особого вреда не приносили, а прицельно обстреливать противника сверху тоже практически не имело смысла. Маковаян надеялся на бомбометы, ракетные комплексы Засядко, обещанные Русамом, но их прибытие задерживалось из-за диверсий юсовцев на железной дороге, связывающей Росс и Текумсе. Солдаты и офицеры орегонской армии порою показывали чудеса храбрости, но неумелое верховное руководство сводило на нет их самоотверженность. Ни сам император, ни его Генеральный штаб во главе с легендарным Эмильеном Текумсе оказались не готовы к столь обширным боевым действиям. Лишь Управление разведки действовало четко и слаженно: на стол императора и начальника Генштаба ежедневно ложилась сводка разведывательных данных за истекшие сутки. Правда данные эти были малоутешительны.

Отчаявшийся Маковаян отправил к правителю Русской Калифорнии Ротчеву военного министра бывшего декабриста Берстеля с заданием всеми силами добиться скорейшей помощи оружием и волонтерами. А тем временем, признав неудачным свое руководство армией Орегона, назначил главнокомандующим генерала Тараканова. Эмильен Текумсе тоже признал вину за военные неудачи и, будучи в расстроенных чувствах, выпил целую бутылку водки, за что получил от Алисы крепкий нагоняй. Впрочем, дав мужу взбучку, она тут же пожалела его. Подошла, прижала лохматую рыжую с сединой голову к груди, погладила, вздыхая:

– Ничего не поделаешь, Емельян: ваше время с Маковаяном прошло, и мое на исходе. Пора, яшкин пёс, готовить опилки для арены.

Услышав от жены что-то новенькое, Емельян воззрился на нее, но она поняла, снова обняла:

– Не бери в голову. Так у нас в цирке говорят... говорили... когда что-то случилось не ко времени.

Александр Гаврилович Ротчев, будучи натурой поэтической и довольно далекой от военных вопросов, крайне удивился появлению в Россе важной имперской фигуры.

– Ваше превосходительство, о чем беспокойство? Бомбометы? Налаживаем их доставку по воздуху. Срочно изготовили десять воздушных шаров достаточной грузоподъемности, два уже вылетели. Вы уж обеспечьте, пожалуйста, их приемку — чтобы, не дай Бог, к противнику не улетели.

– Что с волонтерами, ваше превосходительство? — сухо спросил Берстель.

– Волонтеров достаточно, две бригады, вот только по воздуху их не отправишь, а с поездами — полный конфуз: какие-то негодяи взорвали мост через речушку — не помню названия, да его и не выговоришь, — и движение прервано. Месяца на два, ежели не больше.

– Так ведь до речушки можно доехать, речушку перейти и снова сесть на поезд. Я лично так и сделал. Это же просто! Суворов Альпы перешел, а тут какая-то речушка!

– «Суворов Альпы перешел, а тут какая-то речушка...» Прямо стихи! Вы не пишете?

– Ваше превосходительство!

– Ах, да, да... простите, ваше превосходительство. И как это мне в голову не пришла такая простая мысль? Это же я задержал отправку волонтеров — не хотел подвергать их тяготам пешего похода. А так... конечно... сейчас же дам указание. Извольте подождать, у меня секретарь в отпуске. — Правитель направился к выходу, бормоча: «Суворов Альпы перешел, а тут какая-то речушка...»

Первые же залпы бомбометов, заряженных горючей смесью, обратили юсовцев в паническое бегство от стен Текумсе, и армия Орегона перешла в наступление. Но не широким, как было принято доселе, фронтом (опасались оставлять на флангах и в тылу даже разбитые силы противника), а совсем по-другому.

Новый главнокомандующий, с одобрения Генерального штаба, резко перестроил тактику военных операций. Ударные части теперь должны были клиньями разрезать вражескую оборону и отбрасывать сопротивляющиеся части в стороны, оставляя задачу их добивания второму эшелону наступления, а трофеи и пленных — тыловикам. На острия клиньев он поставил батальоны спецназа, в основном российских волонтеров.

И, как говорится, дело пошло.

Через два месяца упорных боев почти все захваченные территории Орегона были освобождены. Однако Уинфилд Скотт не сдавался. В районе Большого Соленого озера он сосредоточил свои отборные части и бросил вызов Алексею Тараканову — поджентльменски сразиться в открытом бою. Одновременно президент Соединенных Штатов Франклин Пирс, по настоятельному совету своего военного министра Джефферсона Дэвиса (который, мягко говоря, недолюбливал Скотта, но, разумеется, не желал поражения Штатов), обратился к российскому императору с требованием отозвать из Орегона генерала Тараканова и всех русских офицеров. На что получил весьма ядовитый ответ: «Мы понимаем, что генерал Тараканов и другие русские офицеры доставляют армии США много неприятностей и хлопот, однако следует иметь в виду, что: во-первых, Российская империя и Соединенные штаты Северной Америки не находятся в состоянии войны между собой; во-вторых, империя Орегон является союзником Российской империи, следовательно,

последняя имеет право оказывать первой всю необходимую помощь, в согласии с подписанным договором о дружбе и взаимопомощи; в-третьих, по заверению правительства Соединенных Штатов, военная эскадра, направленная в Тихий океан, есть частное дело Компании Гудзонова залива и имеет целью наведение надлежащего порядка на территориях, находящихся под юрисдикцией частной же Российско-американской компании, то есть возможные конфликты явятся лишь отражением правовых споров собственников и никоим образом не будут связаны с политикой наших государств; в-четвертых, генерал Тараканов и другие русские офицеры, находящиеся ныне на службе императору Орегона Маковаяну Ютрамаки, а также королю Гавайев Камеамеа III, по реестру российской армии значатся в бессрочном отпуске и, в соответствии с законом, обладают правом проводить оный отпуск где им заблагорассудится. Исходя из вышесказанного, у правительства Российской империи нет оснований для удовлетворения просьбы правительства США».

Ходили слухи, что император и министр иностранных дел князь Александр Михайлович Горчаков, подписывая документ, хохотали до слез, но это, понятно, только слухи. Князь, недавно сменивший, казалось бы, вечного министра и канцлера Нессельроде, сочинил сей саркастический документ, подтверждая тем самым ходившее в высших кругах мнение о его литературно-дипломатических дарованиях и остроумии, однако позволить себе громко смеяться в присутствии сурового государя, вне всякого сомнения, — нонсенс.

Местом генерального сражения Скотт выбрал низменный участок берега при впадении в Большое Солёное озеро реки Джордан. Он успел изучить тактику ведения боевых действий маршала Тараканова (Алексей Тимофеевич получил высшее воинское звание за успешные операции по изгнанию захватчиков с территории империи) и рассчитал, что именно в этом месте она будет не пригодна. Тем не менее, вызывая маршала на джентльменское сражение, генерал приготовил ему парочку коварных сюрпризов. В лесу, покрывавшем склоны окрестных горных отрогов, он спрятал два засадных полка — пехоты и кавалерии, а на холмах, с которых долина реки видна была, как на ладони, поставил артиллерию. На вопрос военного корреспондента газет «New York Weekly Sun» и «New York Herald»

Джейн Казно, как это согласуется с принципами джентльменства, Уинфилд Скотт ответил, самодовольно поглаживая седые пышные бакенбарды:

– Русские, мисс, априори не-джентльмены и наверняка придумают какую-нибудь пакость. Вспомните их битвы с благородными немецкими рыцарями или татарами. С ними можно разговаривать только на их собственном языке — языке обмана и коварства.

– Пожалуй, могу с вами согласиться, — задумчиво подтвердила журналистка. И добавила саркастически: — Почти двадцать лет назад я имела возможность убедиться в их благородстве. Когда ты к ним со всей душой, а взамен получаешь чуть ли не пулю в затылок.

– Вот-вот, и я о том же. Дикари! Ничем не лучше индейцев, недаром у них такая дружба.

– Так надерите им хорошенько задницу, в конце-то концов!

– Вы меня возбуждаете, мисс, — хохотнул старый ловелас, игриво распусая бакенбарды. — Мне бы скинуть лет двадцать...

– ...да вызвать юного адъютанта... — смеясь, продолжила журналистка.

– Ну-ну, — посуровел Скотт. — Не трогайте наши суровые армейские будни. Вернемся лучше к настоящему. Что вас еще интересует?

– Вы уверены, генерал, что ваши сюрпризы не откроются противнику раньше времени?

– Хотите сказать: нет ли у нас шпионов Орегона? Уверен, что нет. Индейцев в моих войсках немного, они проверенные и находятся под наблюдением, а белые горят желанием отомстить за поражения.

– Мы должны прорваться к океану, генерал. Это наша священная миссия!

– Рано или поздно мы ее исполним, мисс Казно.

Разговор прервал начальник разведки полковник Кеннеди, явившийся с докладом. Выслушав подробную сводку о приближении противника, Скотт спросил:

– Ваше мнение, полковник, как поведет себя Тараканов? К чему нам надо быть готовыми?

– Части противника измотаны длительным переходом, генерал. Думаю, сутки они будут отдыхать. Самое время ударить по ним завтра в обед.

– Вот видите, мисс Казно, какие у меня офицеры. Смотрят вперед! Из таких вырастают настоящие президенты свободной страны.

– Флаг вам в руки, мистер Кеннеди, — засмеялась Джейн.

«Дикарь» Тараканов действительно обманул «джентльмена» Скотта.

Несколько истребителей из воздушного полка Артема Епифанцева прошли над озером и долиной Джордана на столь большой высоте, что, когда рокот их двигателей достиг ушей американцев, и те подняли глаза к небу, пытаясь отыскать источники звука, самолетов и след простыл. Но летчики имели на борту усовершенствованные стереофотоаппараты Брюстера с усиленной оптикой и засняли расположение частей Скотта с достаточно хорошим увеличением, так что через несколько часов на походный столик маршала легли четкие фотографии, на которых прикомандированный к штабу армии капитан имперской разведки индеец Серый Олень Мэзичувайо разглядел не только палатки общего лагеря, но и пушки на холмах, и коней в лесу.

Маршал собрал военный совет. Присутствовали четыре генерала (командиры бригад спецназа, кавалерии и пехоты), три полковника (командиры воздушного полка, батальона бронепаромобилей и артиллерийско-ракетного дивизиона), начальник штаба армии и капитан разведки.

Начальник штаба генерал Окэмэн повесил на стенку палатки нарисованный от руки план южной части озера и долины Джордана.

– Господа, — по-русски обратился он к собравшимся, — диспозиция такова. Скотт занимает правый берег реки, нам как бы предлагается левый, тем самым ставя нас в тупик. Где сражаться — непонятно; пока мы отдыхаем после долгого перехода и разбираемся, что к чему, Скотт обрушивает на нас артиллерийский огонь вот с этих холмов, его пехота форсирует реку фронтально, связывая наши силы, а в момент наивысшего напряжения боя, с фланга появляется конница. В результате мы прижаты к озеру и разгромлены.

– Это с точки зрения Скотта, — негромко пояснил маршал, воспользовавшись возникшей паузой. — Но он ее с нами не согласовывал.

– Да, именно так, — подтвердил Окэмэн. — Мы с ним не согласны.

Среди участников совещания прокатился и стих смешок. Начальник штаба остался бесстрастным, как и полагалось истинному индейцу.

— Мы предлагаем свой план, — невозмутимо продолжил он. — Как только наши части приблизятся к реке на расстояние броска, истребители Елифанцева совершают бомбовый налет на артиллерийские позиции на холмах, в то же время наземные бомбометы подвергают обстрелу засадную кавалерию. Батарея счетверенных скорострелов выдвигается непосредственно на левый берег и не позволяет пехоте противника закрепиться на своем берегу. Под прикрытием огня этой батареи бригады пехоты форсируют реку и вступают в боевой контакт с пехотой юсовцев. Спецназ и кавалерия форсируют реку гораздо выше по течению, добивают остатки вражеской конницы и теснят пехоту Скотта к озеру, принуждая генерала к капитуляции.

— Вопросы? Мнения? Замечания? — Алексей Тимофеевич испытующе обводил взглядом военачальников.

— Глубока ли река? Места форсирования определены? — озаботился командир пехотной бригады Роутэг.

— Ответит разведка. — Маршал кивнул капитану Мэзичувайо.

Серый Олень встал и взял у начальника штаба палочку-указку.

— Река неглубокая, но бурная, — повел он указкой по плану. — Форсирование ее труда не составит. Перед впадением в озеро течение ослабевает, и река мелеет настолько, что пройдет паромобиль.

— Да, кстати, — встрепнулся полковник Узумэти, — нам почему-то задача не поставлена?

— Бронемшины будут в резерве, — ответил Окэмэн. — Они понадобятся, когда противник отступит к озеру. Там он будет драться отчаянно.

Больше вопросов не было.

— Таким образом, — заключил маршал, — мы не доставим удовольствия генералу Скотту нарушить наш отдых перед боем. Отдыха не будет. Мы атакуем с марша, чего юсовцы никак не ожидают. И помните, товарищи мои боевые, это сражение должно стать последним, по крайней мере в настоящей войне. Соединенные Штаты должны понять, что империя Орегон, в союзе с Русамом, им не по зубам.

– Вряд ли они это поймут, — скептически скривился полковник Епифанцев.

– Это их проблемы, — немедленно отозвался маршал. — Вы мне лучше скажите, Артем Емельянович, как у вас обстоит дело со взлетом и посадкой? Сколько времени уйдет на подлет к реке?

– Благодаря разведке, взлетная полоса в пустыне хорошая. Бомбы подвезены. На подлет к Джордану уйдет минут двенадцать, не больше. Нужен сигнал вызова. Я подниму воздушный шар на привязи, который примет оптический сигнал и передаст его летчикам на землю.

– Отлично! Генерал Окэмэн, обеспечьте надежную связь.

– Уже предусмотрено, — доложил начальник штаба. — Потайными фонарями Кулибина и телеграфистами обеспечены все части. На самолетах фонари тоже имеются — для переговоров между летчиками. Азбуке летчики обучены.

– Так точно, — подтвердил Артем.

– Тогда с Богом, господа! Посвятим наше сражение памяти Великого Вождя! Помним о Текумсе!

– Помним о Текумсе! — дружно повторили разом вскочившие генералы и офицеры.

Сражение было разыграно, как по нотам, и длилось, начиная от появления истребителей и кончая капитуляцией Скотта, не больше двух с половиной часов.

На рассвете 8 августа один из часовых в лагере американцев заметил на западе, на еще темно-синем небе, странные проблески, охватившие широкую полосу небосклона. Стояла тишина, если, конечно, не считать неумолчный стрекот цикад и отдаленные взвизги койотов, которых немало водилось на берегах озера. Часовой размышлял, стоит ли подавать сигнал тревоги. А может, там зарождается гроза? — думал он, опершись на ружье и глядя на все более яркие вспышки. Откуда было знать бывшему фермеру из глухой глубинки штата Нью-Йорк про оптическую связь в воздухе — он и самолеты-то видел всего пару раз, и то на большом расстоянии.

Пока солдат размышлял, его уши уловили стрекот иного рода, непохожий на перекличку цикад. Этот стрекот быстро перерос в гул, и на фоне светлеющего неба, в лучах набирающей силу зари, часовой увидел тучу огромных стрекоз, летящих прямо на него.

Ужас сжал сердце бывшего фермера, ружье выпало из рук; он схватился за голову, прикрывая уши, и присел на корточки, втиснувшись между ног.

Стрекозы с ревом пронеслись над лагерем к холмам, и через несколько секунд оттуда донеслись глухие беспорядочные взрывы. Выпрямившись, солдат обернулся и снова ужаснулся — на этот раз от вида взлетающих в воздух пушек, обломков лафетов и человеческих тел. Правее холмов над лесом тоже поднимались окрашенные огнем дымные грибы. Что там взрывалось, часовой не знал, да и задуматься над этим ему не довелось. В лагере началась паника, из палаток выбегали полуодетые солдаты и офицеры — кто с оружием, кто с одеждой в руках. Все кричали, кое-кто пытался командовать, но их не слушали. Многие побежали к реке, но с другого берега дробно застучали выстрелы, засвистели пули, начали падать люди. К общим крикам добавились вопли раненых.

Бывший фермер стоял в полной растерянности, не зная, что делать и куда бежать, и только повторял, стуча зубами:

– Боже, помоги мне... Боже, помоги мне...

И Бог, похоже, помогал: пули проносились мимо, мечущиеся солдаты огибали его, а выскочивший откуда-то генерал Скотт — в сюртуке и сапогах, без штанов, зато с саблей в руке — встал рядом и завопил что было сил:

– Всем стоять!! Смирно!! Молчать!!

Его зычный, натренированный в долгой военной жизни голос перекрыл беспорядочные вопли и заставил остановиться сначала тех, кто оказался поблизости, затем более далеких, и следующей командой генерала стало, естественно:

– Офицеры, ко мне! — А когда к нему сбежались те, кто услышал призыв, Скотт сказал громко, но гораздо спокойнее: — Немедленно занять круговую оборону. На берег не выдвигаться, стоять насмерть! Выручать нас некому!

Напрасно он так сказал! Старый вояка, воспитанный в духе Великой американской революции, участник почти всех войн с индейцами, англичанами, мексиканцами, генерал с 28 лет, сам не раз попадавший в жестокие переделки и побывавший в плену, он привык к тому, что приказ «Стоять насмерть!» означает одно — драться до последней возможности, и не заметил, что революционный дух давно

выветрился, люди в армии стали другими, им не хочется отдавать свои жизни за чьи-то амбиции, особенно когда те прикрываются интересами государства. И эти люди сейчас стояли вокруг и не спешили выполнять героический приказ.

– Надо сдаваться, генерал, — сказал полковник Кеннеди. — Война проиграна.

– Да как ты смеешь! — Скотт взмахнул саблей, но начальник разведки перехватил его руку, вывернул оружие и бросил его на землю.

Окружающие восприняли это как сигнал. На землю полетели ружья, пистолеты, сабли...

Генерал беспомощно огляделся и увидел приближающиеся от реки цепи орегонской армии.

Сидя в седле каурого жеребца, нетерпеливо перебирающего копытами на краю обрыва, Джейн Казно в многократную подзорную трубу наблюдала картину позорной капитуляции знаменитого генерала.

– Да, пожалуй, поздно пить виски, — пробормотала она, проследив, как маршал Тараканов (она узнала сразу бывшего майора) принял шпагу Скотта. — Не видать нам ни Тихого океана с Гавайями, ни даже Аляски.

Она развернула жеребца, пришпорила, и густая зелень недалекой рощи скрыла ее от возможной погони.

Впрочем, никто за ней и не гнался.

Глава 36

Июнь — сентябрь 1856 года

Восточная война закончилась в июне. «Подгадала» к 60-летию Николая Павловича. Казалось бы, хороший повод для всенародных торжеств, однако император запретил «лишние траты»: война обошлась России весьма дорого. Несмотря на то что государство, благодаря примеру Русской Америки и ее финансовым вложениям, сделало мощный рывок вперед в промышленном и военном отношении, противники России (а их оказалось немало: практически вся Европа при содействии Соединенных Штатов Америки, чуть прикрытом флером нейтральности), объединившись в испуганной ненависти к азиатам русским, смогли нанести несколько ощутимых поражений в Крыму и едва не захватили базу Черноморского флота. Главнокомандующий русскими войсками светлейший князь Меншиков не сумел скоординировать действия армий на Дунае, в Крыму и Закавказье, флот, руководимый адмиралом Нахимовым, после блистательной победы над турками под Синопом князь отправил на эвакуацию гарнизонов Черноморской линии, что позволило англо-французскому корпусу высадиться в Евпатории и Одессе и перерезать железные дороги, по которым шло снабжение Севастополя и Дунайской армии. Все могло закончиться печально, однако государь вовремя спохватился и назначил нового командующего — генерал-фельдмаршала Ивана Паскевича, прославившегося во многих военных кампаниях — заграничных походах против Наполеона, войнах с Персией и Турцией, наконец, в подавлении Польского восстания и Венгерской революции. Между прочим, Паскевич был старым другом и советником императора; Николай Павлович не послушал его лишь однажды, а именно — при назначении Меншикова, и в результате получил то, что получил.

Иван Федорович Паскевич, несмотря на свои 73 года, на следующий день после назначения уже был в Джанкое, где разместился штаб главного командования (скоростной поезд — это

все-таки волшебство!), ознакомился с ситуацией и немедленно взял армию в жесткие руки. Адмиралу Нахимову по электротелеграфу отправили «молнию» о возвращении флота в Севастополь, чтобы корабельной артиллерией и бомбометами помочь его защитникам; одновременно торпедные катера должны были перерезать морской путь снабжения десантного корпуса англичан и французов. Дунайская армия князя Горчакова получила указание выбить вражеский десант из Одессы, армия князя Бебутова на Кавказе — занять Карскую область. Князь Барятинский, воевавший с имамом Шамилем, которого поддерживали англичане, предложил противнику, по согласованию с императором, достойный мир — создать на территории Чечни и Дагестана автономный имамат.

Не сразу, но последовательно энергичные меры, такие, как, например, высадка русского десанта на Босфоре, привели к желанному результату. Лишенный снабжения англо-французский корпус в конце 1855-го сложил оружие. Армия Горчакова заняла Молдавию и Валахию, а турецкая отступила за Дунай. Бебутов рагромил турок на востоке Османской империи. Шамиль согласился на условия русского императора, правда, добавив свое: в состав имамата должна войти Черкессия, и тогда имамат признает протекторат России на вечные времена. Условие было принято, двадцатипятилетняя война закончилась почетным миром, и Шамиль стал главой новой автономии. Черноморский флот прошел через оккупированный Босфор к Дарданеллам, став там непреодолимой преградой для французов и англичан. При этом Россия официально заявила, что не собирается присоединять Константинополь и расчленять Османскую империю, что единственное ее требование к султану — свобода вероисповедания православных на территории империи.

20 июня 1856 года наследник престола Александр Николаевич от имени государя подписал мирный договор с османами. Союзники Турции, видимо, хорошенько поразмыслив и оценив свои потери, признали войну оконченной.

25 сентября Николаю Павловичу исполнялось шестьдесят лет. Семья собралась, чтобы обсудить предстоящее празднование. Сыновья Александр, Константин, Николай и Михаил дружно предложили всероссийский триумф. С ними согласились все остальные — кузены и кузины, дядья, тетушки и прочая, и прочая, — наперебой излагая

свои мечтания по празднику. Однако глава императорской фамилии, внимательно выслушав каждого, похлопал ладонью по столу, призывая внимание, и сказал:

– Друзья мои! Отечество наше только что пережило тяжелейшую войну, унесшую жизни многих наших сограждан. Потрачены огромные деньги на армию и флот. Разрушено несколько городов, в том числе Севастополь — восстановление потребует новых колоссальных расходов. Приличествует ли при всем этом хозяину земли Русской, коим по Божьему соизволению являюсь аз грешный, заниматься увеселениями души и плоти — своей и своих родных и близких? Думаю, что нет. А потому отметим день рождения скромно, в семейном кругу, не запрещая, тем не менее, нашим согражданам выразить свои чувства к нам, как им заблагорассудится.

– Но, государь, — подал голос наследник-цесаревич Александр, — в этом году, двадцать второго августа, тридцать лет вашей коронации...

– А вот это — день, важный для всей Российской империи. Я как царь должен буду отчитаться, что принесло нашему благословенному Отечеству мое правление. Какие ошибки я допустил, что мог бы сделать, но не сделал...

– Но ведь были, батюшка, не только ошибки — были и немалые достижения, — осмелился перебить отца младший, Михаил.

Николай Павлович усмехнулся:

– Были, разумеется, были. О них тоже скажем, но все-таки главное для правителя, особенно для верховного, — признать свои ошибки, чтобы ни я, ни мои наследники не повторяли их... как говорится, не наступали на те же грабли. А ошибок у меня предостаточно, взять хотя бы последнюю — назначение князя Меншикова главнокомандующим. Ведь Россия из-за того чуть было не потерпела поражение! Уму непостижимо!

Император удрученно замолчал. Члены семейства горестно опустили глаза долу. Государь не любил инакомыслия.

Потом тот же Михаил осторожно спросил:

– Так мы будем праздновать... то есть отмечать день коронации?

Николай Павлович встряхнулся, как застоявшийся конь, оглядел собравшихся и улыбнулся. И под его улыбкой семейство также встряхнулось и расцвело.

– Будем, Миша! Обязательно будем! И пригласим на торжество всех главных героев этих тридцати лет. Разумеется, тех, кто жив. Думаю, Александринский театр всех вместит.

– Кстати, моему театру в августе будет сто лет, — капризным тоном заметила императрица Александра Федоровна.

– Вот и славно! — подхватил Николай Павлович. — Я тоже люблю театр. Вся жизнь верховного правителя подобна спектаклю. Неслучайно Шекспир хроники самодержавной власти представлял как трагедии.

– Ваше царствование, государь, никто не осмелится назвать трагедией, — немного напыщенно сказал наследник. — Россия за эти тридцать лет так шагнула вперед, что ни одна европейская страна за ней не может угнаться. Железные дороги аж до Крайнего Востока, электротелеграф по всей стране, паромобили, пароходы, самолеты, освобождение крестьян... Да всего не перечислить!

Император кивком головы подтверждал чуть не каждое слово старшего сына, на губах его играла довольная улыбка — ему явно было приятен этот перечень славных дел.

– А надо добавить, — воспользовался паузой Николай Николаевич, — и об учебных заведениях. О тысячах школ и сотнях училищ, об университетах и институтах в губернских городах...

– Спасибо, дети мои, все это так, согласен. Но пусть об этом скажут другие, те, кто соберутся на юбилей. Их слово будет самое верное и самое ценное.

Делегация Русама вполне могла опоздать на торжества. Приглашение от имени императора было получено еще в середине июля, но, пока решали, кого послать да как добираться до Владивостока (там можно будет сесть на поезд до самого Петербурга), время незаметно утекло. Гавайи отправили своих — правителя Павла Тараканова, адмирала Тебенькова, лейтенанта Кеоколо и капитан-лейтенанта Мартыненко — на броненосном крейсере «Баранов», а контр-адмирал Воеводский Степан Васильевич, глава Правления Русской Америки, только-только принявший дела от капитана II ранга Александра Ильича Рудакова, всего-то год исполнявшего должность правителя и бывшего попросту не в курсе истории Русама, промедлил с определением кандидатов на участие в столь значительных

торжествах. Поначалу включил в список начальника Высшей военной академии генерала Павла Пестеля и его заместителя полковника Николая Бестужева, благо они были, что называется, на виду, но те отказались от «высокой чести». Поэтому делегация составила из сугубо гражданских, которых «разбавил» лишь один военный моряк Александр Кашеваров. Зато Калифорния представила целую компанию военных — маршала империи Орегон Алексея Текумсе Тараканова (персонально приглашенного императором), генерала Эмильена Текумсе Епифанцева, полковника Алису Жданко, полковников Артема и Александра Епифанцевых (все они, служа в вооруженных силах Орегона, числились по реестру в русской армии). Это не могло никого удивить, потому что на протяжении всего тридцатилетия вопросы защиты Русской Калифорнии и союзного Орегона неизменно были главными. Конечно, развивались добыча и переработка полезных ископаемых (особенно золота), разведение морского зверя, процветали рыболовство, сельское хозяйство и виноделие, не отставало и строительство, а самолето — и паровозостроение, вкупе с производством управляемых воздушных шаров, вообще достигли небывалой высоты, но, тем не менее, правитель Ротчев посчитал эти отрасли обычной работой и даже себя не включил в состав делегации.

В общем и целом, от Аляски и Калифорнии набралось одиннадцать человек. Группа из Калифорнии прибыла в Ново-Архангельск на двух самолетах, которыми управляли братья Епифанцевы. Морской путь до Владивостока — почти четыре тысячи семьсот миль — при всех благоприятных условиях должен был занять три недели, да потом поездом шесть тысяч верст — это еще десять-одиннадцать суток... Как ни крути, получалось больше месяца, а месяца этого у делегации Русама не было.

— Виноват, господа, кругом виноват, — сокрушенно сказал Степан Васильевич на сборе делегатов в Главном Управлении. — Не рассчитал. Придется посылать покаянную телеграмму с отказом от прибытия...

— Вы с ума сошли! — маршал даже вскочил с места. — Это невозможно! Вы что, контр-адмирал, хотите быть разжалованы в матросы?

— Помилуй Бог! — замахал руками правитель и схватился за голову. — Но что же делать?! Ума не приложу!

— А надо приложить! — жестко заявил маршал. — Господа полковники, — обратился он к летчикам. — Сколько времени мы летели от Росса?

— Десять часов, господин маршал, — ответил Артем.

— А морем, господин капитан-лейтенант, — вопрос был задан Кашеварову, — сколько бы мы шли морем?

— Не меньше недели, — последовал немедленный ответ.

— Во-от! Отсюда следует — что?

— Ну, Алексей Тимофеич, ты — голова, держи меня за ноги! — захохотал Эмильен Текумсе. Покрутил седой кудлатой головой и приобнял сидящую рядом Алису. — Чего наш маршал удумал!

— Это что же, мы полетим над океаном? — любопытствовал Антон Козырев, глава аляскинской группы. Главой он стал по случаю: предполагался Мирон Ефимович Черепанов, директор Горномеханического департамента, но сей заслуженный по всем статьям муж погиб при испытании придуманного им керосинового двигателя, а следующим по заслугам был главный геолог Управления.

— А ты никак сдрейфил, корефан? — съехидничал генерал, бывший Емелька Пугач.

— Это ты за спиной Алисы такой смелый, — не остался в долгу Антоха Козырь, тоже давно белоголовый. — Как бы вы воевали без ее разведки?

— Угомонитесь, старички, яшкин пёс, — улыбнулась Алиса. — Лучше порадайтесь друг другу и давайте решать, как лететь. Эй, мальчишки-полковники, — повернулась она к сыновьям, смиренно сидевшим рядком на ковровом диванчике, — что молчите? Ясно же, главное слово — за вами.

Братья переглянулись с таким видом, будто они уже все заранее обсудили. Александр кивнул, и Артем заговорил:

— Значит, так. Сначала — общие сведения. Расстояние, которое предстоит пролететь, примерно восемь тысяч верст, или пять тысяч морских миль. При крейсерской скорости наших самолетов в сто пятьдесят верст в час — это почти пятьдесят четыре часа в воздухе. Двигатели требуют дозаправки каждые четыре часа — значит, нужны посадки, нужен керосин и чистая вода. И, конечно, отдых летчикам и пассажирам. По нашим расчетам — не меньше тринадцати посадок в

местах, где есть все необходимое, а кроме — площадки для посадки и взлета...

— Каков маршрут? — нетерпеливо спросил Тараканов.

— Предполагаем: Якутат, Шелихов, Кадьяк, далее — вдоль Алеутских островов: Унимак, Юнаска, Агту. Потом Командоры, Петропавловск и — вдоль Курил: Шумшу, Уруп, Кунашир. Затем Сахалин и самый опасный перелет через море к материку. Ну, и на юг — к Владивостоку.

— Опасность может подстергать на любом участке, — добавил Александр. — Там никто не летал. Придется использовать береговые полосы.

— А самолеты ваши поднимут столько народу? — изволил усомниться главный правитель.

— Можем еще и вас прихватить, — усмехнулся Александр Епифанцев.

— Нет-нет-нет! — зачастил Степан Васильевич, отступая и словно бы отталкивая полковника руками. — Ни в коем разе! Не заслужил!

— Связь с намеченными точками имеется? Керосин там, вода? — спросил маршал Воеводского. Тот развел руками. — Да и верно, — досадливо махнул на него Алексей, — вы же еще не в курсе. Ладно, разберемся. Итак, господа, готовы ли вы пуститься в неизвестное и весьма опасное путешествие? Кто не готов, может сейчас отказаться.

— Хелки, — оглянулся Козырев на сидящую позади него дочь. — Хелки, ты остаешься.

— Нет, батюшка! — Девушка возразила столь решительно, что все присутствующие воззрились на нее, словно впервые увидели. Впрочем, калифорнийцы действительно ее не знали. Юная креолка покраснела, став еще красивей, но не смутилась и продолжила: — Я хочу увидеть нашу Родину, хочу обнять нашего Чэйтона. А доведется погибнуть — так вместе с вами!

Чэйтон как сын погибшего офицера был зачислен в Петербургский Пажеский корпус и уже два года жил в столице. Хелки была старше племянника всего на три года, росла с ним, как с братом, и очень скучала по нему. Поэтому и уговорила отца взять ее с собой в столь далекую поездку.

Горячность девушки, ее гордая осанка и красота заставили дрогнуть сердце сорокасемилетнего маршала. Возможно, не только

его, потому что братья-летчики тоже как-то слишком пристально посмотрели на Хелки. А она ни на кого не обращала внимания, ее глаза умоляли отца, и тот сдался.

– Ладно, пушай будет по-твоему.

– Сколько времени займет весь перелет? — вернулся к главному маршал.

– При хорошей погоде и обеспечении дней восемь-десять, — ответил Александр. — Может быть, чуть дольше.

– Тогда за дело! Степан Васильевич, соблаговолите дать указание управлению электросвязи оповестить все подведомственные вам места наших посадок о соответствующей подготовке и опознавательных знаках. Согласуйте все с нашими летчиками. Что касается Камчатской области, Сахалина и Владивостока, следует обратиться, соответственно, к генерал-лейтенанту Завойко и контр-адмиралу Казакевичу с просьбой провести необходимое на Камчатке, Курилах и так далее.

Как ни удивительно, перелет прошел довольно сносно. Не сказать, что без сучка и задоринки — были и поломки, и неготовые площадки, и погода неустойчивая, и потери ориентации среди островов, а уж про скверные условия для отдыха и говорить нечего, — однако экипажи достойно выдержали все испытания. Господь нам благоволит, сдержанно улыбался Алексей Текумсе, больше, чем за погодой и ориентацией, следивший за настроением Хелки. Она, кстати, всю дорогу была весела и дружелюбна со всеми, а вот с маршалом смущалась — наверно, от его слишком пристальных взглядов — и даже замыкалась.

В общем, когда самолеты один за другим приземлились в долине речки Буяковки, неподалеку от бухты Золотой Рог, их встречала толпа местных жителей, моряков и солдат. Губернатор Приморской области контр-адмирал Казакевич произнес прочувствованную речь, восторженные аборигены пронесли на руках «летунов» (так их назвал губернатор) до приготовленных конных экипажей, и кавалькада отправилась в гостиницу «Золотой Рог», что находилась на главной улице Владивостока — Муравьевской. Там уже заждались группы с Гавайев и Камчатки.

По распоряжению генерал-губернатора графа Муравьева-Амурского (титул и добавление к фамилии генерал получил за бескровное возвращение России приамурских земель) для делегатов был снаряжен специальный поезд из пяти вагонов: один для Русской Америки и далее по одному — для Приамурья, Забайкалья и Камчатки; пятый — ресторан; в Иркутске, столице генерал-губернаторства, и Красноярске к ним должны добавиться еще два с соответствующими делегациями. Сам граф отправился в Петербург заранее. Ему спецпоезд полагался по занимаемой должности. Остальные губернаторы — Петр Александрович Казакевич, Василий Степанович Завойко и атаман Забайкальского казачьего войска Михаил Семенович Корсаков — располагались со своими делегациями.

Ехали весело и вольготно. Собирались в ресторане или у кого-то в гостях, пели песни, рассказывали истории, в основном военные, ухаживали за дамами, которых было не так уж много — всего четыре! Супруги Завойко и Казакевича, Алиса Епифанцева и Хелки. Маршал Тараканов после братских объятий с главой Гавайской провинции обратил его внимание на скромную красавицу-креолку.

– Нравится ли тебе, брат, эта очаровательная девушка?

– Девушка чудная, однако она лет на двадцать пять тебя моложе.

– На двадцать семь.

– Не многовато ли?

– Я где-то слышал... или читал... что при разнице в возрасте, кратной девяти, семьи получают самые счастливые. Наша матушка была младше отца на восемнадцать.

– Ну, дерзни. Но прежде подумай хорошенько, дашь ли ты ей счастье? Ты — человек военный, через столько сражений прошел. А ну как следующее окажется последним?

– Следующего, похоже, долго не будет. Отбили мы охоту юсовцев прорваться к океану. Но ты прав — я подумаю.

В зале Александринского театра были убраны кресла и накрыты столы для гостей — на восемьсот персон. Здесь не делались различия между сословиями: рабочие сидели с дворянами, крестьяне с аристократами, купцы с военными и духовными лицами разных конфессий. Естественно, все были в праздничной одежде — да в иной бы сюда и не пустили, невзирая на наличие приглашения.

Столы были разного размера — на четыре, шесть, восемь персон, самый длинный — для царской фамилии — стоял на небольшом возвышении; справа от него поставили пюпитр-трибунку для выступлений.

Торжество началось с выхода императорской семьи. Затем выступил с подробным докладом Председатель Государственного совета князь Алексей Федорович Орлов. Назначение на этот пост любимец императора получил всего лишь за два месяца до юбилея. Ходили слухи, что государь не был уверен в том, что светлейший князь Александр Иванович Чернышев, восемь лет возглавлявший Государственный совет, справится с подготовкой доклада об итогах тридцатилетия. Сей документ должен быть весьма дипломатичным, а князь Орлов неоднократно показывал остроту и гибкость ума, особенно на дипломатическом поприще.

Алексей Федорович блестяще справился с этой сложной задачей, сумев найти «золотое сечение»: не слишком ревностно выставить немалые достижения царствования и не слишком выпятить ошибки, промахи и провалы, коих тоже было достаточно.

Закончив под бурные аплодисменты и восторженные крики в честь императора, князь поднял тост за «благороднейшего хозяина Земли Российской от берегов Балтики и Черного моря до Скалистых гор Америки и вулканов Гавайев», с чем и сошел в общий зал.

...Делегаты Русской Калифорнии расположились за шестиместным столом и только поддержали тост князя, как подошел распорядитель в сопровождении дамы, лицо которой было прикрыто вуалеткой, и попросил принять в свою компанию иностранную журналистку.

– Милости просим. — Маршал указал на свободное место.

Распорядитель усадил даму и удалился. Дама подняла вуалетку — открылись миловидные черты, слегка подпорченные увядающей кожей, — и тут случилось невероятное.

– Джейн!

– Оксана!

Два возгласа — Алексея Тараканова и Алисы Жданко — слились в один, заставив даму испуганно вскочить. Но уже в следующую секунду она овладела собой и сказала почти спокойно, обращаясь к Алисе Васильевне:

– I am an accredited correspondent of the Washington editions of the magazine «Democratic Review» and newspaper «The New York Weekly Sun» — Jane Casno. And who, Madam, are you? I don't know you^[38].

– Знаешь, Ксанка, знаешь. И очень даже хорошо. Вернее, знала когда-то. — Алиса встала и взяла журналистку за плечи. — Ну-ка, взглядишь в меня, взглядишь!

– Лисичка! — охнула Джейн, то бишь Оксана Федорчук. — Алиска!

И бывшие подруги обнялись под изумленными взглядами четырех мужчин.

– Это мой муж, — представила Алиса. — Емельян Епифанцев. И мои сыновья — близнецы Артем и Александр...

– Хорошая компания! Я смотрю: у всех орден Святого Георгия.

Все русские калифорнийцы действительно были накануне награждены этим боевым орденом Российской империи. Вручал лично император.

– ...А это — наш маршал Алексей Текумсе Тараканов, — закончила Алиса.

– Кое с кем я уже знакома. — Губы Джейн дрогнули то ли в улыбке, то ли в гримаске.

– Встречались, — усмехнулся Артем. — Мисс Джейн однажды пыталась нас убить, когда мы с Алексеем Тимофеичем были на охоте. И потом в разведке...

Тараканов тронул полковника за рукав мундира: вроде как остановил. Артем замолчал на полуслове. Алиса непонимающе уставилась на журналистку.

– Это было так давно! — воскликнула Оксана. — Я же не знала, что вы — дети моей подруги! А я так вжилась в роль американки, что стала одним из авторов «Миссии Предназначения».

– Так это тебе мы обязаны десятилетиями войн с юсовцами! — покачала головой Алиса.

– Я тогда выполняла задание. Впрочем, как и ты.

– Какое задание, Алиса? — насторожились сразу двое — Емельян и Антон.

Алиса Васильевна слегка смутилась:

– Потом расскажу. Это — не для праздника.

Оксана внимательно посмотрела на нее, однако ничего не сказала.

— А кем, мисс Казно, вы были, когда вас звали Оксаной? — поинтересовался Алексей Текумсе.

— О-о, это длинная история, — натянуто улыбнулась журналистка. — Кем я была, той теперь быть не хочу. Сейчас меня знает вся Америка! И не только Америка. Вот пригласили на торжество. Меня, персонально.

Она обвела взглядом зал. За столами кипел торжественный обед: приглашенные, невзирая на сословия, звания и чины, чокались бокалами и стопками, шумно говорили; звякали вилки и ножи; между столами неслышно скользили официанты в белом и лакеи в ливреях, поднося и убирая все, что полагалось...

— Понимаете, мисс, — маршал наклонился к ней через стол, — я подозреваю, что вы появились тут неспроста. Вы ведь, ко всему прочему, еще и террористка. Помните пароход «Святой Николай» и баронессу Ксению Филиппову? Помните юного гардемарина, который выбирал для вас каюту? И вашу бомбу с часовым механизмом?

— Оксана, ты не сделаешь этого, — сказала Алиса и встала. — Сдай оружие или что там у тебя? Бомба?

— Да тебе-то что за дело, Лисичка? В каждой избушке свои игрушки, — вяло возразила Оксана. — Нет у меня оружия. А у императора есть охрана...

— Так вот на кого ты нацелилась, яшкин пёс! Это у президентов полно охраны, а у нашего монарха ее нет, — оскалилась Алиса. — Он в одиночку гуляет по набережной Невы.

— Так зачем его тут убивать? Там-то куда проще.

— Дура ты! Или по-американски хочешь остаться в истории? Ну да... В России смертная казнь запрещена — отсидишь сколько-то лет, может, книжку напишешь. Ура, вот и слава! Но зачем тебе эта слава? К океану вы все равно не выйдете и ничего не купите — зачем лишние смерти? Да и сама погибнуть можешь, яшкин пёс!

— Миром должны править США, а Россия стоит у них на пути. И моя жизнь — пустяк, пылинка на ветру.

Сидящие за столом слушали их диалог с приоткрытыми ртами: они все еще не могли понять, что происходит. Даже маршал с трудом вникал в смысл слов.

— Я повторяю, — в голосе Алисы зазвенела сталь, — немедленно сдай все, что представляет опасность...

— И я повторяю: у меня нет оружия. Вот, можете проверить. О, кажется ваш император куда-то собрался.

Алиса обернулась — она сидела спиной к подиуму с императорским столом. В этот момент Оксана-Джейн открыла свою нарядную сумочку и быстро и довольно грубо сунула каждому мужчине под нос. Те снова ничего не поняли и, механически заглядывая в сумочку, делали вдох. Когда через несколько секунд Алиса снова повернулась к столу, Оксаны не было, а все калифорнийцы сидели, уронив головы на грудь. Алексей даже лежал головой в тарелке с салатом. Посреди стола стояла раскрытая сумочка журналистки, и ноздри Алисы уловили тонкий аромат с тоном гвоздики.

Все ясно: это — не смерть, это — мгновенный сон!

Алиса обежала взглядом зал и увидела, как за портьерой двери, ведущей в фойе, мелькнула знакомая шляпка. Через другую дверь туда же, в фойе, выходил император в сопровождении князя Орлова.

Алиса рванула застежки верхней юбки, она упала на пол вместе с пышными нижними, и полковник осталась в трико и нарядной кружевной шемизетке с эмалевым крестом Святого Георгия — снимать шемизетку было уже некогда.

Э-эх, тряханем цирковой стариной!

Таких пируэтов Александринский театр еще не видел. Опираясь на столы, попадая руками то во что-то жареное или вареное, то в салаты, то в соусы, Алиса прокрутила сальто до самой двери фойе. Позади звенели разбитые тарелки, бутылки, кувшины и бокалы, сыпавшиеся по ее пути со столов; визжали женщины, матерились мужчины, но полковника Генерального штаба империи Орегон такие мелочи, яшкин пёс, остановить не могли.

В просторном фойе было довольно многолюдно: приглашенные оторвались от яств, чтобы передохнуть, познакомиться друг с другом, пообщаться, повспоминать. Неожиданное появление Николая Павловича вызвало всеобщий восторг. Императора окружили, хотели поднять на руки, однако государь повелительным жестом остановил верноподданнические поползновения, начал спрашивать о впечатлении от торжества, не перегнули ли палку с панегириками (а они лились

весьма обильно), нет ли чего-то срочного насущного... Кто-то крикнул: «Шампанского!» — и добровольцы побежали в зал за бокалами и бутылками.

Влетев в фойе, Алиса остановилась, всмотрелась в мельтешащие спины и заметила какое-то направленное движение. Оксана продвигалась к императору, чья голова возвышалась над окружающими. Алиса заработала локтями, расталкивая сгрудившихся, в основном мужчин; те оглядывались на настырную седую даму, но, заметив орден Святого Георгия, почтительно сторонились.

– Your Majesty!^[39] — услышала она знакомый высокий голос, перекрывший на мгновение общий шум, и еще энергичнее рванулась вперед.

Николай Павлович тоже услышал английскую речь и повернулся в сторону кричавшей женщины:

– I hear You, — произнес он своим «летучим» офицерским баритоном. — What do You want?^[40]

– I want to kill You^[41].

Никто, кроме Николая Павловича и Алисы, ничего не понял, но окружавшие государя люди увидели, как он отпрянул, и автоматически отступили тоже, невольно образовав свободное пространство, на одном краю которого оказался побледневший император, на другом, противоположном, — дама в полосатом платье, в шляпке с вуалеткой, прикрывавшей лицо; из-под шляпки выбились тронутые сединой локоны. Неожиданно для всех дама сбросила шляпку и в ее руке оказался небольшой двуствольный пистолет, направленный в грудь императора.

Николай Павлович чисто механически прикрыл правой рукой сердце.

Два выстрела подряд, казалось, слились в один продолжительный. Время остановилось.

Но пули не достигли цели.

За мгновение до того Алиса каким-то невероятным чутьем поняла, что не успевает дотянуться до террористки, но ей хватило этого мгновения, чтобы сделать акробатический вольт и закрыть императора своим телом. Два жгучих жала вонзились ей в левую грудь, и все померкло.

Ей не довелось узнать, как страшно ошиблась Джейн Казно. Та действительно рассчитывала на славу по-американски: то есть, что ее будут осаждать журналисты, что в тюрьме она и вправду напишет книгу о том, как убивала русского императора...

Разъяренная толпа растерзала ее на клочки.

Эпилог

1–2 июля 2020 года

1.

– Уважаемые пассажиры рейса номер двести восемьдесят один Петропавловск-Камчатский — Шелихов, просим вас пройти на посадку к выходу номер двенадцать сектора А терминала И. Повторяю. Уважаемые пассажиры...

Бархатное контральто девушки-диктора волнами прокатилось по огромному пространству аэропорта «Завойко», разделенному стеклянными перегородками на два терминала — И, имперский, и М, международный, — и несколько секторов. Сектор А обслуживал аляскинское направление российских авиалиний.

Тимофей упруго поднялся из-за столика в экспресс-кафе, за которым наслаждался холодным пивом премиум-класса «Павел Пестель», закинул на плечо ремень дорожной сумки и направился к названному выходу.

Свой очередной отпуск подполковник Тараканов провел, вообще-то, на Гавайях и в столичный град Аляски мог лететь прямым рейсом из Гонолулу, но ему вдруг захотелось завернуть в город детства, пройтись по пыльной Рыбацкой улице, заглянуть — смешно сказать! — в детский садик «Гномик». Может быть, и скорее всего, там все уже не так, ведь их семья переехала в Шелихов еще до окончания Тимофеем гимназии (отца перевели в Главное Правление РАК — Российско-Американской компании), а с 1999 года, когда Российская империя возродилась в виде СНЕГа — Союза Независимых Государств, в котором добровольно сошлись Россия, Украина, Беларусь, Давос (Дальний Восток) и Русам (Русская Америка и Гавайи), началось бурное развитие всех отраслей хозяйства, в том числе и строительства городов — вот Тимофей и захотел увидеть изменения своими глазами.

К тому же отпуск получился настолько насыщенным (одна схватка с террористами в НИИ параллельных миров чего стоила!), что потребовалось расслабиться и глубоко вдохнуть пахнущего хвоей и вулканическим дымком воздуха Камчатки.

...Пассажирский дирижабль легко оторвался от переходного шлюза, на стартовых двигателях всплыл над аэропортом и включил маршевые — турбореактивные. Впрочем, пассажиры, заполнившие оба салона — бизнес — и эконом-класса, — ничего не заметили и не услышали: инерцию рывка погасили амортизаторы кресел, а реактивный рев не прорвался внутрь, во-первых, потому что на лайнерах авиакомпании «РАКаэро» стояли новейшие двигатели, уровень шума которых не превышал урчания стирального автомата, а во-вторых, расстояние между пассажирским и двигательным отсеками было больше двадцати метров: первый располагался в носу лайнера, второй — в хвосте.

Ужин в просторном бизнес-салоне дирижабля мало чем отличался от ресторанного. Столики накрывались на шестерых, заказы принимали расторопные стюарды и стюардессы, посуда, приборы были высшего класса, блюда и напитки разнообразны и вкусны. Единственное отличие от фешенебельного ресторана заключалось в том, что не надо было расплачиваться: стоимость ужина включалась в цену билета.

Тараканов, вообще-то, после семи часов вечера старался не есть — поддерживал физическую форму — командиру дивизиона истребителей, то бишь истребителей-бомбардировщиков, Службы безопасности РАК следить за своим весом полагалось по определению, — но на этот раз решил «разговориться» — уж больно насыщены были дни, проведенные в НИИПМ на атолле Мокупапапа, организм просил расслабиться. Поэтому он заказал фужер калифорнийского «Пино нуар» урожая 1994 года. В винной карте было написано, что «это вино обладает ароматом и вкусом черной смородины, вишни и малины с оттенком специй и ванили», что оказалось сущей правдой. Такое вино требовало соответствующей закуски, и Тимофей Никитич выбрал двойной стейк из мяса бельгийского голубого быка, а к нему салат из гавайских овощей.

Вкушая экзотические яства, Тараканов поглядывал в большой иллюминатор (он с детства это любил) на уплывающий назад по

левому борту полуостров — на курящиеся дымом и паром вулканы, на предосеннюю пестроту тайги, тут и там прорезанную извилистыми автомагистралями; на скоростной поезд «Сокол», бегущий от Северо-Курильска, что на острове Парамушир, к Петропавловску и далее на север — до Усть-Камчатска, Анадыря и Уэлена, а может быть, еще дальше — по Дежневскому тоннелю до Аляски...

Вдоль побережья на юг, к островам, шел большой грузовой экраноплан, конечно же компанейский.

Впрочем, тут, куда ни глянь, все компанейское, усмехнулся Тимофей. На ней, на РАК, держится весь Русам, да и часть Давоса, как теперь, с девяносто девятого, называется Дальний Восток (аббревиатуры, ё-моё, по всему горизонту!). Экономика, социалка, наука, образование, хозяйственная инфраструктура... Монополия, ставшая независимым государством, равноправным членом СНЕГа. Конечно, относительно независимым. За исключением внешней политики, военных объектов, флота и авиации, ну и пограничной стражи.

Мысли Тимофея потекли в глубь истории. Любил он ее и часто негодовал, когда кто-либо проявлял историческое невежество, особенно в отношении своей родины.

– Это все равно, что не знать своих бабушек и дедушек. Вы же не захотите, чтобы вас внуки забывали.

...Впрочем, первым военным флотом, а позже и авиацией, в этих краях поначалу тоже владела Компания. Да и армия у нее была своя. Вернее, не армия, а три бригады специального назначения, шесть тысяч хорошо обученных бойцов. Они, эти бригады, каждая в нужном месте и в нужное время, а именно на берегах Русского океана, сказали свое веское слово, установившее мир и порядок. Очень веское слово... М-да... Как там в Библии насчет слова? «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово был Бог...» Только вот в начале, то бишь в греческом оригинале, стоял «Логос», его и перевели как «Слово», а он допускает и иной перевод: «Разум», или «Мысль». И это — куда как правильно, ведь все начинается с мысли, а мысль, как известно, материальна. Родилась двести лет назад у руководства Компании мысль, что российские владения в Восточном океане (тогда его называли Восточным и еще — Тихим) должны быть надежно защищены от враждебных посягательств, и воплотилась эта мысль в

военные корабли и отряды добровольцев, которые помогли коренным жителям Орегона и Калифорнии противостоять весьма агрессивным Соединенным Штатам и создать свои независимые государства. Мексиканцы прошли через империю к республике, а индейцы империю создали раз и навсегда, наподобие той, с которой встретились испанцы в Новом Свете. А кто командовал этими отрядами — помнишь, Тимофей Никитич? Самыми первыми — Емельян Епифанцев, русский ссыльнопоселенец по прозвищу Пугач. Национальный герой Орегона Эмильен Текумсе. А кто был командующим Первой Объединенной армией? Именно так — с заглавных букв! Правильно, Тараканов, сын одного из первопоселенцев-россамеров, чье полное имя носишь сегодня ты. Креол, русский гвардейский капитан, окончивший Новоархангельское военное училище, где первым начальником был Павел Иванович Пестель, Тараканов стал маршалом империи Орегон Алексеем Текумсе. Между прочим, твой пра-пра-пра... ну, в общем, предок по прямой линии.

Интересно, а какой крови в тебе больше? Отец Алексея был чисто русским, но женат на чисто индеанке, кстати, сестре основателя династии императоров Орегона Маковаяна Ютрамаки. Алексей женился на Хелки, креолке, дочери русского Антона Козырева и алеутки. И далее — все мужчины рода женились либо на креолках, либо на индеанках, эскимосках, алеутках... И все в итоге — русские! Вот так у всех россамеров.

Россамерами в Компании называли прямых потомков по мужской линии первопоселенцев Русама, которые примерно с середины девятнадцатого века из поколения в поколение служили в РАК. Можно сказать, политико-экономическая элита Компании. Сложилась она главным образом из креолов и метисов, детей русских промышленников и крещеных по православному обряду женщин-аборигенок. Эти дети, как правило, получали хорошее образование в столицах империи и возвращались на службу в Русскую Америку. Тараканов и Кашеваров имели самую старую родословную, являясь потомками в седьмом колене. А вообще, россамеров в Компании было не так уж и много: Кашеваровы, Климовские, Глазуновы, Малаховы, Колмаковы, Устюговы, Лукины, Барановы, Козыревы, Бульгины, Черепановы, Епифанцевы, те же Таракановы... — где-то около двухсот

человек на сто пятьдесят с лишним тысяч штатных работников, и они пользовались достаточным количеством привилегий; по крайней мере никто из них не числился в рядовых...

Размышления Тимофея прервал вызов коммуникатора. На экране возник зашифрованный текст. Натренированная память подполковника немедленно выдала нужный код дешифровки, и Тимофей прочел: «Чрезвычайная ситуация требует вашей немедленной явки в штаб округа. Начальник штаба генерал Епифанцев».

Подполковник набрал на сенсорной клавиатуре ответ: «Уже в пути», — стер из памяти коммуникатора оба текста и направился в отсек управления дирижабля. Охрана пропустила его к командиру экипажа по предъявлении знака допуска высшей степени. Командир вышел к нему из кабины управления, выслушал сообщение и сказал, явно успокаивающе:

— Я уже получил оранжевую шифровку о режиме повышенной опасности в районе Кадьяка и Шелихова. Пока что летим дальше. Если получим красную, повернем к Анадырю.

— Мне нужна ваша помощь.

— А именно?

— Я должен максимально быстро добраться в округ. У вас есть одноместная «манта»?

«Мантами» летчики называли малые и средние экранолеты за их похожесть на гигантского морского ската манту.

— Есть двухместная.

— Отлично. По правилам режима ЧС я ее временно использую. В Шелихове получите обратно.

— Могу обратиться с личной просьбой?

— Без проблем.

— Есть пассажирка, которой обязательно надо быть в Шелихове, а я в сложившихся обстоятельствах не могу это гарантировать.

— Кто такая? Возраст, здоровье? Вы же понимаете, что могут быть перегрузки и прочие недоразумения.

— Здорова, — заспешил командир, — двадцать восемь лет. Между прочим, — добавил почти заговорщически, — доктор наук.

— Ишь ты! — присвистнул подполковник. — Целый доктор! И каких наук? Домоводства или кройки и шитья?

— Обижаете! Биологических!

– Вот как?! — Тимофей попытался уловить усмешку, хотя бы в глазах командира экипажа — не получилось. Тот был абсолютно серьезен. — Ладно, встретимся в ангаре. Как хоть ее зовут-то?

– Александра Федоровна Корнеева.

– Александра Федоровна? Ну-ну...

2.

Дирижабль остался позади. Скорость «манты» раза в три выше, чем у этого комфортабельного лайнера, и он быстро растаял в темнеющей синеве чистого неба. На востоке вдоль горизонта накапливались грозовые облака, солнце садилось в них, обливая золотом округлые вершины и бока, и днища их от этого казались гораздо черней и мрачнее.

– Настоящую красоту никакой художник не испортит, — вполголоса промолвил Тараканов, скользнув взглядом по сияющим вершинам, на фоне которых профиль спутницы в летном шлеме казался рисунком из древней истории. О чем (или о ком?) сказал — непонятно.

– Художники сами создают красоту, — возразила Корнеева. — Кто как ее себе представляет.

Доктор наук повернула лицо к подполковнику, и тот опять внутренне задохнулся от восторга. Первый раз у него сердце оборвалось, когда Александра появилась в ангаре — в ярком летнем платье, сандалиях на босу ногу, на шее — воздушная косынка в сиреневых тонах, каштановые волосы — волнами до плеч, на лице — никаких следов макияжа, черные приподнятые к вискам брови, прямой нос, округлые, тронутые легким румянцем щеки с чуть заметными ямочками и... огромные глаза, излучающие радостное сияние, — Тараканову она показалась живым олицетворением счастья. Он даже не сразу понял, что пропал и пропал навсегда.

В свои тридцать семь Тимофей Никитич ни разу не был женат.

С женщинами у Тимофея были особые отношения. Всем говорил, что пока не встретил ту, единственную, которой с радостью отдаст свое сердце, что для этого он и одевается модно, поскольку женщины в первую очередь обращают внимание на то, как одет мужчина, а потом

на все остальное, в общем, бла-бла-бла... И говорил так убежденно, что и сам себе верил, но на самом-то деле он до холодного пота боялся показаться смешным в глазах слабого пола. Причиной такой фобии стал случай из студенческой юности, когда четверокурсник Тараканов приехал с однокурсницей, которую считал своей невестой, на отдых в крымский Симеиз. Непоседа девица потащила его на верхушку скалы Дива и с минуту, раскинув руки, красовалась на «носу» этой самой Дивы на 60-метровой высоте над морем. Но, когда она предложила то же самое сделать Тимофею, он смог приблизиться к краю «носа» только на четвереньках. Весь день она издевалась над ним, а вечером Тимофей собрал вещи и на попутке уехал в Симферополь, откуда улетел домой. «Невеста» потом каким-то образом узнала, что у Тимофея элементарная акрофобия, то бишь прирожденная боязнь высоты, вызывающая головокружение, и пыталась попросить прощения, но «жених» отказался с ней разговаривать. От акрофобии он избавился, служа в спецвойсках, с женщинами же вел себя как джентльмен в третьем поколении. То есть никогда ничего не обещал — только восхищался.

И вот впервые за двадцать лет запылало ретивье. Однако лицо подполковника осталось непроницаемым. Не потому, что он так уж здорово владел собой, — Тимофей просто отчаянно испугался нарваться на отчуждение, а может, на что-нибудь и похуже.

— А что это за чрезвычайная ситуация, из-за которой вы сорвались с дирижабля? — спросила Александра. — Мой дядя ничего не объяснил...

— Ах, ваш дядя... — пробормотал Тимофей себе под нос, а громко пояснил: — Думаю, она связана с Соединенными Штатами. Может быть, очередной крупный теракт.

Тараканов хоть и говорил предположительно, однако сам нисколько не сомневался в том, что теракт готовится. И даже, может быть, что-то посерьезней. Из-за простого теракта, пусть и очень крупного, его не стали бы выдергивать из неоконченного отпуска. Конечно, штатовские американцы после нескольких неудачных военных попыток выйти к Тихому океану страшно обозлены на Россию и главным образом на РАК, поскольку именно отряды спецназа Компании приходили на помощь индейской федеративной империи Орегона и Калифорнии, подвергавшейся агрессии Соединенных

Штатов. Помнится, командовавший объединенными силами в первой кампании (а она была частью Мировой войны, устроенной коалицией Германии, Англии, Франции и США вкупе с их союзниками против Российской империи, которая тоже, в общем-то, сражалась не в одиночку) дед Тимофея Никитича, смеясь рассказывал внукам о том, как драпали янки и томми^[42], бросая оружие и технику, после залпов реактивных минометов «Цесаревич».

Между прочим, может быть, именно под впечатлением этих рассказов, намертво вросших в детскую память, Тимофей после службы в спецназе и института пошел не на завод или какую-нибудь фирму, а в высшее военно-воздушное училище имени Можайского. Стал военным летчиком. Продолжил, так сказать, семейную традицию Таракановых, заложенную пра-пра-... в общем, маршалом Алексеем Текумсе.

– И часто вас так срочно вызывают?

Тимофей краем глаза уловил, что Александра снова повернула голову в его сторону, хотел ответить, но не успел: на экране радара вспыхнули две зеленые точки и поползли к центру, то есть к их «манте». Бортовой компьютер через секунду выдал определение: «Фантомы» Соединенных Штатов. А я и не сомневался, присвистнул подполковник.

– Проверьте, хорошо ли пристегнуты, — спокойно сказал он доктору Корнеевой. — Сейчас будет весело.

Государственных штатовских машин здесь быть не должно. В последней войне со СНЕГом и Китаем США потерпели сокрушительное поражение, а посему их вояки забыли дорогу в Русский океан. Значит, «Фантомы» с нелегального эвиеншипа, скорее всего подводного. Прокрались, сволочи, а наши прошляпили.

– Рейс двести восемьдесят первый, в воздухе «Фантомы». Уходите в Анадырь, — послал Тимофей шифрованное сообщение дирижаблю и переключился на авиабазу округа: — Я — Первый АДСБ, веду МЭЛ, бортовой номер шесть-дробь-один, курс Шелихов. Атакуют два «Фантома», прошу поддержки.

– Первый АДСБ, вас и «Фантомы» видим. Продержитесь пятьдесят каэм до зоны РЭБ.

– Спасибо, — язвительно сказал Тараканов. — У меня нет ни защиты от РЭБ, ни оружия. Двести каэм на ручной тяге... м-да...

- Значит, катапультируйтесь. Подберем.
- Угу... — пробормотал подполковник и выругался шепотом. — Они подберут! Ждем-с!
- А что такое РЭБ? — не обратив внимания на виртуозный мат, поинтересовалась доктор биологических наук.
- Радиоэлектронная блокада.
- А это... АДСБ? Не скрывайте — у меня первая степень допуска.
- Авиадивизион Службы безопасности, — сквозь зубы сказал подполковник и тут же добавил: — Ну, держись, мама моя Аляска!

Александра ничего не успела увидеть и понять, как экранолет ухнул в бездонную яму. Причем носом вниз. Сердце доктора наук застряло где-то в горле — ни вздохнуть, ни охнуть. Голова ее невольно запрокинулась, и Александра увидела, как невесть откуда взявшиеся две ракеты буквально сделали кувырок и пошли за ними в пике, довольно быстро приближаясь.

До поверхности океана оставалось метров пятнадцать-двадцать — определить трудно: внизу катились пологие валы неизвестно какой высоты, — до ракет и того меньше, и тут экранолет совершил очередной кульбит: выйдя из пике, он за доли секунды скользнул над плавно катящимся валом и «свечкой» взмыл вверх. Ракеты такого маневра совершить не могли и дружно врезались в воду. Два взрыва слились в один, однако «манта» уже была недосыгаема.

На выходе из пике все внутренности Александры оказались в низу живота, и она каким-то чудом удержала то, что, казалось, неудержимо рвалось наружу. Но уже через пару секунд экранолет перешел на горизонтальный полет на высоте не более тридцати метров, и Корнеева облегченно выдохнула воздух, который, оказывается, она держала в себе, начиная с момента падения.

– Славная машинка, — сказал подполковник, как ни в чем не бывало. — И вы, доктор, были на высоте. А теперь, пока «Фантомы» не очухались, домой, домой, домой!

3.

Подполковник Службы безопасности Тимофей Никитич Тараканов не мог оторвать глаз от большого парного портрета, только

что повешенного в зале заседаний Правления компании. До этого времени ему как-то не довелось лицезреть изображений нового императора СНЕГа с супругой ни в газетах, которые он не читал, ни по телевизору, который предпочитал не смотреть. Знал доподлинно, что и там, и там многое перевирается, был убежден, что событие истинно лишь в тот момент, когда совершается, а любое его преподнесение априори не может быть объективным — поэтому свое не столь уж великое свободное время — в основном перед сном — занимал либо чтением книг, либо просмотром скачанных из Сети фильмов.

Подполковнику было тоскливо: он только что расстался с доктором Корнеевой, которая собиралась лететь дальше, на остров Врангеля, в заповедник овцебыков — там обнаружилось что-то невероятное, кажется, популяция карликовых мамонтов, — и явился в штаб Службы безопасности.

– Ты чего так уставился на их величества? — с усмешкой спросил Николай Васильевич Пестель, его непосредственный начальник, прапра-правнук незабвенного генерала Павла Ивановича, следовательно, тоже россамер.

Император Василий Седьмой был из династии Шереметевых. Граф Василий Шереметев, избранный в 1908 году Земским собором после гибели в огне монархической революции династии Романовых императором новой России (старая империя распалась на несколько государств) оказался тем самым царем-спасителем, о котором веками мечтали народы империи, в первую очередь — русские. Сильный, справедливый, беспощадный к любой коррупции (одним из первых отправил за решетку бывшего премьер-министра Тюленева, который довел казнокрадство чиновников до уровня государственной идеологии), при том максимально доступный для народа. Например, возродил прямой ящик для писем императору; его советники опасались, что монарх будет завален посланиями по мелочам, но, когда был наведен порядок рассмотрения жалоб «на местах», люди перестали обращаться «наверх» с пустяками, а начали присылать конструктивные соображения, некоторые были столь интересны, что в «Российской газете» завели рубрику «Если бы я был императором...» с общенародным обсуждением присланных предложений. И многие превратились в законы и указы.

– Мне кажется, Васильич, что я их давным-давно знаю, — задумчиво ответил Пестелю Тимофеем. — Сколько ему лет?

– Ну, на портрете они, само собой, моложе, а на деле... Его Величество твоих лет, пожалуй...

– Вот и я того же мнения... Когда я служил в армии, был у нас в роте один весельчак, остряк-самоучка, Васька Шеремет. Хвастался, что фамилия его переводится с турецкого как «человек львиной храбрости». Ну... я посмеивался над ним, но мы дружили. Он, между прочим, помог мне избавиться от акрофобии, боязни высоты.

– Ты, спецназовец, боялся высоты?! — изумился Пестель.

– А что особенного? Это же не трусость, в некотором роде — болезнь, поддающаяся лечению.

– И как же твой друг тебя вылечил?

– Прыгнул с парашютом вместе со мной, взяв меня за руку.

– Помогло?

– С третьего раза... Так я не договорил. Пока служили, завелась у Васьки подружка Настя. Такая славная девчушка! Васька мне сразу сказал, что, как дембельнется, непременно женится на ней. Выходит, не врал, — по-прежнему задумчиво проговорил Тараканов и встряхнулся: — А-а, ладно! У каждого петушка свой насест. Когда, Васильич, их величества прибывают?

Дело было в том, что император с супругой изъявил желание осмотреть подопечные государства и начал, разумеется, от восхода солнца, решив заодно лично поздравить РАК с подготовленным юбилеем. Впрочем, юбилей предстоял весьма нестандартный — двести двадцать один год со дня основания. Председатель Главного Правления РАК россамер Михаил Петрович Булдаков объяснил эту странность просто:

– Нумерология, господа, чистая нумерология! Юбилей намечен на третье июля следующего, две тысячи двадцатого года. Казалось бы, полное несовпадение с датой создания компании — восьмого июля тысяча семьсот девяносто девятого года. Но! Но... Если сложить ее цифры по правилам нумерологии, получится «пятерка», то есть столько же, сколько и в день юбилея. Насколько я помню, она олицетворяет любознательность, активность, энергичность в достижении цели, что весьма характерно для нашей Компании. Сюда же можно добавить склонность к исследованиям, свободу мысли и

действия и еще кучу положительных качеств. — Булдаков помолчал и добавил: — Между прочим, и сам юбилей — двести двадцать один год — по нумерологии тоже «пятерка».

Визит монаршей четы не был секретным, но и не афишировался, во избежание деструктивных действий некоторых государств и организаций. Естественно, требовались чрезвычайные меры предосторожности, потому Тараканов и был вызван в режиме ЧС.

Пестель посмотрел на большие часы на одной из стен зала:

– Через три часа с минутами их подлодка должна швартоваться у третьего причала. Но там буду я. Ты же со своими орлами двумя тройками «сушек» вылетишь навстречу имперскому экранолету, идущему сюда из Петропавловска в сопровождении эскорта истребителей. Время вылета сообщат дополнительно, но будь наготове.

– А кто летит на «экране»? Премьер?

– Никто не летит, — сердито сказал Пестель. — Больно любопытный! Это имитация имперского корабля. На самом деле — летающая крепость. На случай непредвиденных обстоятельств. Хотя их, непредвиденных, не должно быть в принципе.

– Что-то есть, чего я не знаю?

– Есть данные разведки Орегона. Федеральное разведывательное управление готовит какую-то пакость. Сюрприз новому императору СНЕГа. Название операции «Наш Пёрл-Харбор».

– Вот оно что! — не сдержался Тараканов.

– В чем дело? — насторожился Пестель.

– Главарь террористов, которые во время моего отпуска нападали на институт на Гавайях, поминал Пёрл-Харбор. Говорил: «У нас будет свой Пёрл-Харбор». Уж не эту ли операцию он имел в виду?

– А что такое «Пёрл-Харбор»?

– Ты что, англиш не знаешь? Это Жемчужная бухта на Гавайях. В тысяча девятьсот сорок первом японцы разбомбили там американский флот. — Тимофей увидел изумленное непонимание в глазах начальника и пояснил: — Это было не в нашем мире.

– А в каком?

– Потом расскажу. Не бери в голову. Тут ключевые слова: «свой Пёрл-Харбор».

– Ну ладно. Так, может быть, акция на Гавайях и нынешняя операция — звенья одной цепи?

– Не исключено. В любом случае, Васильич, надо объявлять ЧП и привести в боевую готовность всю нашу военную авиацию и флот. Готовится не пакость, а мощное нападение с воздуха и моря. Нужно предупредить Гавайи и Росс — удары могут быть и там. Но здесь-то будет точно!

– Хорошо. Я докладываю Председателю и в соответствии с полномочиями начальника Службы безопасности объявляю ЧП. Лично займусь флотом. Ты, Тимофей Никитич, свяжись с командующими ВВС и ПВО. Обеспечьте перехват атаки крылатых ракет и авиации. И не забудь про встречу имперского «экрана». Давай действуй!

4.

В 12.00 дня по Шелихову, или 0.00 по Москве, в двухстах милях к юго-востоку от острова Кадьяк всплыли три подводных авианосца высшего класса, и в воздух один за другим поднялись восемнадцать истребителей-бомбардировщиков F-126, несущие каждый по четыре крылатых ракеты AGM-109P MRASM. Спустя несколько минут с палуб авианосцев взлетели шесть истребителей и направились навстречу приближающейся к Аляске группе во главе с имперским экранолетом. Эти события немедленно зафиксировал висящий над Русским океаном геостационарный спутник, и видеокдры тут же попали на экраны Службы безопасности РАК, Службы охраны высшей администрации и Министерства обороны СНЕГа. В соответствии с расписанием действий по сигналу ЧП.

– «Маразмы» пущены в двенадцать двадцать, — сообщил ведущий оператор НБ ПВО дежурному офицеру. «Маразмами» на своем слэнге военные называли американские крылатые ракеты. — Количество — тридцать шесть, курс — Шелихов. Время подлета — тридцать две минуты.

Информация ушла в Штаб ПВО, а оттуда в Центр радиоэлектронной блокады поступил приказ: в 12.40 включить блокаду на полную мощность. «Своим» перейти на защищенное управление.

– Внимание! — объявил один из операторов. — Вижу два гражданских экранолета. Идут параллельным имперской группе курсом с опережением в десять минут.

– Вот черт! — выругался ведущий. — Это же гостевые, на юбилей. У них нет защищенного управления. Пусть немедленно поворачивают на северо-запад!

– Поздно! Они вошли в зону РЭБ.

– Грохнутся ж! — Ведущий торопливо набрал на пульте номер. — Служба безопасности? На связи Центр РЭБ, старший по смене Анкудинов. Мне Тараканова! Срочно!.. Тимофей? Это Анкудинов. Два гражданских «экрана» вошли в зону.

– Вижу, — отозвался Тараканов.

– Через три минуты включение защиты. У них выйдет из строя вся электроника, на ручном они не дотянут и упадут! Что молчишь?

– Думаю. Спектакль с имперскими придется отменить.

– Да он и так юсовцам не пригодится. Шесть их «ястребов» против наших четырех плюс «экран». Нормально.

– Конец связи, — сердито сказал Тимофей и переключился на свою эскадрилью. — Ребята, имперские справятся без нас, наша задача — спасти гражданских. По три «сушки» на «экран». Делай, как я.

Тимофей связался с командирами экранолетов и приказал идти на снижение в сторону берега с углом наклона глиссады до двадцати градусов.

– Электроника будет вырублена через полторы минуты. Переходите на ручное управление и ничему не удивляйтесь. УНГ после перехода на ручное от четырех до двух градусов.

За минуту экранолеты успели снизиться до восьмисот метров. Береговая полоса, на которую приходилось садиться, широкой серо-желтой лентой опоясывала заросшие тайгой возвышенности природного парка Аникачак. До нее оставалось не больше десятка километров.

Центр РЭБ включил свои генераторы точно в указанное время. «Сушки» автоматически перешли на защищенный режим. Гражданские экранолеты на паузе между потерей автоматики и переходом на ручное управление затрясло, но пилоты удержали машины от сваливания в «штопор». Однако их усилий могло хватить ненадолго, максимум на две-три минуты. У этого типа экранолетов

ручное управление предполагалось лишь в экстремальных условиях. Впрочем, они сейчас и попали в такие условия.

На двухсотметровой высоте Тараканов повторил команду «делай, как я», осторожно поднырнул под левое крыло экранолета так, чтобы не смять свое хвостовое оперение, и как бы «прилип» под ним, принимая на «сушку» тяжесть лайнера и переведя свои двигатели на вертикальную тягу. Первый его ведомый повторил маневр под правым крылом. Второму ведомому пришлось решать задачу посложней — он должен был «прилипнуть» под хвостом и отрегулировать тягу так, чтобы не завалить «экран» на нос.

Тимофей перевел дух — вроде бы все штатно. Молодцы ребята! — подумал о своих и попытался найти взглядом второй экранолет. Не нашел и вышел на связь:

– «Первый» «второму»: как приняли груз?

– Груз приняли, — почти с кряхтением отозвался командир второй тройки. — Только слишком тяжел. Тянем на максимуме.

– Держитесь, ребята! На минимальной высоте уходите, иначе вас раздавит.

Тимофей и сам ощущал тяжесть огромной машины, как будто тащил ее на собственной спине. Трещало бронестекло фонаря, самолет проседал, опираясь на ревущие из сопел огненные струи, индикатор горячего, трепеща, неумолимо приближался к красной линии.

До береговой полосы оставались десятки метров. Тимофею казалось, что он уже различает отдельные камешки гальки. Скорость спуска сошла на нет... Еще немного, еще чуть-чуть, последний бой, он трудный самый... — мелькнуло в голове...

– Уходим!..

Однако уйти Тимофею не удалось. Экранолет внезапно выпустил закрылки, заклинив хвост таракановской «сушки», накренился на левое крыло, разворачиваясь вдоль берега, и рухнул на землю. Крыло с заклиненным самолетом оказалось в воде. Бронестекло фонаря выдержало, вода не проникла в кабину, но Тимофей от удара потерял сознание.

Тем временем события на боевых направлениях происходили своим чередом.

Крылатые ракеты на высоте десять-пятнадцать метров достигли залива Кука, когда поле РЭБ накрыло их и две тройки F-126, идущие следом. Тридцать шесть ракет разом «клюнули» носом и в одну секунду скрылись под водой, не взорвавшись: взрыватели также работали на электронике. Самолеты падали дольше, так как шли на пяти тысячах метров. Летчики смогли спастись, благодаря чисто механическим катапультам, а машины грохнулись в тайгу, устроив красочное огневое зрелище. Остальные двенадцать успели развернуться и уйти, но на подлете к авианосцам оставшиеся под их крыльями двадцать четыре ракеты неожиданно сорвались с подвесок и в считанные секунды разнесли в клочья один из авианосцев. Второй уцелел и принял на палубу все F-126, пилотам которых теперь предстояло объяснить причины таких своих действий. Что эти действия были не «свои», а операторов русамовской ПВО, вряд ли устраивало командование ВМФ США. Но — что поделаешь!

История шести истребителей, ушедших на перехват авиагруппы, в которой, по сведениям ФРУ, шел экранолет императора СНЕГа, оказалась также весьма короткой: в бою, длившемся около пяти минут, все шесть машин были уничтожены; два летчика погибли, четверо катапультировались и ждали помощи на надувных плотках.

Подводная лодка императорской четы благополучно ошвартовалась в порту Шелихова в 13.27 по местному времени.

Тараканов открыл глаза и увидел белый потолок, на котором сидела, изредка взмахивая крыльями, большая цветастая бабочка. Ее названия Тимофей не знал, но она напомнила ему детство, летние каникулы, которые он проводил в усадьбе деда Анкалин на берегу одного из фьордов Кадьяка. Усадьбу окружала тайга, куда маленькому Тиму было запрещено ходить в одиночку, потому что поблизости нередко появлялись медведи-кадьяки, огромные бурые звери. «Самые большие на Земле сухопутные хищники, — говорил дед. — Если кадьяк встанет на задние лапы, он будет в два раза выше нашего Умканавуна». Умканавуном звали эскимоса, который многие годы был сторожем усадьбы. Маленький, жилистый, цепкий, вечно ходивший в тюленьей парке, он и впрямь напоминал Тимофею медвежонка, только не белого, как следовало из его имени, а серого с желтыми пятнами.

– Здравствуйте, Тимофей Никитич, — вдруг услышал Тараканов знакомый голос. — С возвращением в наш мир.

Не веря своим ушам, он перевел взгляд в сторону и увидел Александру, доктора Корнееву, сидящую возле кровати. В белом халате и белой шапочке, из-под которой выбивались золотистые завитки, она показалась ему невыразимо родной, сияющие глаза на озабоченном милом лице — прекраснейшими в мире, а то, что эта единственная для него женщина оказалась рядом в может быть самые тяжелые часы, так сжало сердце, что Тимофей невольно шмыгнул носом. Прямо, как мальчишка, успел устыдиться он, прежде чем горячие губы Саши прижались к его шершавой от небритости щеке.

– Спасибо вам!

– За что?! — искренне удивился он. — Это вам спасибо, что не улетели.

– Все вылеты закрыли. А спасибо — за наше приключение на «манте». Я вчера была так озабочена, что забыла поблагодарить. И спасибо всем вашим летчикам за спасение «экранов»: там летели мои друзья.

– Это — наша работа, — усмехнулся Тимофей. — А кто меня спас?

Из сбивчивого рассказа Саши Тимофей понял, что при ударе «экрана» о землю закрылки выпустили хвост его «сушки», и истребитель просел в воду глубже. Где-то через час прибыла спасательная команда, «сушку» вытянули на берег и тогда разрежали кабину. Иначе вытащить пилота было невозможно: тяжесть «экрана» намертво заклинила замки фонаря. От удушья летчика спасла кислородная маска, которую он забыл снять, уйдя с большой высоты.

Дверь открылась, в палату заглянула мужская голова в белой шапочке и испуганно произнесла:

– Тараканов, к вам посетители.

Голова исчезла, а в дверях появились две фигуры — мужская и женская, обе, как полагается, в халатах, правда, накинутых на плечи.

Александра встала и отошла к изножью кровати.

Мужчина, высокий, широкоплечий, сграбастал руку Тимофея и сильно потрянул:

– Здорово, братан!

– Василий! — Тимофей приподнялся и обнялся с посетителем. Потом откинулся, всмотрелся и захохотал: — Так ты и взаправду стал императором! А это кто? Ой, Настена?! Здравствуй, Настенька!

Императрица Анастасия с улыбкой приобняла Тимофея, затем монаршая чета дружно посмотрела на Сашу.

– Александра Жданко, — представилась та и пояснила удивленному Тимофею: — Я недавно развелась с Корнеевым и вернула девичью фамилию.

– Жданко... Жданко... — задумчиво произнес император Василий. — Если мне не изменяет память, была в нашей истории такая... Алиса Жданко.

– Да, — смущенно сказала Александра, — мою прабабушку из девятнадцатого века звали Алиса Васильевна Жданко, она была женой орегонского генерала Эмильена Текумсе.

– Точно! Алиса Васильевна! Да ведь она была не просто женой генерала — сама полковник, кавалер ордена Святого Георгия!..

– Ваше Величество, — улыбаясь, обратилась к мужу императрица Анастасия, — вам пора на заседание Главного Правления, — и выразительно показала глазами на Тимофея и Александру.

– Да, да, — заторопился Василий Шереметев. — Мы же заглянули всего на минутку. Увидимся, Тим. Надеюсь, вместе с Александрой.

– Какие деликатные наши монархи, — сказала Саша, когда императорская чета скрылась за дверью, тщательно ее прикрыв.

– Они — славные ребята! Я их знаю лет семнадцать: служили с Василием в армии. Я потом в институт, а он куда-то исчез. И вот... пожалуйста, император всего СНЕГа! Да, Саша... можно мне вас так называть? — Она кивнула. — А вы зовите меня — Тим. Хорошо?

– Хорошо, — сказала Саша и засмеялась так звонко и чисто, что сразу стало понятно: это «хорошо» относится не только к обмену уменьшительными именами.

– Я хотел спросить... Вы поздравили меня с возвращением в *наш* мир...

– Да, и что?

– Вы имели в виду, что есть мир *иной*?

– Конечно, есть. А что вас удивляет? Вы не верите в него?

– Смотря что вкладывать в это понятие... Недавно мне сказали люди, весьма и весьма ответственные, что есть миры, как бы

параллельные нашему, и в каком-то из них есть Россия, Штаты и прочие государства, но нет Русама, Давоса... Что Аляску та Россия продала Америке аж в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году за сущие гроши, и тех не получила... Что Америка главенствует почти над всей планетой и только Россия да Китай осмеливаются ей противостоять.

— Как же такое могло случиться? — спросила ошеломленная Саша. — Почему?!

Тим посмотрел на нее долгим взглядом и вздохнул:

— А потому, что в том мире люди, от которых зависело очень многое, не решались в нужный момент сделать то, что должны были сделать. Та Россия все время сворачивала не туда и в результате оказалась совсем не там, где сейчас находимся мы. Я понял, Саша, что нередко мы — я имею в виду не только людей, но и государства — оказываемся перед важным выбором, дорога жизни как бы раздваивается, и от того, куда человек... или государство... повернет, зависит, в каком мире он будет жить. Параллельные миры создаем мы сами.

Май 2016 года

notes

Примечания

1

Роман возможностей (лат.).

Староверы, или старообрядцы, крестятся двумя перстами, православные — тремя. То есть Шелихов из православия легко перешел в «старую» веру.

3

Орляк — папоротник. Заготавливают и тушат молодые побеги.

4

Колба́ — черемша сибирская, лук победный.

5

Скорбут — цинга.

Мамоной при дворе называли фаворита императрицы А. М. Дмитриева-Мамонова. «Даная с золотым дождем» — картина Тициана. На ней изображена дочь царя Аргоса, к которой явился Зевс в виде золотого дождя.

Цитаты здесь и далее даются в современной орфографии. —
Примеч. автора.

8

Ну вот, я свое выполнил (англ.).

Тра́ппер (от англ. trap — «ловушка») — охотник на пушных зверей в Северной Америке.

10

Сейчас я проиграл, но еще не вечер. У меня нет золотой табакерки, но, возможно, сойдет и рукоять пистолета (англ.).

11

Курс корабля, когда ветер дует точно в корму. Угол между направлениями движения корабля и ветра составляет 180 градусов.

12

Курс корабля, когда ветер дует сзади и сбоку. Угол — примерно 135 градусов.

Вид волнения на море, возникающий, в частности, при столкновении двух сильных течений (например, в устье реки).

Ново-Архангельск был основан А. А. Барановым на острове Ситка в 1799 г. В 1802 г. индейцы-тлинкиты, или колоши, пошли войной на русских и уничтожили поселения на Ситке. После разгрома колошей Ново-Архангельск был отстроен Барановым заново и на многие годы стал столицей Русской Америки.

Грызуны, населяют тундру и лесотундру. Быстро размножаются. За сутки лемминг съедает вдвое больше, чем весит сам.

Однако фактически акционерное общество стало закрытым. Всего было выпущено 724 акции, каждая стоимостью 3638 руб. 61¼ коп. на общую сумму 2 634 356 руб. 57¾ коп. Акции разобрали «свои люди», в том числе и члены императорской фамилии. Не пускать же каждого россиянина со свиным рылом в калашный ряд: еще, глядишь, обогатятся сверх меры.

Н. П. Резанов был назначен посланником в Японию и начальником первой русской кругосветной экспедиции; последнее вызвало недовольство И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, которые в течение всего пути до Японии подвергали камергера всяческим унижениям и пренебрегали им. Резанов на провокации не поддался и заставил Крузенштерна извиниться.

С событий в Бостоне (штат Массачусетс) началась Американская революция, приведшая к образованию США. К тому же Бостон в начале XIX века был крупнейшим портом Северной Америки. Поэтому штатовских шкиперов нередко называли бостонцами.

Прикосновение чем-либо — голой рукой или зажатым в руке предметом — к врагу (свершение «ку») у индейцев Северо-Запада считалось знаком высшей доблести.

20

146,25° от норда.

Русский ублюдок (англ.).

В сентябре 1813 года при штурме Квинстонских высот погиб выдающийся английский полководец генерал Брок, друг и соратник Текумсе. Сменивший его генерал Проктер испугался количественного превосходства американских войск и стал отступать по всему фронту, бросив индейцев на произвол судьбы. Алгонкины были разгромлены в сражении на реке Темзе (Канада) войсками под командованием Уильяма Харрисона, губернатора Индианы. Текумсе пал в этом сражении.

Американцы тоже решили использовать индейцев и приласкали противника Текумсе вождя чокто Пушматаху, дали ему звание генерала, и тот возглавил войско Пяти цивилизованных племен — чероки, чикасо, чокто, крики и семинолы, — которые в начале XIX века уже усвоили многие обычаи и достижения белых поселенцев. Особых успехов Пушматаха не имел.

В 1830 году президент Эндрю Джексон подписал «Закон о выселении индейцев», по которому индейцы Пяти племен были насильственно переселены в специально созданные для них Индейские территории (ныне восток штата Оклахома). Многие погибли по пути или в новых местах. Переселение получило название Дорога слез.

As you make your bed, so must you lie on it — американская поговорка.

Инуиты (самоназвание племени эскимосов) в переводе с языка иниктитут — настоящие люди.

Встать! Руки вверх! (англ.)

Сложить оружие! (англ.)

Зажигательный снаряд корабельной гладкоствольной артиллерии.

«Отец-основатель» независимой Мексики, бывший католический монах.

Остановите мир — я хочу выйти (англ.).

Как ты, мексиканский ублюдок, смеешь здесь охотиться без разрешения?! (англ.).

Мисс, майор Тараканов не мексиканец! Он — русский! (англ.).

Простите великодушно, сэр! (англ.).

Вы говорите по-английски? (англ.).

Мои дворняги (англ.).

After death the doctor — дословно «доктор после смерти» — американская поговорка.

Я — аккредитованный корреспондент вашингтонских изданий — журнала «Democratic Review» и газеты «New York Weekly Sun» — Джейн Казно. А кто, мадам, вы? Я вас не знаю (англ.).

Ваше Величество! (англ.).

Я слышу Вас... Что Вам угодно? (англ.).

Мне угодно Вас убить (англ.).

Янки — кличка американских англо-саксов; томми — прозвище английского солдата.